

A.Przeworski

**Democracy and Market:
Political and Economic Reforms
in Eastern Europe and Latin America**

Cambridge University Press
1992

А.Пшеворский

**Демократия и рынок.
Политические и экономические
реформы в Восточной Европе
и Латинской Америке**

Перевод с английского.

Под редакцией профессора В.А.Бажанова

РОССПЭН
2000

ББК 66.2(0)17

65.7

П 93

Редакционный совет серии «Университетская библиотека»:
Н.С.Автономова, Т.А.Алексеева, М.Л.Андреев, В.И.Бахмин,
М.А.Веденяпина, Е.Ю.Гениева, Ю.А.Кимелев, А.Я.Ливергант,
Б.Г.Капустин, Ф.Пинтер, А.В.Полетаев, И.М.Савельева,
Л.П.Репина, А.М.Руткевич, А.Ф.Филиппов

«University Library» Editorial Council:

Natalia Avtonomova, Tatiana Alekseeva, Mikhail Andreev,
Vyacheslav Bakhmin, Maria Vedeniapina, Ekaterina Genieva,
Yuri Kimelev, Alexander Livergant, Boris Kapustin, Frances Pinter,
Andrei Poletayev, Irina Savelieva, Lorina Repina, Alexei Rutkevich,
Alexander Filippov

Издание выпущено при поддержке Института
«Открытое общество» (Фонд Сороса) в рамках мегапроекта
«Пушкинская библиотека»

This edition is published with the support of the Open Society
Institute within the framework of «Pushkin Library» megaproject

Перевод осуществлен: Введение, Пролог, Заключение —
Бажанов В.А., Глава 1 — *Алексеева Т.С.*, *Бажанов В.А.*,
(Приложение к главе 1 — *Бажанов В.А.*), Глава 2 —
Бляблин Г.П., Глава 3 — *Алексеев Ю.Г.*, *Бажанов В.А.*,
Глава 4 — *Бажанов В.А.*, *Калинина В.Д.*

Пшеворский А.

П 93 Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. Пер с англ. / Под ред. проф. Бажанова В.А. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. — 320 с.

Будучи одной из самых цитируемых в западной политической науке среди изданий, вышедших в 90-е годы, книга А.Пшеворского посвящена не только процессам перехода от одной политической и экономической системы к другой. Она — о сущности и условиях стабильной демократии, о сущности и смысле социальных институтов и наиболее оптимальных способах их строительства, о сущности, смысле и осуществимости капитализма и социализма, о сущности и смысле региональных и глобальных экономических процессов в современном мире. Эта книга не только о Латинской Америке и Восточной Европе, но и о России, о странах постсоветского пространства.

© «Российская политическая энциклопедия», РОССПЭН, 1999.

© Бажанов В.А., предисловие. 1999.

© Алексеев Ю.Г., Алексеева Т.С., Бажанов В.А., Бляблин Г.П., Калинина В.Д., перевод, 1999.

© Cambridge, University Press, 1992.

ISBN 5-8243-0054-2

КАТЕХИЗИС РЕФОРМ

(Предисловие научного редактора)

Часто для того, чтобы видеть профиль эпохи, надо отойти в сторону.

С.Е.Лец

Книга, которую Вы, читатель, держите в руках, является одной из самых «громких», самых цитируемых в западной политической науке среди изданий, увидевших свет в 1990-х годах. Это своего рода катехизис для тех, кто анализирует и осмысливает труднейший процесс перехода от одной политической и экономической системы, оказавшейся неспособной обеспечить для общества и его членов достойную жизнь, к другой, которая, в мечтах и надеждах реформаторов, обещает благополучие и процветание.

Действительно ли этим мечтам и надеждам суждено сбыться? Какие Сциллы и Харибды предстоит преодолевать в процессе перехода? Обязательно ли результатом политических преобразований будет устойчивая демократия? Какова политическая динамика экономических реформ?

Ответы на данные вопросы предлагает один из самых крупных, глубоких и оригинальных представителей современной политической науки Адам Пшеворский.

Но книга не только собственно о процессах перехода. Эта книга, строго говоря, написана совсем не в жанре «чистой» транзитологии. Ее предмет существенно шире, нежели проблема перехода от одной политической системы к другой. Эта книга о сущности и условиях стабильной демократии, о сущности и смысле социальных институтов и наиболее оптимальных способах их строительства, о сущности, смысле и осуществимости капитализма и социализма, о сущности и смысле региональных и глобальных экономических процессов в современном мире.

Эта книга о смысле и происхождении препятствий, иногда непреодолимых, на пути к рынку и экономическому благополучию. Эта книга не только о Латинской Америке и Восточной (Центральной, как ныне принято называть) Европе — как можно подумать, отталкиваясь от ее названия. Эта книга и о России, о странах постсоветского пространства, о том, что с нами было, что может быть. Эта книга о нас с Вами, уважаемый читатель.

Можно бесконечно, до хрипоты спорить об уникальности России и абсолютной неповторимости ее пути, о неприменимости к ней «общего аршина», о том, что экономические механизмы перехода, которые показали свою эффективность в различных странах, бессильны и не действуют в России. Но более отвечает самому замыслу научного, рационалистического подхода иная когнитивная установка, которая с удивительным постоянством для сторонников точки зрения «уникальности» (в частности российских реалий) демонстрировала силу провидения и чисто практическую значимость. Речь идет о том, что *существуют общие закономерности и механизмы* экономических и политических преобразований, в известной степени не зависящие от конкретных культурных реалий, что эти закономерности работают подобно часовому механизму, принципы действия которого единообразны вне зависимости от той или иной марки часов. Чрезвычайно важно вскрыть *своеобразие* проявления общих закономерностей в данном государстве, увидеть соотношение *общего и особенного*. Собственно, именно в этом случае мы имеем дело с научным подходом, нацеленным на выявление единства в многообразии, на поиск более или менее универсальных методов, при опрокидывании которых в будущее возникает правдоподобный прогноз, а рост знания приводит к обобщениям, охватывающим все более обширные предметные области.

Книга А.Пшеворского первым изданием вышла в 1991 году, и последующие, достаточно насыщенные событиями, годы показали силу теоретического анализа, который предпринят автором. Этот анализ вовсе не сводится к жанру «понимающего», своего

рода «герменевтического» знания, свойственного в основном современной отечественной политологии, а представляет собой образец и понимания, и объяснения, и предсказания. В книге блестяще описывается *методология современного политического анализа* и показывается, как эта методология *конкретно работает* в аспекте осмысления и препарирования «живого» материала. Многие элементы современного политического (и экономического) анализа, успешно применяемые на Западе, оказываются не затребованными отечественными политологами, не оцененными (или не замеченными?) ими. Например, теоретико-игровые методы и представления. В книге же в большей или меньшей мере представлен едва ли не весь идейный арсенал современной политической науки, и поэтому настоящее издание может служить великолепным пособием для политологов, экономистов, философов, правоведов, культурологов — для всех, кого интересует жизнь современного общества и государства, выбравшего нелегкий путь движения к демократии и рыночной экономике, и кто хочет глубже понимать сложности этого пути и осознавать грандиозность самой идеи перехода. Эта книга для тех, кто способен задуматься, что из *общего*, которое находится в фокусе размышлений автора, непосредственно приложимо к российской действительности, к процессу перехода, осуществляемого в нашей стране.

Хотелось бы особо обратить внимание читателей на те положения книги, которые касаются условий стабильности демократии, — согласие всех основных политических сил, которое обеспечивает в конечном счете успех переговоров, связанных с созданием прочных социальных институтов, универсальность препятствий в строительстве демократии и рыночной экономики, которые детерминируются скорее *целями*, а не стартовыми условиями, большее значение механизмов распределения для благополучия общества по сравнению с формами собственности.

Нельзя не заметить убедительную рациональную аргументацию автора в пользу того, что капитализм по своей сути иррационален, а социализм просто не-

состоятелен и попросту не осуществим, ибо его внутренние, глубинные механизмы неизбежно приводят к тому, что люди большую часть жизни вынуждены проводить в попытках бороться против действия этих механизмов, ответственных за чрезвычайную неэффективность и антигуманность социалистического режима и в конце концов подталкивающих людей к осознанию необходимости строительства рынка и движения к демократии. Тем не менее здесь вовсе не гарантирован успех: *устойчивая демократия, увы, является лишь одним из возможных исходов стремления покончить с авторитаризмом.*

Демократия представляется А.Пшеворским как система разрешения социальных противоречий, когда ни одна из сторон никогда полностью не контролирует положение и не определяет конечный результат, который для всех политических акторов всегда остается неопределенным. Главная, фундаментальная ценность демократии — защищенность от насилия и произвола, связанная как раз с имманентным состоянием неопределенности в условиях как бы равнодействия ведущих политических сил и непредопределенности для них будущего, которое оказывается открытым и зависящим лишь от предпочтений избирателей.

Между тем начало движения к демократии и рынку, обычно с восторгом встречаемое народом, подмечает автор, при едва ли не первых признаках лишений трансформируется в разочарование и желание многих вернуться назад. Профсоюзы встают в первые ряды сопротивления реформам, правительство не в состоянии выдержать давление крупных компаний и фирм, отстаивающих свои интересы в ущерб общенациональным, обвинения в «распродаже страны» связывают реформаторам руки. Правительство начинает терять авторитет, а стало быть, и время. Темп преобразований падает, реформы, наконец, заклинивает. Народ не ощущает улучшений, наступает момент выборов, и здесь силы реставрации могут взять верх над не очень удачливыми реформаторами. Государство, проводящее непоследовательные реформы, таким образом, оказывается основ-

ным фактором нестабильности. Через какой-то промежуток времени все приходится начинать сначала.

Однако социальный организм еще помнит неудачную попытку реформ и требует все более и более сильных доз и радикализации преобразований, которые ведут к еще большим, чем ранее, лишениям. Два шага вперед — шаг назад, таковы циклы реформ. Новые и новые реформаторы, допускающие непоследовательность, полагают, что им непременно улыбнется удача там, где она коварно обманула ожидания их предшественников.

И тем не менее двигаться можно только вперед. Возвращение к прежней системе будет означать еще меньшую ее эффективность (хотя она и так была крайне низкой), еще большие страдания народа. Наиболее оптимальную форму политического правления, способную обеспечить и достаточное благосостояние народа, и должный уровень демократических институтов, А.Пшеворский видит в социал-демократической модели общественного устройства. Вопрос в том, подходит ли она для России.

В более поздних работах (выполненных, в частности, под руководством А.Пшеворского, см.: *Sustainable Democracy*. Cambridge University Press, 1995) показывается, что международные факторы оказываются решающими в построении эффективной рыночной экономики. К успеху приводят только такие социальные механизмы, при которых люди отвечают за последствия своих действий материальным благополучием, т.е. в обществе выстраивается система обратных связей, сдержек и противовесов. России еще предстоит все это создать. И книга А.Пшеворского может подсказать нам более оптимальные решения и глубже понять суть происходящих процессов.

*Доктор философских наук,
профессор В.А.Бажанов*

Симбирск-Ульяновск,
декабрь 1998

ВВЕДЕНИЕ

Есть и говорить — не бояться умереть от голода и от репрессий: эти элементарные ценности руководят стремлением, характерным для народов всей планеты, — стремлением к политической демократии и рациональному ведению экономики. За последние 15 лет Греция, Португалия, Испания, Аргентина, Боливия, Бразилия, Чили, Парагвай, Южная Корея, Пакистан, Филиппины, Турция, Польша, Венгрия, Чехословакия, Болгария, Словения, Албания и Алжир провели свободные выборы. Они были первыми свободными выборами вообще или, во всяком случае, первыми таковыми за десятилетия. Даже в Советском Союзе первые признаки открытости были поддержаны народом и вписали демократию как главный пункт политической повестки дня. Никогда еще такое количество стран не знало благ демократии или по крайней мере не экспериментировало с демократическими институтами.

В то же время успешное экономическое строительство в течение нескольких десятилетий в ряде стран было прервано. Экономические кризисы, поразившие Аргентину, Бразилию и Мексику, равно как и Венгрию, Польшу и Югославию, таковы, что народы этих стран еще не сталкивались с такими серьезными экономическими вызовами. В итоге мы наблюдаем энергичные поиски новых моделей и новых стратегий развития, которые могут обеспечить устойчивый рост. Во многих странах после ряда провалов экономические системы радикально перестраиваются.

И в сфере политики, и в сфере экономики мы наблюдаем решительные попытки порвать с прошлым; в обеих сферах понятие «переход», пожалуй, лучше всего описывает процессы, которые протекают ныне в ряде государств. Это переход от авторитарных режимов различных оттенков к демократии

и от монополистических, изолированных, контролируемых только государством экономик (опять-таки различных типов) к надежному в экономическом отношении рынку. Переходы эти носят радикальный характер, и они независимы для разных стран.

Какая судьба уготована государствам, рискнувшим вступить на путь демократического развития и рынка? Изучение процессов перехода должно дать ответы на многочисленные вопросы, касающиеся условий перехода и выбора направлений, способных привести к политической демократии и материальному благополучию. Будет ли результатом перехода действительно демократия или же он сорвется в диктатуру, старого или нового образца? Будет ли новая демократия стабильной? Какие социальные институты должны лежать в ее основе? Окажется ли новая политическая система эффективной, чтобы обеспечить новый курс развития общества, свободу личности и социальную справедливость? Что будет из себя представлять экономическая система: какие формы собственности будут в ней преобладать, каковы будут механизмы распределения ресурсов, какие стратегии развития будут избраны? Обеспечит ли новая система такое развитие, которое будет сопровождаться ростом материального благосостояния всех членов общества?

Простых ответов на эти вопросы не существует. Обществоведам еще многое неизвестно и многое нужно узнать. Для того чтобы рассуждать о будущем, чтобы осмыслить выбор, который приходится совершать сейчас, нужно сделать ряд допущений. Собственно говоря, мы собираемся получить ответы на извечные четыре вопроса о сущности демократического развития:

1. Какие демократические институты наиболее стабильны?
2. Какие типы экономических систем — формы собственности, механизмы распределения и стратегии развития — с наибольшей степенью вероятности обеспечат рост, сопровождающий-

ся подъемом уровня жизни всех без исключения членов общества?

3. Каковы политические условия успешного функционирования экономического организма общества, всеобщего роста благосостояния?
4. Каковы экономические условия консолидации демократического государства — условия, гарантирующие свободу общественных объединений, преследования своих интересов и обеспечения ценностей, не опасаясь за жизнь или преследований, согласно демократически установленным нормам?

Моя книга начинается с Пролога, где говорится о крушении коммунистической системы. Этот крушение, никем так и не предугаданное, буквально за несколько недель открыло миллионам людей в Восточной Европе новый мир. Но каким суждено быть этому миру? Отыщут ли посткоммунистические страны свой путь к демократии и процветанию, к «Западу»? Или им суждено будет бороться против нищеты и угнетения, подобно миллиардам людей на «Юге»? Это вопросы, поставленные в Прологе.

Глава 1 посвящена теории устойчивых демократических институтов. Я утверждаю, что только те демократии стабильны, которым удалось обеспечить согласие всех основных политических сил, так сказать, естественным путем, без насилия и принуждения. Я показываю, что, для того чтобы добиться согласия, демократия должна выстроить такую систему социальных институтов, которые открывают перед всеми политическими силами одновременно перспективы равного и справедливого соревнования за умы избирателей: она должна быть эффективной и действенной в смысле претворения решений в жизнь. Между тем при определенных экономических условиях эти требования разом невозможно удовлетворить какой-либо системой демократических институтов. Наиболее важное условие связано с необходимостью глубоких экономических преобразований.

Даже если демократические институты и возможны при определенных обстоятельствах, вовсе нет га-

рантии того, что противоборствующие политические силы, имеющие различные виды на будущее, согласятся на их установление. В фокусе главы 2 находятся проблемы выбора таких институтов. Я утверждаю, что такие институты всегда появляются как результат переговоров. Что отличает конкретные переходные процессы, так то, появились ли эти институты в результате переговоров с силами, связанными с прежним авторитарным режимом, или же с силами, которые являлись союзниками только в борьбе с авторитарным режимом. Те процессы демократизации, которые оказались возможными в результате трудных переговоров с авторитарным режимом, скорее всего будут отличаться тем, что сохранятся многие социальные институты, характерные для прежнего режима, и прежде всего автономия армии. Даже если нет опасности репрессий, то протодемократические силы склонны создать такую систему институтов, многие элементы которой рассматриваются как временные. Таким образом, важные институциональные проблемы вряд ли найдут свое решение в переходный период. Наконец я уверен, что когда даже в незначительных политических конфликтах затрагиваются те или иные аспекты, связанные с социальными институтами, то идеологические факторы выходят на передний план. И поэтому, как правило, ведущие идеологии становящихся демократий как бы не замечают различий позиций и возможных конфликтов, естественных для демократического «сореживания».

В главе 3 я перехожу к обсуждению экономических вопросов. Центральный вопрос здесь состоит в том, какие формы собственности и механизмы распределения с наибольшей вероятностью будут способствовать гуманному распределению благосостояния в обществе. Я настаиваю на том, что капитализм в каком-то смысле иррационален: когда экономические субъекты, заинтересованные только в собственном успехе, распределяют скудные ресурсы хаотическим, неплановым образом, то производственный потенциал не может использоваться на полную мощность до тех пор, пока не будет получена полная

отдача от частных инвестиций. Однако социализм, которому свойственно строго плановое распределение, вообще несостоятелен, ибо в его фундаменте лежат невыполнимые требования, касающиеся поведения тех, кто планирует, производит и потребляет. Имея перед собой эту дилемму, я вынужден заявить, что формы собственности менее важны для благополучия общества, нежели механизмы распределения. Наиболее рациональные и гуманные экономические системы — это те, которые построены на принципах регулируемой экономики (распределение ресурсов) и государственной политики обеспечения минимума благополучия каждому члену общества. Эта система вовсе не идеальна в смысле экономической эффективности и социальной справедливости, но лучшую я найти не могу.

Даже если мы знаем, какая экономическая система является наилучшей, путь к ней тернист. Глава 4 поэтому посвящена политической динамике экономических реформ. Я показываю, что побочные результаты переходного процесса включают инфляцию, безработицу, неэффективность распределительных механизмов и аномальное неравенство в доходах различных слоев общества. Проблема в том, будет ли цена перехода приемлема в политическом смысле. При некоторых упрощениях я показываю, что та стратегия реформ, которая обычно выбирается политиками, — достаточно радикальна и вовсе не включает меры, сводящие к минимуму социальные тяготы. Даже если эта стратегия поначалу получает всеобщую поддержку, то стоит в ходе ее воплощения населению столкнуться с социальной неустойчивостью, как она вызывает противодействие. Такие колебания подтачивают уверенность в успехе реформ и угрожают стабильности демократии. После этих предваряющих изложение откровений следует трезвое, даже, возможно, невдохновляющее заключение. Не исключено, что, как выражаются поляки, пессимизм — это хорошо информированный оптимизм. Однако моя цель состоит вовсе не в предсказаниях, пессимистичных по своей сути или нет, а в указании препятствий, обычных для строительства демократи-

---

ческого государства и рыночной экономики. Многие из этих препятствий, я убежден, универсальны, поскольку они детерминированы общими целями, а не различными стартовыми, начальными условиями. Тем не менее результаты могут быть различны, поскольку они зависят от исторически предопределенных реалий, от доброй воли, разума и просто от удачи.

ПРОЛОГ: КРУШЕНИЕ КОММУНИЗМА

Переход к демократии происходил в Южной Европе — в Греции, Португалии, Испании — в середине 1970-х годов. Аналогичный переход состоялся на южной оконечности Латинской Америки, за исключением Чили, — в Аргентине, Бразилии, Уругвае — в начале 1980-х годов. Процессы перехода были запущены и в Восточной Европе в период «осени народа», в 1989 году. Применим ли более ранний опыт для понимания процессов, развернувшихся позже? Дает ли все же история какие-то уроки?

В отличие от демократизации Южной Европы и Латинской Америки крушение коммунизма было неожиданным. Никто не думал, что коммунистическая система, называвшаяся некоторыми политологами тоталитарной именно в силу ее незыблемости, вдруг распадется и распадется мирно. Что открыло перспективы демократизации Восточной Европы? Почему этот процесс оказался столь быстротечным и гладким?

Поскольку я рассматриваю крушение коммунизма в качестве пролога к дальнейшему анализу, то позвольте мне реконструировать историю так, как я ее вижу. Прежде, однако, надо предостеречь от поверхностного рассмотрения. «Осень народа» — неудача политической науки. Любое ретроспективное объяснение крушения коммунизма должно касаться не только самого хода истории, но и содержать указание на то, по какой причине нам не удалось предвидеть этот ход истории. Если мы сейчас такие умные, то что мешало нам быть умными несколько лет назад?

Большинство больных раком умирает от пневмонии. Социальная же наука не очень хороша для вскрытия непосредственных причин и условий каких-либо событий; достаточно вспомнить пятьде-

сят лет разногласий по поводу Веймара. Однако ответ на вопрос «Почему коммунизм потерпел крушение?» вовсе не эквивалентен вопросу «Почему коммунизм потерпел крушение осенью 1989 года?». Легче объяснить, почему коммунизм должен был потерпеть крушение, нежели, почему в действительности это произошло с ним.

Ссылка на тоталитаризм не проясняет ситуацию: можно диагностировать рак и тем самым предвидеть пневмонию. Тоталитарная модель была более идеологической, чем конкретные общества, к которым эта модель применялась. Эта модель, по сути, не признавала конфликты внутри коммунистических систем, поскольку предполагалось, что эти системы основаны на догме и репрессиях. Тем не менее с конца 1950-х годов идеология уже не цементировала, по выражению А.Грамши, эти системы. Вспоминаю, какое затруднение я испытал в осмыслении первомайского лозунга в Польше в 1964 году «Социализм — гарантия неприкосновенности наших границ». Социализм — проект будущего — не был концом истории; он должен был стать элементом традиционных ценностей. А начиная с 1970 годов гнет репрессий ослаб: по мере того как коммунистические лидеры все более искушались плодами капитализма и сладостями буржуазного образа жизни, их самодисциплина слабела, а вместе с ней и воля к сокрушению несогласных и инакомыслящих. Партийные бюрократы уже не хотели проводить бессонные ночи на разных там заседаниях, носить пролетарское платье, маршировать и выкрикивать лозунги, воздерживаться от соблазнительных даров вроде бы чуждого общества потребления. Развивался своего рода «гуляшный коммунизм», «кадаризм», «брежневизм» — своего рода негласные соглашения, обусловленные «разменом» личного материального благополучия на молчание. А неявной предпосылкой такого состояния дел было убеждение, что социализм — вовсе не модель светлого будущего, а недо-развитая социальная система. Хрущев поставил цель сравняться по развитию с Великобританией; с 1970-х годов Западная Европа стала образцом для сравне-

ния, а сравнение было все больше не в пользу СССР.

Как показывали опросы польского и венгерского населения, социалистическое общество было все более разобщенным, в нем доминировали сугубо материальные интересы, а люди становились все более циничными. Это было общество, в котором люди выкрикивали лозунги, в которые они не верили, и они не предполагали, что кто-то будет верить. Речи становились особым ритуалом. Мне нравится следующий советский анекдот. Мужчина раскидывает листовки по Красной площади. Его забирает милиционер, который конфисковывает листовки, но вдруг замечает, что они — чистые листы бумаги. Страж порядка удивленно восклицает: «Почему вы их разбрасываете? Они ведь чистые. На них ничего не написано!» В ответ он слышит: «Зачем писать? И так все знают...»

Слова же становились опасными, настолько опасными, что одним из поводов вторжения пяти армий в Чехословакию в 1968 году назывался манифест Людвика Вацулика «Две тысячи слов». А наиболее опасными для коммунистического режима являлись сами идеи, которые вроде были заложены в фундаменте этого режима: рациональность, равенство, даже роль рабочего класса. Еще в начале 1960-х годов опросы общественного мнения показывали, что студенты инженерных вузов и факультетов наиболее критически настроены по отношению к социалистической экономике; им было свойственно в большей степени, чем кому бы то ни было, ценить рациональность. Польские диссиденты в середине 1970-х годов придерживались очень простой стратегии расшатывания политической системы: они решили настаивать на выполнении тех прав человека, которые провозглашались коммунистической конституцией. А максимальную же опасность для системы представляло поведение тех, ради кого вроде бы и создавалась, и существовала система — рабочего класса. Коммунистическая идеология становилась опасной даже для того социального порядка, который она, казалось бы, олицетворяла. Люди остро

нуждались в некоторой идейной гармонии: когда их мысли и слова постоянно не соответствовали друг другу, то жизнь становилась невыносимой. Именно потому требование «правды» стало по меньшей мере таким же важным, как и требование хлеба; именно потому на вопросы исторической достоверности обращалось всеобщее внимание тогда, когда режим начал рушиться; именно потому одним из ведущих оппонентов советского режима являлся Главный архивист СССР; именно потому на два года были отменены экзамены по истории в школе; именно потому писатели и представители гуманитарной интеллигенции стали во главе посткоммунистических режимов.

Но те из нас, кто не видел необходимости отличать авторитарный режим от тоталитарного, кто рассматривал переход к демократии в Испании, Греции, Аргентине, Бразилии или на Филиппинах как готовую модель перехода в Венгрии, Польше или в СССР, — искали симптомы пневмонии, но не замечали самого рака. Мы знали, как анализировать уже разгоревшиеся конфликты, но не знали условий их возгорания. Хотя Тимоти Гартон Аш (Ash, 1990: 252) в сентябре 1988 года и написал осторожно о возможности «оттоманизации» — «освобождении через распад» — СССР, никто не предполагал, что советский режим настолько шаток, что достаточно было слабого толчка для его падения.

«Осень народа» — лишь одно событие, или, если хотите, полтора события. «Теория домино» Генри Киссинджера торжествовала; единственно, что в ней не описывалось, так это направление падения косточек домино. Случившееся в Румынии было спровоцировано событиями в Чехословакии; события в Чехословакии были вызваны прекращением существования ГДР; причина, которая вывела на улицы толпы восточных немцев, скрыта в политических изменениях в Венгрии; а венграм указал путь ход переговоров (между правительством и Солидарностью) в Польше. Можно точно сказать, что сотни социологов напишут тысячи книг и статей, сопоставляющих и сравнивающих условия, характерные для каждой

страны, и результаты изменений, но полагаю, это будет пустая трата бумаги и времени. Весь этот период подобен снежному шару (в техническом, так сказать, смысле). События в одной стране подталкивали людей оценивать вероятность успеха аналогичных событий в своем отечестве, и по мере увеличения числа стран, вовлеченных в процесс, вероятность успеха все возрастала. И уже не оставалось сомнений, что падут и последние бастионы.

Первый открытый мятеж разгорелся в 1976 году и пылал до 1980 года. Первый же пример краха коммунистической системы относится к 13 декабря 1989 года. Военный переворот генерала Ярузельского явился доказательством того, что коммунистические партии уже не могут править при полной покорности народа, что власть может существовать лишь при опоре на силу. Как только экономическая политика 1970-х годов провалилась, как только у интеллектуалов прорезался голос, а рабочие осознали себя реальными хозяевами фабрик, партийные бюрократы уже не могли сохранить власть. Продолжая пользоваться всяческими привилегиями, они были вынуждены разделить политическую власть с организованными силами подавления. Коммунистическое правление стало милитаризованным потому, что только так коммунистические партии были способны подавлять недовольство или даже мятежи народа.

С этого самого момента один страх физического насилия, внутреннего или внешнего, служил подпоркой системы. Даже военная сила ничего не могла поделать с выступлением польских рабочих летом 1988 года, и к чести генерала Ярузельского, что он понял это. Решение пойти на компромисс с оппозицией было навязано польской компартии армией. Венгерская компартия раскололась «сверху» без аналогичного давления «снизу» и без принуждения военных. Успех переговоров в Польше весной 1989 года показал венграм дорогу к мирному преобразованию сущности власти. У тому времени партийные бюрократы в обоих государствах стали приходить к пониманию того факта, что хотя еще можно какое-то время сохранять политическую власть, но лучше,

по шутливому выражению Элемера Ханкиса, «конвертировать» ее в экономическую власть пока еще не поздно.

Искрой, от которой возгорелась целая цепочка событий, было разрешение венгров пропустить восточногерманских политических беженцев через свою территорию в Западную Германию. Узнав, что дорога открыта через Будапешт, восточные немцы начали пробовать и Прагу. И в этот момент восточногерманское правительство совершило роковую ошибку. Оно согласилось с тем, что беженцы могут следовать на Запад, но решило «унизить» их. Беженцам надлежало на поезде следовать через ГДР и лицезреть организованные демонстрации, участники которых должны были выражать свое презрение к их поступку. Однако вместо осуждения беженцев массы превратили демонстрации в мероприятия, направленные против режима, точно так же, как это позже случилось в Болгарии и Румынии. Остальное — уже история. Как только сотни тысяч людей заполнили улицы Лейпцига, Дрездена и Берлина, как только пала Берлинская стена, давление на Чехословакию стало неодолимым, и болгарские коммунисты лишь смогли свести до минимума потери. Горбачевская революция в СССР безусловно сыграла решающую роль в восточноевропейских событиях. Она явилась, так сказать, сопутствующим явлением, пневмонией. Но это банальное суждение может вызвать замешательство.

Опасность военной интервенции, ясно осознанная благодаря памяти о событиях 1956 года в Венгрии и 1968 года в Чехословакии, существенно сдерживала естественное развитие в Восточной Европе. Это был тормоз, дамба на пути все более возрастающего потока воды, но не более того. Стоило дамбе не выдержать напора, как воды хлынули и погребли под собой остатки дамбы. Перестройка в СССР не явилась причиной событий в Венгрии и Польше; ее роль в том, что она демонтировала решающий фактор, который препятствовал их осуществлению. Вот почему «советский фактор» не является препятстви-

ем для применения латиноамериканских моделей перехода к Восточной Европе.

Более того, горбачевская революция не была каким-то «трюком» истории. СССР вовсе не был исключением — а ретроспективная оценка хода истории это подтверждает — в смысле малозаметной работы тех же механизмов, которые привели к крушению коммунизма в Восточной Европе. Неспособный убеждать своим примером другие страны, incapable заглушить голоса диссидентов, incapable накормить свой народ, incapable сокрушить союз племен горного Афганистана, incapable к состязанию в технологической сфере — не этим ли отличался СССР в 1984 году? И посмотрев на приведенный список, вне зависимости от наших теоретических расхождений, не будем ли мы вынуждены прийти к однозначному заключению?

Мог ли СССР вторгнуться в Польшу в 1981 году? Мог ли он сохранить советскую империю? Какую плату своим внутренним спокойствием и материальным благосостоянием своего народа СССР должен был внести за это? Думаю, что изменения в СССР, включая изменения его стратегии по отношению к Восточной Европе, были обусловлены целым комплексом причин; частично в основе этих изменений лежало развитие восточноевропейских стран, частично — возросшая политическая и экономическая цена сохранения империи. Все теоретики, не только марксисты, верили в то, что изменения таких масштабов могут быть только результатом насильственных действий — войн, революций и т.п. Однако, за исключением Румынии и вспышек насилия в этнических конфликтах на территории СССР и Югославии, революции в Восточной Европе не потребовали ни единой жертвы. Почему?

Причины того, что коммунистическая система разрушилась так быстро и, что называется, «бесшумно», кроются и в сфере идеологии, и в сфере, относящейся к состоянию силовых структур. Для меня лично наиболее удивительная черта этого процесса та, что партийные бюрократы совсем ничего не имели за душой, чтобы хоть как-то оправдать свою

власть. Они попросту замолкли: ни слова не сказали о социализме, о прогрессе, светлом будущем, материальном благополучии, рациональности социализма, всеобщем равенстве и пролетариате. Они лишь скрупулезно высчитывали, сколько народу придется уничтожить, для того чтобы сохранить свою власть, сколько министерских постов им будет положено, если пойти на компромисс, сколько чиновничьих мест они сохраняют, если придется уйти вообще. Их хватало разве что на патриотические заявления, но искренность этих заявлений была более чем сомнительна. А даже сейчас, когда переименованные или трансформированные коммунистические партии провозглашают свою преданность демократическому социализму, они по-прежнему имеют в виду вовсе не то, что провозглашают. Так, основополагающая программа Польской социал-демократической партии начинается с утверждения, что Польша является для членов партии наивысшей ценностью, что они преданы идеалам демократии, затем же говорят о предпочтении тех «форм собственности, которые... с экономической точки зрения наиболее эффективны». Это все декларации, помогающие партии занять новую нишу в новом социальном порядке, но это совсем не те ценности, с помощью которых можно было бы защитить старые хорошо известные ценности. К 1989 году партийные бюрократы совсем не верили собственным речам. А для того, чтобы стрелять, надо во что-то верить. Когда же тем, кто держит палец на курке, сказать абсолютно нечего, то нет сил нажать на курок.

Более того, у них не было и оружия. Ни в одной стране армия, в отличие от внутренних войск, не пришла им на помощь. В Польше же военные были во главе реформ; только когда трое генералов в феврале 1989 года покинули заседание Центрального Комитета, партийные бюрократы осознали, что дни их точно сочтены. Во всех других странах, включая Румынию, армия сопротивлялась подавлению. У меня циничный взгляд на эту картину, хотя я и допускаю, что какие-то патриотические соображения действительно здесь имели место. Наученный опы-

том Латинской Америки, я понимаю традиционную фразу, произносимую военными в Восточной Европе, как весьма дурное предзнаменование. Когда военные произносят, что «армия не служит какой-либо политической партии, а служит только народу», сразу же возникает мысль о том, что военные хотят выйти из под гражданского контроля, они хотят стать вершителями национальной судьбы. Прав я или нет, но партократы не контролировали армию. Не могу удержаться, чтобы не поведать польский анекдот, который заключает в себе целую историю. Старик вознамерился купить мясо. Но стоит громадная очередь. Торговлю же мясом все никак не начинают; люди волнуются. Старик принимается клясть вождя, партию — всю систему. Какой-то человек подходит к нему, показывает на его голову и произносит: «Если бы ты, товарищ, пикнул так же в недалекие времена, то сделали бы «паф-паф», и проблемы бы не существовало». Старик возвращается домой обескураженный. Жена спрашивает: «Что, у них уже и мяса нет?» «Много хуже, — отвечает старик, — у них нет уже пуль».

Что же разрушилось в Восточной Европе? «Коммунизм» — это не ответ, поскольку у него осталось хоть и мало, но сторонников. Может быть, «социализм»? Многие из тех, кто продолжает верить, будто не может быть социализма без демократии, утверждают, что развалившаяся система в Восточной Европе была сталинизмом, этатизмом, бюрократией, коммунизмом, но только не социализмом. Боюсь, исторический урок еще более радикален: в Восточной Европе умерла сама идея рационального управления вещами с целью удовлетворения человеческих потребностей — идея осуществимости применения общественной собственности на производительные силы посредством плановой, командной экономики, идея общества, основанного на бескорыстном сотрудничестве его членов, идея отделения социального вклада в благосостояние общества от личной выгоды, персонального вознаграждения за этот вклад. Новые идеи о новом социальном порядке появляются только со стороны «правых», лишь потому, что

проект построения социализма провалился, — проект, который будоражил умы западноевропейцев в период с 1848-го по 1891 год и поднял тогда массовые движения по всему миру, — этот проект оказался несостоятельным и на Востоке, и на Западе. Впрочем, ценности политической демократии и социальной справедливости еще продолжают руководить социал-демократией, к которой я отношу и себя, но программа социал-демократии заключается в оптимальном использовании частной собственности и рынка в интересах человека, а вовсе не в задаче построения нового, еще не виданного доселе общества.

В настоящее время несколько восточноевропейских стран, и Польша в их числе, вступают в эпоху социального эксперимента, сравнимого по своему историческому значению с насильственной сталинской коллективизацией 1929 года. Хотя преобладает здесь аденауровское настроение «маленького эксперимента», задачи, стоящие перед теми, кто решился на него, по своей грандиозности напоминают грандиозность коммунистического проекта. Эти задачи включают интеллектуальные «мечтания», родившиеся и обоснованные в стенах американских университетов и академий, материально подкрепленные помощью международных финансовых институтов. Эти «мечтания» радикальны: их реализация переворачивает на 180° все существующие социальные отношения. Они сродни панацее — единственному лекарству, которое, стоит лишь попробовать, снимет все боли и ликвидирует все болезни. Замените «общественную собственность на средства производства» на «частную собственность», «план» на «рынок», и структура старой идеологии как бы сохранится. Неужели сущность революций все же определяется самими системами, против которых они направлены?

Какое тогда будущее ожидает Восточную Европу? Здесь возможны три сценария: она может пойти своим путем, схожим с путем Южной Европы, или путем Латинской Америки или других стран капиталистического Юга. Какой путь наиболее вероятен?

«Левые» усматривают в этих странах исторический шанс воплотить в жизнь то, что называют «третьим», а ныне «вторым» путем: построить социальную систему, альтернативную и социализму, и капитализму. Эта система будет демократическим рыночным социализмом: демократией как политическим режимом и экономикой, сочетающей большой кооперативный сектор с рыночным характером распределения. Хотя мечты о такой системе питают политические дискуссии в Чехословакии, Венгрии и Польше, я полагаю, что если такой системе и суждено родиться, то независимо от дискуссий. План продажи всей общественной собственности в руки частных просто нереалистичен, поскольку уровень внутринациональных сбережений слишком низок, а уровень опасения скупки всего и вся иностранцами слишком высок. Таким образом, большое число фирм останется либо в руках государства, либо будет отдано трудовым коллективам из-за недостатка покупателей-частников. Достаточно спорен вопрос о том, какой эффект окажет такая структура собственности на рост производства. Здесь будет иметь значение роль самих рабочих на этих фирмах и фабриках, характер влияния на них политических организаций вне этих фабрик. Я лично ко всему этому отношусь скептически.

Впрочем, какая бы структура собственности ни сложилась, и политические элиты, и народы Восточной Европы жаждут выбрать ту дорогу, которая приведет к Европе. Их лозунг: «Демократия, рынок, Европа». Оптимистичным был бы тот сценарий, который воспроизведет путь Испании. С 1976 года, всего за пятнадцать лет, Испания добилась заметных успехов в создании и упрочении демократических институтов, в процессах мирной передачи власти от одних политических сил другим, в модернизации экономики и придании ей должной конкурентоспособности на международных рынках, распространении гражданского контроля на армию, в решении сложнейших этнических проблем, в обеспечении прав человека и гражданина, в стимулировании тех культурных сдвигов, которые сделали Испанию неотъемле-

мой частью европейского сообщества наций. Жители Восточной Европы глубоко верят, что это произошло благодаря «системе», и они хотят быть похожими на испанцев. И вот «система» к ним явилась. И они вновь возвратятся в Европу. И станут частью Запада.

Но Испания — это чудо: одна из множества стран, которая после первой мировой войны смогла избежать прелестей экономики, политики и культуры нищенского капитализма. Португалия не может похвастаться таким достижением. Греция испытала серьезные экономические затруднения и политическую нестабильность. Примечателен пример Турции, которая старалась, но потерпела неудачу в проведении экономических, политических и культурных преобразований, сделавших бы ее Европой.

Должны ли мы тогда ожидать, что наши надежды сбудутся? Находится ли Восточная Европа на пути к Западу, смогут ли венгры, поляки или румыны присоединиться к людям, населяющим капиталистический Юг? Ответ можно найти в последней главе книги, в «Заключении».

Глава 1

ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО

ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО

В своей речи на открытии Учредительного собрания Адольфо Суарес, премьер-министр Испании в период ее перехода к демократии, объявил, что впредь «будущее не будет считаться предначертанным, потому что только люди пишут его» (Vergo, 1976). Возвещая это погружение в неизвестное, он уловил две черты, являющиеся квинтэссенцией демократического общества: результаты демократического процесса неопределенны, неясны *ex ante*, и именно «народ», политические силы, борющиеся за осуществление своих интересов и ценностей, определяют, какими будут эти результаты.

Демократия — это система, при которой партии проигрывают выборы¹. Существуют партии — группы людей с определенными интересами, ценностями и мнениями. Существует борьба, идущая по правилам. И есть временные победители и побежденные. Очевидно, что не все демократии одинаковы, можно насчитать огромное количество разновидностей и выделить несколько типов демократических институтов. И все же при всем разнообразии этих институтов, одной простой черты — наличия борьбы, в которой все могут принять участие (Dahl, 1971), — достаточно, чтобы дать определение политической системе как демократической².

Демократия — это, как считает Линц (Linz, 1984), правительство *pro tempore*. Столкновения регулярно ограничиваются установленными правилами. Они скорее «ограничиваются» (Coser, 1959), временно приостанавливаются, чем решительно разрешаются. Выборы определяют официальных лиц, законодательная власть устанавливает правила, бюрократия принимает решения, ассоциации приходят к соглашениям, суды разрешают споры, и эти результаты

являются принудительными до тех пор, пока их не изменяют в соответствии с правилами. Между тем все такие результаты временны, так как проигравшие не теряют права бороться на выборах, опять вести переговоры, оказывать влияние на законодательную власть, оказывать давление на бюрократический аппарат или искать справедливости в судах. Даже конституционные положения не являются непреложными, да и сами они могут быть изменены в соответствии с правилами.

В демократическом обществе многочисленные политические силы борются в рамках институтов. Участники демократического соревнования располагают неравными экономическими, организационными и идеологическими ресурсами. У некоторых групп больше денег, чем у других, которые могут быть потрачены на политические цели. У одних групп и лиц может быть больше организаторских навыков и ценных качеств. У других — лучше идеологические средства, под которыми я подразумеваю аргументы, способные убеждать. Если демократические институты универсализированы — слепы к личности участников, — то более вероятным является факт, что в конфликтах, решаемых демократическим путем, победят имеющие большие ресурсы³. Результаты борьбы, я убежден, определяются и ресурсами, и институтами, а это означает, что вероятность достижения интересов любой группой, определяемой ее положением в гражданском обществе, до определенной степени и некоторым образом в целом отлична от вероятности успеха другой группы.

Протагонисты в демократическом взаимодействии организованы коллективно, то есть они имеют способность формулировать общие интересы и предпринимать стратегические действия по их достижению (Pizzorno, 1978). Более того, они организованы особым образом, определенным институциональной структурой, в рамках которой они работают. Чтобы быть представленной, политическая партия должна иметь лидеров и последователей; по определению, представительные институты назначают на должность отдельных личностей, а не массы. Существо-

вание представительств, таким образом, заключено в обществе самой природой демократических институтов (Luxemburg, 1970: 202). Индивидуумы не действуют непосредственно по защите своих интересов, они кого-то уполномочивают на эту защиту. Массы, представленные лидерами, — это модель общественной организации в демократических институтах⁴. Более того, как настаивали Шмиттер (Schmitter, 1974), Степан (Stepan, 1978), Оффе (Offe, 1985) и другие, большинство интересов организовано принудительным образом, монополистически. Ассоциации, организованные по интересам, получают возможность действовать от имени своих членов потому, что им удастся принудить этих членов, и особенно потому, что они могут санкционировать действия любых индивидуумов или подгрупп, пытающихся выдвинуть свои особые цели за счет общих интересов. Чтобы представлять собой силу на рынке, профсоюзы должны быть в состоянии наказывать рабочих, желающих заменить своих багствующих коллег; чтобы иметь стратегические возможности, ассоциации работодателей должны быть в состоянии контролировать борьбу между фирмами в определенной отрасли промышленности или определенном секторе. Население демократических обществ представлено не вольно действующими индивидуумами, а общественными организациями, способными принуждать тех, чьи интересы они представляют.

Демократия — это система разрешения противоречий, в которой результаты зависят от того, что предпринимают стороны, но ни одна сила не контролирует происходящее. Результаты разрешения определенного противоречия не известны *ex ante* никому из борющихся политических сил, потому что последствия их действий зависят от действий других и их нельзя предугадать наверняка. Следовательно, с точки зрения каждого участника результаты неопределенны: демократия оказывается системой, при которой каждый делает то, что он или она считает лучшим, а затем бросаются игральные кости, чтобы посмотреть, каковы результаты. Демократия производит впечатление неопределенности, так как это сис-

тема децентрализованного стратегического действия, при которой знание каждого из агентов этого действия неизбежно ограничено.

Тот факт, что неопределенность имманентно присуща демократии, не означает, что все возможно или ничто вообще не предсказуемо. Вопреки любимому утверждению консерваторов всех мастей, демократия — это не хаос и не анархия. Заметьте, «неопределенность» может означать, что действующие лица не знают, что может случиться, они знают, что возможно, а не то, что вероятно, или они знают, что возможно и вероятно, но не то, что на самом деле произойдет⁵. Демократия неопределенна только в последнем смысле. Действующие лица знают, что возможно, так как возможные результаты ограничены институциональной структурой⁶; они знают, что, вероятно, произойдет, потому что вероятность тех или иных исходов определена совокупностью институциональной структуры и ресурсов, которые различные политические силы используют в борьбе. Чего они не знают, так это, каким будет конкретный результат. Они знают, что для них означает победа или поражение, и они знают, какова вероятность их победы или поражения, но не знают, победят они или проиграют. Следовательно, демократия — это система упорядоченной неограниченности или организованной неопределенности.

Неопределенность, присущая демократическому обществу, все же допускает инструментальные действия. Так как действующие лица могут привязывать вероятность к последствиям своих действий, они формулируют желаемые цели и высчитывают, какие действия являются наилучшими для их достижения. Они могут принимать участие, то есть действовать по продвижению своих интересов, проектов или ценностей внутри демократических институтов. И наоборот, так как при ограничивающих условиях, соблюдаемых всеми, результаты определяются только действиями борющихся политических сил, демократия всем предоставляет возможность преследовать соответствующие интересы. Если бы результаты были либо предопределены, либо совершенно неоп-

ределяемы, то у групп отпала бы необходимость организовываться и становиться участниками борьбы. Именно эта неопределенность и втягивает их в демократическое взаимодействие, своего рода «игру».

Результаты демократических процессов определяются приложением определенных правил, составляющих структуру института, к общим последствиям децентрализованных действий. И все же, несмотря на свою мажоритарную основу, современное представительное демократическое общество производит результаты, которые являются скорее продуктом переговоров лидеров политических сил, чем продуктом всеобщего совещательного процесса. Роль голосования заключается в том, чтобы или ратифицировать эти результаты, или утвердить в должности тех, кто был их причиной⁷. Во всех современных демократических государствах процесс совещания и повседневного контроля над государством хорошо защищен от влияния масс. И в самом деле, прямое обращение к избирателям по особым вопросам политики часто считается плебисцитарианизмом, а этот термин несет отрицательную коннотацию. Следовательно, голосование — правило большинства — является в демократическом государстве всего лишь судьей в последней инстанции.

Результаты борьбы каждой политической силы подсказывают дальнейшие действия, различные для победивших и проигравших. Если эти указания выполняются, то проигравшие получают меньше, чем хотят по сравнению с победившими. Следовать этим указаниям означает согласиться с реальным положением вещей.

Так как результаты борьбы в демократическом обществе не могут быть точно предсказаны, то, после того как они становятся известны, обязательств, содержащихся в правилах, может оказаться достаточно для согласия с результатами. Если бы результаты были определенными, то есть если бы борющиеся стороны могли предсказать их наверняка, они бы знали, что, связывая себя определенными обязательствами, они соглашались на определенные результаты; обязательств согласно правилам было бы

достаточно для согласия с результатами. Однако в демократическом государстве обязательства согласно правилам означают самое большее «готовность принять результаты пока еще неопределенного содержания» (Lamounier, 1979: 13). Поэтому процедурные оценки демократического государства не выражаются условными суждениями. Как считает Коулман (Coleman, 1989: 197), «соглашаться на процесс — не то же самое, что соглашаться с результатами процесса». Так как результаты неопределенны для действующих лиц, то их оценки *ex ante* и *ex post* должны различаться. И, как считают Липсет и Хабермас, оценки *ex post* изменяют их обязательства *ex ante*⁸. Следовательно, согласие проблематично.

Суммируя сказанное, можно констатировать, что в демократическом государстве все силы должны постоянно бороться за реализацию своих интересов. Никто не защищен в силу тех или иных своих политических предпочтений и позиций⁹. Никто не может ожидать изменения результатов *ex post*; все должны подчинять свои интересы соревнованию и неопределенности. Критическим моментом при любом переходе от авторитарного правления к демократическому является преодоление порога, за которым никто не сможет вмешаться и повернуть вспять политический процесс, протекавший по установленным правилам. Демократизация — это акт подчинения всех интересов борьбе, наделения неопределенности статусом института. Решающим шагом на пути к демократическому государству является передача власти от группы лиц своду правил.

КАК ДОБИВАЮТСЯ СОБЛЮДЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ В ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ ГОСУДАРСТВЕ?

Демократическое государство, рациональность и согласие

Рассмотрев эти предварительные вопросы, мы готовы поставить центральную проблему, касающуюся длительности существования демократического государства: как получается, что политические

силы, проигравшие в борьбе, примиряются с результатами и продолжают работать, вместо того чтобы разрушать демократические институты? Предположим, что правительство пытается установить контроль над армией. Почему военные подчиняются? Допустим, законодательная власть принимает закон, дающий рабочим широкие права на предприятиях. Почему буржуазия не защищает свою собственность антидемократическими средствами? Представьте себе правительство, политика которого вызывает массовую безработицу и всеобщее обнищание. Почему бедные не выходят на улицы, чтобы свергнуть такое правительство? Почему они все продолжают действовать через демократические институты, ущемляющие их интересы? Почему они примиряются с положением вещей?

Чтобы понять, почему эти вопросы имеют значение, нам сначала нужно устранить некоторые трудности. Если бы демократическое государство было рациональным в свете демократической теории XVIII века, то проблемы согласия не возникло бы вовсе или по крайней мере она приняла бы другую форму. Если бы общественные интересы были гармоничны — центральное положение демократической теории XVIII века, — разногласие касалось бы определения общего блага. Его можно было бы разрешить рациональным обсуждением: роль политического процесса рассматривалась бы в гносеологической плоскости, поиском действительно всеобщей воли. Политика, отмечал Вуд (Wood, 1969: 57—58) по поводу развития американской политической мысли между 1776 и 1787 годами, «была задумана не для согласования, а для расширения границ различных интересов общества в поиске единого всеобщего блага». Если представители могли бы освободиться от приверженности определенным интересами, если институты были бы правильно созданы и если бы в процессе обсуждения не нужно было бы спешить, восторжествовало бы единогласие, процесс бы привел к истинно всеобщей воле. Даже сегодня некоторые теоретики видят в голосовании только способ сэкономить время: голосование попросту экономит

на затратах, сопровождающих переговоры¹⁰. В этом свете, по характеристике Коулмана (Coleman, 1989: 205), «меньшинство не состоит из проигравших, а большинство — из победителей. Вместо этого меньшинство разделяет ложные убеждения об общей воле, большинство — верные убеждения».

Является ли демократическое государство рациональным в каком-либо смысле?¹¹ Демократическое государство было бы коллективно рациональным в том смысле, который характерен для XVIII века, если бы 1) существовало некое уникальное максимальное значение благосостояния всего политического общества: всеобщее благо, общие интересы, общественные интересы и так далее (Существование); 2) демократический процесс стремился к этому максимальному значению (Конвергенция). Более того, демократическое общество было бы лучше всех альтернатив ему, если бы 3) демократический процесс являлся уникальным механизмом, стремящимся к своему максимальному значению — ни один благожелательный диктатор не может знать, в чем заключаются общие интересы (Уникальность).

На вопрос, является ли демократическое государство рациональным в этом смысле, можно ответить пятью различными способами в зависимости от того 1) рассматривается ли существование этого максимума благосостояния а) раньше и независимо от предпочтений индивидуумов, б) только как функция предпочтений индивидуумов, какими бы эти предпочтения не были, или в) считается, что этот максимум не существует вовсе из-за классового или другого оппозиционного разделения общества; и 2) рассматривается ли этот демократический процесс как стремящийся к этому максимальному значению. Руссо считал, что общие интересы даны a priori и что демократический процесс стремится к нему. Консерваторы во Франции и Англии времен Французской революции так же, как и современные идеологи различных авторитарных государств, считают, что такой максимум благосостояния существует, но что демократический процесс к нему не ведет. Теоретики экономики демократического государства, осо-

бенно Буханан и Туллок (Buchanan, Tullock, 1962), утверждают, что общественные интересы при некоторых условиях равнозначны решению демократического процесса, который его и определяет. Эрроу (Arrow, 1951) продемонстрировал при определенных допущениях, что, даже если такой максимум и существует, никакой механизм соединения предпочтений индивидуумов его не способен выявить. И наконец Маркс и его последователи-социалисты считали, что таких общих интересов в обществах, разделенных на классы, найти нельзя. Заметьте, что Шмитт (Schmitt, 1988: 13, 6) одновременно соглашался с Марксом, когда отвергал положение Руссо о том, что «истинное государство... может существовать, только если люди в нем так однородны, что, по существу, единокорны», и нападал на конвергенцию, когда заметил, что «развитие современной массовой демократии сделало соревновательное общественное обсуждение пустой формальностью».

Дискуссии последних лет сосредоточиваются на вопросе конвергенции. В свете теории социального выбора, как утверждал Райкер (Riker, 1982), демократический процесс не стремился бы к уникальному максимальному значению, даже если бы оно существовало. Причины этого были указаны Эрроу (Arrow, 1951), согласно которому не существует процедуры объединения и выбора предпочтений, гарантирующей единственно возможный результат. Следовательно, нельзя толковать результаты голосования как определяющие какие-либо уникальные социальные предпочтения. Более того, Маккелви (McKelvey, 1976) продемонстрировал, что результаты голосования могут быть коллективно оптимизированы. И все же эта точка зрения на демократический процесс опирается на неявное положение, которое подразумевает, что предпочтения индивидуумов постоянны и являются внешними по отношению к демократическому процессу. Экономисты считают предпочтения постоянными и приведение сил в равновесие мгновенным; поэтому многие из них рассматривают демократический процесс как «поиск

ренты», то есть как растрату ресурсов (см., например, работу Толлисона (Tollison, 1982)).

И все же положение, согласно которому предпочтения являются внешними по отношению к демократическому процессу, явно необоснованно. Как заметил Шумпетер (Schumpeter, 1950: 263), «воля народа — это продукт, а не мотивирующая сила политического процесса». Демократическое государство может также искать или определять максимум общественного благосостояния, если предпочтения меняются в результате всеобщего обсуждения. Размышление — это внутренние изменения предпочтений в результате обсуждения¹². Вопрос тогда в том, ведет ли оно к конвергенции.

Хабермас и Джошуа Коэн (Habermas, 1975; Joshua Cohen, 1989) думают, что ведет. Их утверждения, однако, слишком сильны, чтобы соответствовать реальности. Они предположили, что 1) сообщения истинны или ложны, 2) люди примут истину, стоит столкнуться с ней и 3) те, кто передает сообщения, не преследуют корыстных целей. Последнее положение является наиболее сомнительным: если люди действуют стратегически, преследуя свои интересы, они передают сообщения таким же образом. Но даже если принять эти послышки, то из этого не следует, что истина одна. Первых двух положений может и не хватить, чтобы обеспечить максимум благосостояния¹³.

В свою очередь Манин (Manin, 1987), предложивший более реалистичное описание процесса общественного обсуждения, заключил, что оно не обеспечивает уникальное максимальное значение конвергенции. С его точки зрения обсуждение раскрывает глаза на предпочтения и делает их более общими: оно ведет к самому широкому согласию, возможному на определенный момент. Но процесс обсуждения тогда прекращается, оставляя противоречия неразрешенными. На самом деле неясно, уменьшается или нет напряженность противоречий, если процесс обсуждения пойдет по сценарию Манина. Возможно, гораздо труднее разрешить противоречия между двумя группами, искренне убежденными, что

их интересы противоположны, чем противоречия между группами с раздробленными, «изменчивыми» желаниями (термин Хиршмана (Hirschman, 1985)). В конце концов именно так социалисты и трактовали процесс обсуждения. С их точки зрения этот процесс ведет к осознанию интересов класса и заканчивается классовыми противоречиями, которые нельзя разрешить путем простого обсуждения (см. Przewogski, Sprague, 1986).

На самом деле смертельный удар теории демократии как рационального размышления был нанесен в 1923 году Шмиттом (Schmitt, 1988), который считал, что не все политические противоречия могут быть сняты в ходе дискуссии¹⁴. В определенный момент доводы и факты могут быть исчерпаны, однако противоречия остаются. В этом случае, заметил Шмитт, вопросы решаются голосованием, что является навязыванием воли тем, кто против. Из этого наблюдения он заключил, что противоречия можно разрешить только путем физического насилия: политика — это антагонистические отношения между «нами» и «ими», в которых роль судьи в последней инстанции играет насилие.

Таким образом, проблема заключается в следующем. Если допустить, как это делаю я, что не все противоречия могут быть разрешены путем обсуждений и что, следовательно, демократия порождает победителей и побежденных, можно ли ожидать, что проигравшие согласятся с результатами, достигнутыми в ходе разрешения противоречий демократическим путем? Почему те, кто страдает в результате демократических процедур, не пытаются разрушить систему, порождающую такие результаты?

Интересы часто являются причиной противоречий. Следовательно, есть победители и побежденные, и согласие всегда проблематично. Но Шмитт пришел к такому сильному заключению потому, что не смог понять роли социальных институтов¹⁵. Демократические институты общества придают политическим конфликтам как бы вневременной характер. Они открывают перед политическими деятелями перспективы далекого будущего, они позволяют им

думать о будущем, вместо того чтобы быть озабоченными только сегодняшними результатами. Точка зрения, которую я развиваю ниже, заключается в следующем: некоторые институты при определенных условиях предлагают релевантным политическим силам перспективу постепенного достижения своих целей, чего оказывается достаточно, чтобы добиться их согласия на получение невыгодных для них в данный момент результатов борьбы. Политические силы примиряются с поражениями на сегодняшний момент потому, будто они верят, что институциональная структура, регламентирующая демократическую борьбу, позволит им достичь своих интересов в будущем.

Сравнение взглядов на согласие

Перед тем как развить эту точку зрения, будет полезно рассмотреть различные взгляды на согласие¹⁶.

Давайте рассуждать о демократическом государстве следующим образом. Чтобы достичь своих интересов, люди должны пересечь некий перекресток на любых средствах передвижения, какие только они смогут найти. Некоторые приезжают с востока, другие — всегда с юга. Когда они подъезжают к перекрестку, специальное устройство наугад выбирает цвета светофора: зеленый знак — проезжать, красный — ждать¹⁷. Вероятность получения сигнала на проезд и сигнала на остановку зависит от того, откуда двигались люди и каким образом установлен светофор. Если на светофоре горит зеленый цвет в восточно-западном направлении 80% времени, у прибывающих с востока — хорошие шансы проехать. Если люди прибывают с юга, то скорее всего им укажут подождать. Но если на светофоре горит зеленый цвет 80% времени в юго-северном направлении, ситуация меняется на противоположную. Следовательно, вероятный результат зависит от того, откуда прибываешь и каким образом установлен светофор: от ресурсов, которые приносят действующие

лица в демократическую борьбу, и от институциональной структуры, в рамках которой они борются.

Что произойдет в какой-либо момент времени — неопределенно в том самом смысле, который очерчен выше: действующие лица знают, что возможными результатами будут 4 комбинации, состоящие из продвижения и ожидания, и они знают, что свет будет зеленым или красным (в зависимости от того, откуда они двигаются), и, следовательно, знают о вероятности двух равных результатов, но не знают наверняка, пересекут ли перекресток без задержек или придется ждать, пока его пересекут другие.

Предположим, что действующие лица подчиняются указаниям светофора. Они проезжают по очереди, избегая столкновений¹⁸. Почему они так поступают? Почему большая машина не едет напролом через перекресток, несмотря на красный сигнал светофора?

Вероятны три различных ответа на этот вопрос. Первый: согласие происходит спонтанно-децентрализованно и добровольно. Второй ответ: на перекрестке стоит полицейский, готовый отослать назад, в конец очереди, всякого, кто попытается пробиться вперед без очереди. Последний ответ: люди соблюдают очередь, руководствуясь моральными обязательствами перед социальным порядком, даже если это не в их интересах и даже если их никто не наказывает.

Простейшие понятия теории игр помогут представить более конкретно вероятные ответы. Давайте выделим три группы результатов стратегических ситуаций.

1) *Результаты добровольных саморегулируемых действий или равновесия.* Каждое действующее лицо делает то, что для него лучше всего, принимая во внимание, как поведут себя другие. Машина подъезжает к перекрестку с юга. Водитель осматривается и приходит к решению, что ему нужно подождать своей очереди. Он приходит к этому решению, так как считает, что подъезжающие с востока водители собираются проехать. Сигнал, который он дает сам

себе — «свет красный»; а лучшей реакцией на красный свет будет подождать (в противном случае произойдет авария), и он ждет. Водители, подъезжающие с юга, интерпретируют сигнал как зеленый свет, так как считают, что приезжающие с юга ждут; их лучшей реакцией будет проехать (иначе они пропустят очередь или, возможно, их ударят сзади), и они едут. Результат — ждать, двигаться. Этот результат является равновесием; никто не хочет действовать по-другому, принимая во внимание виды на будущее других действующих лиц; виды на будущее и тех, и других совместно претворяются.

Предположим, что лидеры политических партий, левой и правой, решают, насколько нечестными должны быть их кампании. Если правые ведут честную игру, то для левых будет лучше играть нечестно, и наоборот. Если они будут выбирать свою стратегию независимо и одновременно, они примут некую комбинацию методов (нечестно, нечестно), которая будет саморегулируемой в том смысле, что ни одна из сторон не захочет действовать по-другому, принимая во внимание, как действует ее оппонент. Их предположения подтвердятся: левые выберут некую степень нечестности, предположив, что правые выбрали аналогичное поведение, и правые выберут ту же степень нечестности, исходя из положения, что левые выбрали то, что они фактически и выбрали. Это равновесие показано на рисунке 1.1.

Еще один пример: предположим, что правительство, состоящее из гражданских лиц, опасается (и справедливо), что если оно будет затрагивать интересы армии, этим вызовет военный переворот, а если оно оставит армию в покое, то войска останутся в казармах. Правительство рассматривает альтернативы и обнаруживает, что будет лучше действовать по схеме «не затрагивать — остаются в казармах (не затрагивать)», чем «затрагивать — возможный переворот (затрагивать)». Оно решает не затрагивать. Это также является равновесием: правительство не хочет ничего предпринимать, предвидя реакцию военных, а военные не хотят ничего предпринимать, исходя из того, как поступило

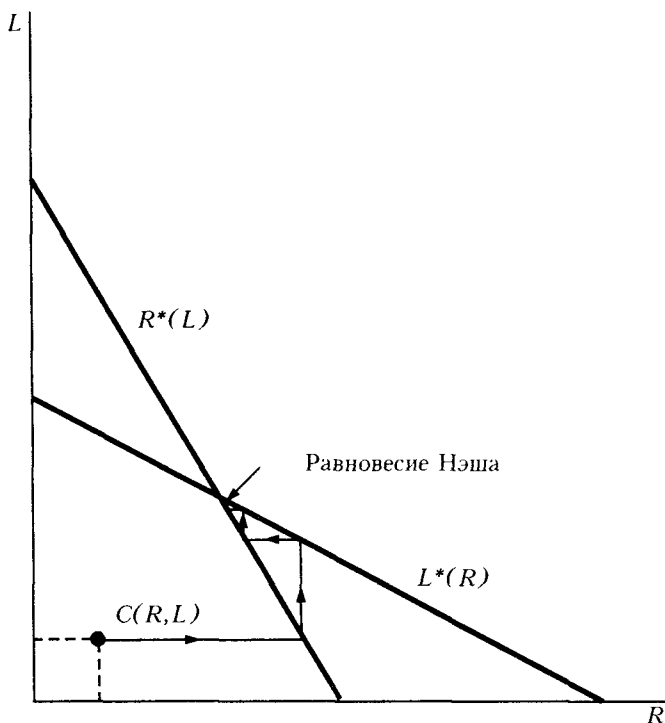

Рис. 1.1

правительство¹⁹. Ожидания полностью оправдались: правительство предполагает, что войска останутся в казармах, и они действительно остаются.

Такие результаты важны тем, что они составляют равновесие: никто не хочет действовать по-другому, принимая во внимание то, как будут действовать в ответ другие. Таким образом, подобные результаты являются саморегулируемыми; они регулируются независимыми спонтанными реакциями.

2) *Сделки или контракты.* Результатом является то, что по крайней мере одно действующее лицо будет в лучшем положении, если оно сделает что-нибудь еще, и этот результат удерживается потому,

что его навязывают извне. Существует некая третья сторона, наказывающая за «отступничество» от этого результата.

Предположим, что две партии договорились не вести нечестную кампанию, хотя для каждой было бы выгоднее так и поступить, если другая вести нечестную кампанию не будет. Если партии хотят выиграть выборы, то такой результат не сохранится без его навязывания извне. Допустим, партии договорились не превышать степени нечестной игры, отмеченной на рисунке 1.1 точкой С (R,L). В этом случае лидеры правой партии смотрят, что обещали сделать левые, и спрашивают себя, какие ответные действия будут для них лучшими. Они будут порочить партию левых до тех пор, пока не дойдут до точки на прямой, указывающей на лучшую для них линию ответных действий, — $R^*(L)$. Но затем партия левых обнаруживает, что, если правые начали говорить о сексуальных нравах их лидера, лучшим для них будет указать источники доходов своих оппонентов. И, таким образом, спор будет разворачиваться, пока в результате не достигнет равновесия. Чтобы стороны придерживались первоначального соглашения, некая комиссия по проведению справедливых выборов должна иметь власть наказать любого, перешедшего границы, отбивая у него охоту нарушать правила. Сделки и контракты — это договоры, в которых по крайней мере у одной стороны есть стимул их нарушить, но которые выполняются, так как некая третья сторона эффективно налагает санкции за нарушения.

Но кто в демократическом государстве является этой третьей стороной, налагающей наказания?

В конечном счете есть два ответа на этот вопрос. Либо осуществление наблюдения за выполнением договора децентрализовано — есть достаточное количество действующих лиц, применяющих санкции за несогласие в корыстных целях, чтобы поддержать общий результат; либо централизованно существует специальное учреждение, имеющее власть и мотивацию применять санкции к нарушителям, даже если это учреждение не наказывается за неприменение

санкций к нарушителям или за применение санкций за поступки, означающие согласие²⁰. Есть только два ответа «в конечном счете», потому что вопрос не в том, является ли государство по Веберу необходимым для применения санкций за несогласие. Во всех демократических государствах государственные институты специализируются именно на этом. Вопрос касается автономии государства в отношении политически организованного гражданского общества. Если наложение санкций за поступки государства само не может быть подвергнуто санкциям со стороны общества, то общество автономно; расплатой за порядок в обществе будет Левиафан. Но Левиафан — коллективное соглашение, навязанное извне, — не является демократическим обществом²¹. Расплата за мир — государство, независимое от граждан. В свою очередь, если само государство — член (хотя и несовершенный) коалиций, сформированных для обеспечения согласия — пакт власти, — тогда демократическое государство является равновесием, а не социальным соглашением. Государство обеспечивает соблюдение согласия, так как оно само будет наказано за неисполнение этого или за использование силы, чтобы не дать кому-либо принять участие в борьбе. И оно будет наказано, принимая во внимание интересы релевантных политических сил.

Следовательно, понятие о демократическом государстве как социальном соглашении логически непоследовательно. Соглашения выполняются только потому, что их навязывают извне; демократическое государство, по определению, — это система, при которой никто не стоит выше воли договаривающихся сторон. Как считал Хардин (Hardin, 1987: 2), «конституция — это не соглашение, на самом деле она создает институт заключения соглашений. Следовательно, опять же ее функция — разрешать проблемы, предшествующие заключению соглашения».

3) *Нормы*. Равновесия и сделки — не единственное состояние общества, вероятное согласно теории игр. Эта теория утверждает, что все результаты удерживаются только потому, что они проводятся в

жизнь или совместными усилиями, исходя из личных интересов, или извне, некоей третьей стороной. Обычно эта теория не рассматривает те результаты, которые подтверждают что-то другое, кроме стратегического преследования определенных интересов.

Однако в литературе, посвященной анализу феномена демократии, много говорится о ценностях и моральных обязанностях²². В частности, пишущие о переходных периодах часто точно передают такие нормативно инспирированные приверженности демократии. Существует тенденция называть их пактами²³. Институциональные пакты — это соглашения о создании демократического государства, даже если определенная система институтов не является лучшей для некоторых политических сил. Политические пакты — это тайные соглашения для избежания тех доминантных стратегий, которые угрожают демократии. Социальные — фактически экономические пакты — обязывают союзы и фирмы ограничить потребление на данный момент. Военные пакты — договоры, часто засекреченные, между политиками, гражданскими лицами и военными, которые подразумевают: «мы вас не тронем, если вы не тронете нас». Считается, что такие результаты подкрепляются некоторыми принятыми в обществе ценностями: они коллективно оптимальны, индивидуально иррациональны и не навязываются извне. Теория игр утверждает, что такие результаты невозможны.

Я усматриваю силу теоретико-игрового подхода в следующем. Я не утверждаю, что нормативная приверженность демократии редка или иррелевантна, а только, что она не нужна, чтобы понять, как функционирует демократическое государство²⁴. Я убежден, что споры, подкрепляются демократические государства выработкой ценностей или стратегическим преследованием интересов, не разрешимы прямой ссылкой на факты. Эти две ориентации должны бороться и действительно борются друг с другом за то, чтобы придать смысл миру вокруг нас. Единственное утверждение, которое я пытаюсь обосновать, — теория демократического государства, основанная на положении о согласии из корыстных стратегических

соображений, правдоподобна и достаточна. Это утверждение стало возможным в свете последних открытий в теории игр, которая, кстати, бурно развивается и которая говорит в пользу мысли о том, что сотрудничество может быть добровольным в системах, где наказания осуществляются децентрализованно в личных интересах²⁵. Разнообразие условий, при которых это утверждение является истинным, включает в себя повторяющиеся действия, когда действующие лица принимают во внимание перспективы на будущее, а вероятность того, что игра закончится в течение определенного цикла, низка; повторяющиеся действия, когда предполагается, будто игра будет длиться неопределенно долго, а действующие лица почти не принимают во внимание будущее; и повторяющиеся ситуации, когда существует даже очень низкая вероятность, что одно из действующих лиц поступает иррационально. Многие методы наказания поддерживают согласие: зуб одного — за два зуба другого, два зуба одного — за зуб третьего, три зуба одного — за два зуба четвертого и так далее²⁶.

Таким образом, не нужно ни нормативных обязанностей, ни «социальных договоров», чтобы добиться согласия с демократическими процедурами. И опять же очевидно, что во всех демократиях государство является специальным учреждением, добивающимся согласия. Более того, так как государство монополизировало рычаги организованного принуждения, существует постоянная вероятность, что оно станет независимым, будет действовать в своих собственных интересах, если не будет эффективного контроля со стороны политических сил. Именно поэтому опасность автономизации государства постоянна, и именно поэтому структура институтов, контролирующей автономию государства, является фундаментально важной для любого демократического государства²⁷. Центральная проблема политической власти в любой ее форме в том, что она задает начало возрастающей неустойчивости (Lane, 1979): с одной стороны, пребывание в должности может быть использовано непосредственно для того,

чтобы не дать другим бороться за эту должность; с другой же, — экономическая власть преобразовывается в политическую, политическая власть может быть использована для усиления экономической и так далее. Но согласие может быть самопроизвольным, если институциональная структура такова, что государство является не третьей стороной, а посредником между коалициями политических сил. Ответ на вопрос «Кто охраняет охранника?» таков: те силы в гражданском обществе, которые считают, что это им выгодно. Демократическое государство может быть равновесием — системой «самоуправления», в которой различия между правящими и правилами исчезают потому, что, как сказал Монтескье, «le peuple... est a certains egards le monarque; a certains autres, il est le sujet» (народ... с одной стороны — монарх, с другой же — он является подданным)²⁸.

Демократическое государство как равновесие

Демократическое государство укрепляется, когда при данных политических и экономических условиях определенная система институтов становится единственной социальной «игрой» в городе, когда никто и не думает о том, чтобы действовать вне демократических институтов, когда все, чего хотят проигравшие, это попытаться сыграть еще раз в рамках тех же институтов, при которых они только что проиграли. Демократическое государство укрепляется, когда оно становится «самопринудительным», то есть когда все релевантные политические силы находят, что лучшим для них будет продолжать подчинять свои интересы и ценности неопределенному взаимодействию, «игре» институтов. Согласиться с текущими результатами, даже если это поражение, и продолжать строить свою деятельность в рамках структуры институтов для значимых политических сил выгоднее, чем пытаться разрушить демократическое государство. Если выражаться несколько более технически, то можно утверждать, что демо-

кратическое государство укрепляется тогда, когда согласие — действия в рамках структуры институтов — устанавливает равновесие децентрализованных стратегий действия политических сил²⁹.

Эта гипотеза основана на трех положениях. Первое: социальные институты имеют большое значение. Они имеют большое значение в двух аспектах: как правила борьбы и как свод законов, касающихся наказания за нарушение. Тот факт, что правила влияют на результаты, обсуждать нет необходимости. На самом деле. Испанский Union Centro Demostatico — партия, возглавляемая Адольфо Суаресом, и Ро Дэ У получили по 35 процентов голосов во время первых демократических выборов в своих странах. Но Суарес выиграл выборы при парламентской системе; чтобы сформировать правительство ему пришлось создать коалицию, и он мог оставаться в должности, только пока эта коалиция имела достаточную поддержку. Ро Дэ У был избран президентом на пятилетний срок и мог руководить в течение этого времени, используя силу указов, независимо от краткосрочной динамики политической поддержки³⁰.

Пункт об институтах как своде законов о наказании является более сложным. Напомню, что ранее я приводил доводы в отношении действующих лиц, способных посчитать рациональным согласиться с некоторыми (совместными) результатами в индивидуальном порядке, не прибегая к помощи социальных институтов; когда определенные условия соблюдаются, лучшим для каждого рационально действующего лица, преследующего выгоду, будет наказание за отклонение от сотрудничества, налагаемое кем-то другим. Однако теоретико-игровой подход основан на имплицитном положении, что некоторые действующие лица имеют власть наказывать. Для осуществления санкций действующие лица должны быть в состоянии предпринять шаги, целью которых было бы уменьшение выгоды для других. Социальные институты делают такие наказания возможными и предсказуемыми; у них есть некоторые априорные правила, в соответствии с которыми определяются

эти наказания, физические средства осуществления наказания и стимулы и право их осуществлять, данное некоторым представителям общества. Допустим, налоги. Чтобы добиться согласия, должны быть правила наказания, бюрократический аппарат для обнаружения случаев несогласия и набор стимулов для бюрократии, дабы выявлять случаи нарушения правил и применять их. Если у налоговой службы нет средств обнаружения таких случаев и если бюрократов можно легко подкупить, наказание не будет эффективным. Институты заменяют реальное принуждение более или менее предсказуемой опасностью³¹.

Второе: существуют различные виды организации демократического государства. В некоторых демократических государствах непосредственно избранные президенты возглавляют правительства, независимо от поддержки законодательных органов. В других — правительства должны поддерживаться парламентом и остаются у власти столько, сколько длится эта поддержка. Еще одно важное отличие касается того, как организованы интересы и как определены некоторые аспекты экономической политики — ведущих политических партий. Последним может противопоставляться официально признание федерации профсоюзов и ассоциаций работодателей, представляющих профессиональные интересы и обеспечивающих договор друг с другом и с правительством по части макроэкономической политики. Есть еще одно важное отличие между системами, которые дают почти безграничную власть, привлеченными в процессе выборов большинство голосов, и системами, которые строго ограничивают права большинства часто тем, что предоставляют особые гарантии для религиозных, языковых и региональных групп. Это только примеры. Список важных различий можно продолжить и включить в него избирательные законы, присутствие или отсутствие судебного контроля, вид контроля гражданских лиц над армией, существование профессиональной социальной службы и т.д.

И наконец, вопреки бытующей ныне моде уместно заметить, что институты различаются не только

по эффективности, но, как не устал утверждать Найт (Knight, 1990), по их дистрибутивным результатам. Хорошо известно, например, что выборы по системе «кто первым пересечет финишную черту» часто ведут к появлению «незаработанного большинства»: большинство парламентских мест при избирательной поддержке меньшинства. Структура коллективных сделок влияет на результаты переговоров о зарплате; законы о собственности влияют на степень ответственности за случайные убытки; правила приема в университеты определяют классовый состав студенческого общества.

Так как они имеют большое значение при дистрибуции и предоставляют разные возможности определенным группам, — некоторые институциональные структуры консолидируются при определенных экономических и политических условиях, тогда как другие не консолидировались бы. Вопрос, следовательно, в том, какие демократические институты добьются согласия действующих политических сил.

Но, что означает не согласиться? Здесь не место для споров по пустякам; позвольте мне показать, что действительно имеет значение, а что нет. В любой системе не все индивидуумы соглашаются с тем, что от них требуется или ожидается. Так как маргинальные издержки принуждения обычно растут, все государства допускают некоторое несогласие индивидуумов, иногда в достаточно широких масштабах. Несогласие, в каком-то недоступном интуиции смысле, также может означать личное неучастие: безразличие к результатам, исходящим от демократических институтов. Неучастие временами принимает массовые размеры: по крайней мере 35 процентов граждан США постоянно остаются вне демократических институтов.

Эти формы личного несогласия могут угрожать демократическому государству, только когда несогласие массово и потому создает потенциал для спорадических уличных беспорядков или эфемерных антидемократических движений. Но индивидуумы отдельно друг от друга не потрясают социальные устои. Поэтому «законность», понимаемая в лич-

ностном плане, даже со всем восточным своеобразием (Eastonian), почти не имеет отношения к вопросу о стабильности режима. Только организованные политические силы имеют способность подорвать демократическую систему³².

Таким образом, единственные формы несогласия, имеющие значение для самопринудительности демократического государства — это стратегии, 1) пытающиеся *ex post* изменить результаты демократического процесса и 2) значительно уменьшающие доверие других действующих лиц к демократическим институтам. Таким образом, не соглашаться — это то же самое, что желать свержение демократической системы, чтобы не признавать результаты ее функционирования.

Позвольте мне схематически показать, как может функционировать добровольное децентрализованное согласие из корыстных побуждений.

Рассмотрим ситуацию с точки зрения определенной действующей силы, такой, скажем, как армия или коалиция буржуазии и армии. В любой момент результаты демократического процесса таковы, что эти действующие силы либо выигрывают, либо проигрывают, и при этом ценность победы выше, чем ценность поражения ($W > L$). Вероятность их победы в любом будущем раунде равна p ³³.

Пути действия, доступные этим силам, — или согласиться, или ниспровергнуть достигнутые результаты. Если они ниспровергнут результаты, то получают S , где S включает риск неудачи и наказания³⁴; если согласие этих действующих лиц проблематично, то должно быть истинным, что $W > S > L$ ³⁵. Тогда предположим, что они только что проиграли. Обозначим это как $t = 0$. Если они согласятся, они получают $L(0)$; если нет, то получают $S(0)$. Если они будут руководствоваться только сиюминутными интересами, то примут решение ниспровергнуть. Но демократические институты предлагают действующим силам вневременную перспективу. Несмотря на свой недавний проигрыш, действующие силы знают, что если они уступят в этом раунде, то могут ожидать, что получают $C(1) = pW + (1 - p)L$ в следующем,

и, хотя, $L < S$, истинным может быть $L(0) + C(1) > S(0) + S(1)$, что заставит их согласиться при $t = 0$.

Давайте обобщим это положение. Резонно предположить, что действующие силы не принимают во внимание будущее, где такой фактор равняется $0 < r < 1$, так что ценность, которую они предадут согласию в следующем раунде, равна r^2C ; в раунде, следующем за этим раундом, — rC и т.д. Кумулятивная ценность согласия равна C^* . Если они ниспровергнут результаты, то могут аннулировать потери в этом раунде и ожидать получения S в настоящем и в будущем. Кумулятивная ценность ниспровержения равна S^* . Если $C^* > S^*$, то проигравшие согласятся при $t = 0$.

Заметьте, что вероятность успешного ниспровержения и цена, связанная с его провалом, зависят от желания других политических сил защищать демократические институты. Таким образом, возникает искушение оперировать термином «колеблющееся равновесие» — ситуация, в которой поддержка демократического государства каждым действующим лицом зависит от числа других действующих лиц, поддерживающих его. При этом действующие лица в демократической игре имеют как бы различный «вес», демократическое государство — это не просто вопрос количества. Ясно, что структура институтов контроля гражданских над армией составляет большую точку демократической консолидации.

Можно усложнить все сказанное несколькими способами, чтобы сделать его более реалистичным, учитывая дифференцированные подходы, неполноту информации и знания, а также более приемлемые понятия победы и поражения³⁶.

Но один фундаментальный вывод уже ясен из этой упрощенной модели и остается верным, даже если эту модель сделать описательно более реалистичной: согласие зависит от вероятности победы в рамках демократических институтов. Определенное действующее лицо i согласится участвовать в борьбе, если сочтет, что вероятность его победы, $p(i)$, больше, чем некий минимум — назовем его $p^*(i)$. Эта минимальная вероятность зависит от ценности, ко-

торую определенное коллективное действующее лицо придает результатам демократического процесса и результатам ниспровержения демократического государства, и от риска, который, как оно понимает, вероятен в будущем. Чем более действующее лицо уверено в том, что соотношение политических сил не вернется назад в рамках политических институтов, тем более вероятно, что оно согласится; меньше риск ниспровержения — меньше вероятность, что потенциальные антидемократические силы согласятся с исходом демократического процесса³⁷.

Ничто из вышесказанного не имеет под собой реальных исторических событий. «Модели, — мне часто приходится цитировать Тейла (Theil, 1976: 3), — надо использовать, а не верить в них». Модели предполагают, что, анализируя любую конкретную ситуацию, нужно рассматривать ценности и вероятности, которые определенные политические силы учитывают для продвижения своих интересов в демократическом государстве и вне его. Демократическое государство достигнет всеобщего согласия, станет самопринудительным, когда все действующие политические силы будут иметь некоторую минимальную вероятность преуспеть при определенной системе институтов³⁸.

Эта вероятность различна для различных групп. Ранее мы узнали, что она зависит от специфического институционального устройства и от ресурсов, которые действующие лица привносят в демократическую борьбу. Теперь мы узнаем, что она также зависит от силы, которую определенное действующее лицо должно приложить для разрушения демократического государства. У военных нет широких перспектив достижения своих интересов при демократическом государстве, но они могут разрушить его силой: их показатель W низок, S высок. Следовательно, их p^* может быть довольно высоким. Буржуазия может преуспевать как в демократическом государстве, так и вне его, но для успешного разрушения демократического государства ей нужны военные. Профсоюзы и другие организации, представляющие тех, кто живет на зарплату, могут пре-

успевать при демократической борьбе, но их часто жестоко подавляют, если демократическое государство падет; они могут быть единственной группой, для которой $L > S$ и которая всегда предпочитает соглашаться³⁹. Более того, гарантии, требуемые определенной группой, могут меняться вместе с историческими условиями. В Испании после 1976 года военные были почти безразличны как к S , так и к L ; Франко так морил их голодом, что даже жизнь вне политики в демократическом государстве казалась им удовлетворительной. В свою очередь в Аргентине после 1983 года военные считали, что L находится намного ниже S ; они знали, что поражение может означать длительные сроки заключения для многих из них. Впрочем, это всего лишь размышления; все, что я хотел показать, — это то, что даже упрощенная модель может учитывать интересы определенных действующих лиц и разные исторические условия.

Следовательно, минимальный шанс, необходимый, чтобы остаться в демократической системе, зависит от цены потери в демократическом взаимодействии интересов. Те политические силы, у которых есть другой выбор — возможность ниспровергнуть демократическое государство или подтолкнуть к этому других, — могут остаться в демократической игре, если они считают, что даже постоянные проигрыши при демократическом государстве для них лучше, чем будущее при альтернативной системе. В конце концов демократическое государство предлагает одну фундаментальную ценность, которая может быть достаточной для многих групп, чтобы предпочесть его другим альтернативам: защищенность от насилия произвола. Как сказал в 1974 году Сантьяго Карильо (Carrillo, 1974: 187), тогда бывший секретарем Компартии Испании, «надо иметь мужество объяснить рабочему классу, что лучше платить прибавочную стоимость буржуазии, чем создавать ситуацию, которая может обернуться против самого класса».

Даже с чисто экономической точки зрения вера в эффективность демократического государства может быть источником приверженности последне-

му среди тех, кто видит мало шансов выиграть в спорах, касающихся распределения внутри демократических институтов. Если считается, что демократическое государство в конце концов способствует экономическому развитию, различные группы могут быть склонны выбрать эту систему, даже если они осознают, что у них мало шансов выиграть в спорах по поводу распределения. Чем выше прогнозируемая цена проигрыша в демократическом государстве, тем ниже должны быть шансы победы⁴⁰.

Последняя гипотеза имеет значение при рассмотрении вечного вопроса о социальных условиях демократического государства. Другими словами, эта модель подразумевает, что, если у неких важных политических сил нет шансов выиграть споры, связанные с распределением, и если демократическое государство не улучшит материальное положение проигравших, те, кто будет постоянно испытывать лишения при демократических институтах, повернут против них. Чтобы добиться их согласия и участия в борьбе на своей стороне, демократическое государство должно достичь значительных результатов: оно должно предоставить всем политическим силам реальную возможность улучшить их материальное благосостояние. И в самом деле, нетрудно показать, что в Южной Америке между 1946 и 1988 годами у любого режима, демократического или авторитарного, имевшего положительные показатели экономического роста за данный год, была вероятность сохраниться в течение следующих 12 месяцев, равная 91,6%; у режима, имевшего в течение года отрицательные показатели роста, была вероятность, равная 81,8%, и у режима, испытывавшего снижение роста в течение двух лет подряд, вероятность равнялась 67%.

Важным также является анализ того, что эта гипотеза не подразумевает. Во-первых, она не означает, что демократическое государство должно быть социально ориентированным, если институты обязаны добиваться согласия. Если демократическое государство — это система, в которой результаты всегда заранее неизвестны, то «социальная полемика» не

может означать преимущественную приверженность равенству, справедливости, благосостоянию или чему бы то ни было⁴¹. Такие обязательства невозможны; в демократическом государстве результаты определяются методами борьбы политических сил и, таким образом, неизбежно неопределенны *ex ante*. Конституции, являющиеся клятвой повышать общественное благосостояние, укреплять национальное единство, развивать культуру народа или обеспечивать достойные условия жизни для каждого⁴², могут быть необходимы для катарсиса, но согласно им нельзя действовать. Им можно подчиняться до той степени, до которой они отражают законы, а не клятвы⁴³. Демократическое государство может в конце концов быть социально ориентированным, если структура институтов будет отдавать предпочтение социальной справедливости, не считаясь с неравенством ресурсов, с которыми различные силы вступают в политическую борьбу. Но это вопрос институтов, а не существа реальных обязательств.

Во-вторых, утверждение, будто демократическое государство не может существовать, если не будет удовлетворительно решать экономические задачи, не является неумолимым объективным законом. В новых демократических странах можно часто услышать фразу: «Демократическое государство должно предоставлять..., иначе...» То, что должно быть вместо многоточия, никогда не разъясняется, так как это считается самоочевидным. Когда аргентинские генералы объявляют, что «экономическая ситуация подвергает демократическое государство риску» («Нью-Йорк таймс», 3 января 1990 года), они пытаются доказать, что объективен закон, а они являются всего лишь его невольными агентами: они ожидают, что экономический кризис повернет некоторых граждан против демократического государства и тем самым повысится вероятность его успешного ниспровержения; они ответят, в соответствии с генеральными предпочтениями, они среагируют свержением демократии. Однако выживет ли демократическое государство при неблагоприятных экономических условиях или нет, является совместным следствием воз-

действия условий и институтов. Как показывает европейский опыт Великой депрессии, некоторые структуры институтов менее подвержены экономическому кризису, чем другие.

Подведем итоги. Со статической точки зрения демократические институты должны быть «справедливыми»: они должны давать всем политическим силам шанс время от времени выигрывать в борьбе интересов и ценностей. С динамической точки зрения они должны быть эффективными: даже поражение в демократическом государстве они должны сделать более привлекательным, чем будущее при недемократической альтернативе. Эти два аспекта до некоторой степени взаимозаменяемы. Они представляют собой различные формы идеи о том, что политические силы согласятся с демократическими результатами, только осознав, что их будущее будет лучше в том случае, если они продолжат следовать правилам демократической игры: они либо должны иметь благоприятный шанс выиграть, либо верить, что поражение не закрывает им возможности дальнейших действий. Таким образом, чтобы добиться согласия, чтобы укрепиться, демократические институты должны быть справедливыми, по крайней мере до некоторой степени, и кроме того эффективными.

Однако при определенных условиях эти требования могут противоречить друг другу, особенно по отношению к экономическим стратегиям. Справедливость требует, чтобы все главные интересы были защищены бесприкословно; эффективность же может требовать, чтобы они серьезно пострадали. Чтобы быть эффективными экономически, правительствам иногда приходится нарушать некоторые права собственности, пытаясь добиться планируемой эффективности, например проведя земельные реформы или вызвав массовую безработицу. Институты, проводящие крупные экономические преобразования, не могут защитить все интересы; институты, защищающие все интересы, не являются подходящей структурой для крупных экономических преобразований.

И в самом деле, традиционной дилеммой для «левых» всегда было то, что даже процессуально со-

вершенное демократическое государство может оставаться олигархией — господством богатых над бедными. Как показывает исторический опыт, демократическое государство совместимо с нищетой и неравенством в социальной сфере и с притеснением на фабриках, в школах, тюрьмах и семьях. А традиционной дилеммой для «правых» всегда было то, что демократическое государство может оказаться господством множества бедных над несколькими богатыми. Демократическое судебное производство может угрожать собственности; политическая власть в форме всеобщего избирательного права и права объединения в общества может быть использована для ограничения права собственности. Следовательно, условия, при которых демократическое государство становится равновесием децентрализованных методов автономных политических сил, ограничены. Именно поэтому демократическое государство исторически было непрочной формой организации политических столкновений.

Институциональное устройство

Что влечет эта абстрактная дискуссия для конкретного социального института? Какие институциональные мероприятия вероятнее всего будут долгими и значимыми? Должна ли конституция содержать только правила политической борьбы и защиты меньшинств или она должна включать в себя реальные обязанности? Будут ли эти столкновения более вероятно урегулированы парламентской или президентской системой?⁴⁴ Необходимы ли некоторые элементы корпоративной организации интересов, чтобы заручиться согласием на экономическую политику во время кризиса?

Соотношения между конституцией и политической реальностью не являются очевидными. Кроме Великобритании и Израиля, во всех странах есть официально принятые конституции в виде определенного текста. Однако эти конституции играли очень различные роли в реальной политической ис-

тории соответствующих стран. В США конституция пережила 200 лет, в течение которых она постоянно оказывала влияние на политическую жизнь, по крайней мере в том смысле, что крупные политические противоречия, за исключением одного главного, не выходили за рамки ее статей. В Аргентине конституция, принятая в 1853 году, осталась в силе на бумаге, кроме короткого периода между 1949 и 1957 годами. Однако за последние 50 лет политические противоречия в Аргентине разрешались в соответствии со статьями конституции только в половине случаев. Во Франции конституция менялась несколько раз с 1789 года, причем после каждого крупного политического переворота принималась новая конституция. Тем не менее, пока каждая конституция действует, она регулирует использование силы и содержание схемы правопреемства. И наконец, чтобы заполнить последнюю клетку в этой таблице, состоящей из четырех элементов, надо сказать, что в Южной Корее крупные конституционные реформы проводились каждые 3 года и 9 месяцев, начиная с 1948 года, и никто из преемников не подчинялся правилам. Есть конституции, долго остающиеся в силе и соблюдаемые; конституции, долго остающиеся в силе и несоблюдаемые; некоторые часто меняются и периодически соблюдаются; другие часто изменяются и остаются невостребованными — исторический опыт не очень содержателен.

И в самом деле, к моему большому удивлению, я обнаружил, что у нас нет достаточно надежных эмпирических фактов, чтобы ответить на вопросы об институциональном устройстве. У нас есть основанные на интуиции знания о столкновении президентской системы и парламентаризма, мы знаем о сущности альтернативных избирательных систем и мы склонны верить, что независимая судебная власть является важной арбитражной силой перед лицом противоречий, но наши текущие эмпирические факты оставляют широкое поле для разногласий по поводу институционального устройства. Является ли консолидация демократического государства в Польше более вероятной при сильной или при слабой

президентской системе? При плюрализме или системе пропорционального представительства? При конституции, утверждающей приверженность общественным ценностям, или при той, что оставляет этот вопрос открытым? Оказывается, наши знания неполны, чтобы ответить на эти вопросы, когда сталкиваемся со специфичными историческими условиями.

Причина того, что мы не можем уверенно ответить на эти вопросы, в том, что консолидация демократического общества может быть следствием совместного действия условий и институтов. Может случиться так, что институты должны будут подходить условиям. Руссо (Rousseau, 1986: 1), возможно, был прав, когда в процессе создания конституции для Польши писал: «Нужно очень хорошо знать нацию, для которой создаешь; иначе конечный продукт, каким бы превосходным он ни был сам по себе, окажется неидеальным тогда, когда начнут действовать в соответствии с ним, — что более вероятно, если нация уже сформировалась со своими вкусами, обычаями, предубеждениями и неудачами, которые лежат так глубоко, что их не искоренит насаждаемое новое». И еще не проведено достаточного эмпирического исследования, чтобы приобрести знания о таком совместном действии различных факторов.

Следовательно, я могу отважиться только на рудиментарное предположение. Только те конституции соблюдаются и действуют длительное время, которые уменьшают ставки в политических схватках. Претенденты на должность могут ожидать, что ее получают; а проигравшие могут ожидать, что не все потеряно. Такие конституции, как якобы утверждал Наполеон, должны быть «короткими и неопределенными». Они фиксируют сферу деятельности правительства и устанавливают правила борьбы, оставляя реальные результаты открытыми для политического взаимодействия. Конституции, принятые для усиления временного политического преимущества, конституции, являющиеся не чем иным, как пактами о доминировании победивших совсем недавно, дейст-

вуют столько же, сколько и условия, создавшие последнюю политическую победу. В свою очередь конституции, позволяющие каждому предъявлять реальные требования, конституции, ратифицирующие компромиссы, сохраняя реальные приверженности (прототипом чего является глава о социальных правах Веймаровской конституции), часто невозможно претворить в жизнь⁴⁵.

Чтобы усилить этот аргумент, позвольте предложить три — по-прежнему крайне абстрактных — наблюдения. Первое: стоит отметить, что избирательное большинство в истории процветающих демократических государств бывает редко; за послевоенный период только одни выборы из пятнадцати завершились большинством голосов, отданных за одну партию. Следовательно, большинство демократических государств управляется либо явными коалициями партий, ни одна из которых не может руководить отдельно, либо правительствами меньшинства, основанными на имплицитных заверениях в поддержке. Второе: процветают те демократические государства, в которых институты не позволяют увековечить, в сущности, лишь временные преимущества. Пока шансы вернуться к власти институционально закреплены, проигравшие должны бороться сразу после проигрыша, так как ожидание уменьшает вероятность того, что они когда-либо добьются успеха. Третье: правительство должно быть в состоянии руководить, и это подразумевает, что оно способно противостоять некоторым требованиям, исходящим из тех или иных общественных сфер. Конечно, оно должно мириться с тем, что некоторые политические силы могут налагать вето на правительственные решения.

Эти наблюдения являются дополнением к двум негативным правилам. Чтобы быть стабильными и эффективными, демократические институты не должны создавать правительства, независимые от изменяющегося соотношения политических сил, правительства, свободные от обязанности консультироваться и договариваться с ними при формулировании политики, правительства, не связанные

обязательством подчиняться правилам, когда они претворяют политику в жизнь. При этом они также не должны парализовывать решения и их осуществление. Все интересы должны быть представлены при формулировке политики, и никто не должен односторонне препятствовать ее формулированию и осуществлению. Можно по-другому выразить этот вывод, если сказать, что стабильное демократическое государство требует достаточно сильного правительства, чтобы эффективно руководить, но достаточно слабого, чтобы быть в состоянии руководить вопреки учету важных интересов тех или иных слоев общества.

Если эти наблюдения обоснованны, то, чтобы добиться успеха, демократические институты должны действовать в узких пределах. И, при некоторых исторических условиях, пределы могут смыкаться; консолидация демократического государства не всегда возможна.

Переходы к демократии

Самоподдерживающаяся демократия — не единственный возможный итог процесса «перехода»: когда приходит конец диктатуре допустимы различные стратегии развития⁴⁶. Разрушение авторитарного режима может быть повернуто вспять или же в конечном итоге привести к диктатуре нового образца. И даже если демократическое государство вроде бы уже состоялось, оно не обязательно окажется самоподдерживающимся; деятельность демократических институтов может систематически приводить к таким результатам, которые активизируют политическую активность сил, способных подорвать эти институты. Значит, устойчивая демократия есть только один из возможных исходов процесса разрушения авторитарных режимов.

Допустим, что при определенных экономических и политических условиях некоторые самостоятельные социальные силы борются за то, чтобы построить систему, обеспечивающую им политическое пре-

имущество; можно ли найти такие социальные институты, которые могут быть учреждены, что называется, добровольно и, будучи учрежденными, они обеспечивают всеобщее согласие? Когда для противоборствующих политических сил разумно добровольно ограничить свою будущую возможность воспользоваться политическим преимуществом путем передачи части их власти социальным институтам? Когда есть шанс подписать «демократический пакт», гарантирующий всеобщее согласие и тем самым обеспечивающий устойчивую демократию?

Мы сейчас подошли не к чему иному, как классической проблеме либеральной политической теории. Еще с XVII столетия политические философы старательно охотятся за секретом алхимического превращения состояния жестокого социального хаоса в безоблачную жизнь всеобщего сотрудничества. Начиная с «Левиафана» предложений было множество и с недавних пор все более оптимистичных. Нам говорили, что социальный порядок можно установить посредством соглашений (Lewis, 1969), (Sugden, 1986), в результате самопроизвольной эволюции социального сотрудничества (Taylor, 1976); (Axelrod, 1984), принятия некоторых норм (Ullman-Margalit, 1977), (Axelrod, 1986), моральных факторов (Gauthier 1986) и через учреждение дружественных к членам общества институтов (Schotter, 1981).

Общая проблема допускает следующее представление. Возьмем некоторую структуру интересов, включающую сочетание конфликтов и координации действий. Действия в отсутствии координации ведут к определенным негативным последствиям, заданным социальной нормативной базой. Имеется ли некое социальное «устройство» (государство, план, соглашения, мораль, нормы, институты и т.д.), которое, будучи однажды добровольно примененным, произведет как бы естественный результат (не ущемляющий свободу и всеобщий), который будет означать всеобщее согласие, а именно, поведение, способствующее поддержанию общих, желаемых всеми, норм, коллективную (по Парето) рациональность, универсальное благополучие, правосудие, справедли-

вость, искренность, равенство? Заметьте, что философы искали такие «устройства», которые гарантируют стихийное, естественное согласие, но не для институтов, принуждающих к согласию, даже если те действуют в рамках не оспариваемых никем норм.

Эти поиски базировались на некоторых неявных допущениях, которые ограничивают применимость достигнутого⁴⁷. Отправная точка либеральных рассуждений — что вполне в природе вещей «гипотетическому» индивидууму сталкиваться с проблемой сотрудничества с ему подобными, — не очень полезна для анализа реальных проблем, встающих перед реальными индивидуумами в конкретных исторических условиях⁴⁸. Субъекты — это не абстрактные индивидуумы, а реальные политические силы: некогда образованные коллективные организации, некоторые категории людей, способные объединиться при определенных обстоятельствах, и индивидуумы, как те, кто имеет право голоса. Они участвуют в конфликтах в контексте неизменно существовавших до самого конфликта соглашений, норм и социальных институтов.

Итак, с данными оговорками роль демократической части общества заключается в том, чтобы воздействовать на эти алхимические превращения. Пакты (допустим в данном случае некооперативные⁴⁹) являются выражением равновесия стратегий, которые представляют собой совокупность с индивидуальной точки зрения оптимальных действий, направленных на достижение всеобщего согласия. Это соглашение о разногласиях. И единственный способ изменить его — создать новый социальный институт.

Таким образом, решение проблем демократизации лежит на пути создания социальных институтов. Политические силы обладают некоторыми ресурсами; у них есть свои приоритеты, равно как и условия независимости друг от друга. Игра сил оказывается разрешимой, если система социальных институтов, порождающая естественное согласие, пребывает в равновесии в течение самого переходного периода. Проблема установления демократии такова: согла-

ся ли политические субъекты поместить демократические институты в те рамки, при которых они обеспечат всеобщее согласие?

Этот вопрос имеет две стороны⁵⁰. Первая сторона: возможна ли система демократических институтов, которая порождает всеобщее согласие в случае ее создания? При некотором раскладе интересов может и не оказаться таких социальных институтов, которые предотвратят попытки этих сил подорвать существующие институты, окажись они у власти. Вторая сторона: можно ли создать самоподдерживающуюся систему социальных демократических институтов в результате разрешения разногласий по поводу выбора этих институтов? Даже если будут найдены социальные институты, которые способны работать в устойчивом режиме, они не обязательно обеспечат равновесие в переходный период в том случае, когда шансы каких-то политических сил существенно отличны при определенной архитектуре социальных институтов. Представим себе, что группа людей входит в казино, где есть рулетка, столы для покера, крупье, место для игры в кости. Существует ли игра, в которую игроки с имеющимися у них ресурсами будут продолжать играть, несмотря на то, что они проиграли много раз подряд? И если таковая существует, то договорятся ли потенциальные игроки, какую одну игру избрать?

Это все общие вопросы, касающиеся любого перехода к демократическому государству.

Приложение

Почему результаты кажутся неопределенными? Одна из характерных особенностей демократии заключается в том, что странным образом результаты ее кажутся неопределенными всем участникам. Как если бы все делали то, что считают наилучшим для себя, а потом какое-то устройство произвольно выбирало результат; как будто результат зависит от жребия. А на самом деле? И если это не так, почему же кажется, что так? Целью этого приложения явля-

ется прояснить происхождение и природу порождаемой демократией неуверенности в исходе демократических процедур.

Сначала нужно представить менее фривольное описание способов функционирования демократии. Несколько примеров могут помочь прояснить ситуацию.

Предвыборная конкуренция является очевидной. Партии оценивают электорат, решают, позиции по каким проблемам обеспечат наибольшую поддержку, и выбирают те, которые увеличат вероятность выиграть кампанию. В день выборов зачитывается результат, и партии получают сигнал, более или менее одинаково определенный в каждой демократии, к формированию правительства или переходу в оппозицию.

Сторонники и противники общественной поддержки частных школ обсуждают свой вопрос перед конституционным судом. Они цитируют конституцию, если закон на их стороне, факты — если нет. Суд совещается и выносит вердикт, который теперь является законным статус-кво.

Банки заставляют законодательство выводить их из затруднительного положения, вызванного прошлыми ошибками. Каждый знает, что всеобщие проблемы имеют первостепенную важность, а вовсе не частные: банки выступают от имени всех теряющих сбережения вдов; политики представляют интересы налогоплательщиков, переживающих опасности дефицита. Законодатели голосуют за выведение из затруднительного положения; бюрократы выписывают чеки.

Заметьте, в этих примерах нет места неопределенности. При наличии ресурсов у участников и необходимых учреждений результат предопределен. Каждое действующее лицо может исследовать распределение ресурсов, проверить правила и определить, кто что выиграет или потеряет, если пройти через все этапы (при условии, что они сделают все от них зависящее). Оказывается, что действующие лица поступают так, как будто не уверены в конечных результатах.

Доказательства, что они знают, могут быть двух видов. Если потеря и приобретение — две части одного целого, то те, кто предполагает поражение, просто должны ничего не делать, так как они не смогут ничего сделать: суд примет решение против них, потому что другая сторона имеет лучшие доводы⁵¹. Следовательно, если они действительно конкурируют, то потому, что не уверены в последствиях предпринятых ими действий. Если компенсации постоянны, то возможные проигравшие должны совершать действия, иначе результаты будут еще хуже. Политики должны сетовать на щедрость правительства, даже если они знают, что все окончится поддержкой банков в их затруднениях, только чтобы не потерять голоса своих избирателей. Но я считаю, что существуют более убедительные доказательства того, что политики часто не уверены в результатах; при демократии каждый пережил по меньшей мере один раз лихорадку ночи после выборов. Моим любимым примером является удивление, высказанное в редакционной статье правого чилийского ежедневника «Эль Меркурио» на следующий день после того, как Сальвадор Альенде набрал большинство голосов на президентских выборах в 1970 году: «Никто не ожидал, что всеобщее тайное буржуазное голосование может привести к избранию марксистского кандидата».

Что же тогда является источником неуверенности, унаследованной демократией?

Давайте рассмотрим несколько карточных игр. Первая называется «Лен». Игроки подходят к столу и предлагают цену за пикового туза. Тот, кто предложит наивысшую цену, получает назад свои деньги, забирает деньги на столе и по доллару с каждого, кто не участвовал в игре. Правила универсальные; каждый может играть. Но один игрок богаче других, и его богатство определяет результат⁵². Следовательно, здесь нет неопределенности. Поэтому Ленин был прав, когда называл свое понимание демократии диктатурой буржуазии⁵³. Все, за исключением определенного победителя, кто платит больше доллара, чтобы принять участие в игре, простофили.

Теперь давайте поиграем в «Джон». Игроки предлагают цену за карты, достоинства которых неизвестны. После того как все карты разобраны, они смотрят, что у них на руках. Выигрывает тот, у кого на руках пиковый туз, а выплаты такие же, что и в предыдущей игре. В этой игре, если все играют самым лучшим образом, самый богатый игрок выкупит большую часть карт и получит лучшие шансы забрать туза. Если все N игроков одинаково богаты, то их первичные возможности выигрыша равняются $1/N, 1/N, \dots, 1/N$. Фактически, возможности могут быть весьма неравными: первичное распределение возможностей может отклоняться в сторону как $(N - 1)/N, 1/N, 0, \dots, 0$. Но все, что могут купить деньги, это рост числа шансов, потому что здесь играет роль чистый случай. Даже игрок, который может позволить себе только одну карту, имеет один шанс из пятидесяти двух забрать выигрыш. Не так-то ли и демократия?

Единственный довод против этой аналогии заключается в том, что демократии — по крайней мере современные — не имеют учреждений, которые вносили бы фактор случайности⁵⁴. Предполагается, что парламенты, бюрократии и суды судят и принимают решения, исходя из аргументированных соображений, не бросая жребий.

Заметьте, что это объяснение неопределенности, предлагаемое теорией социального выбора: коллективные предпочтения постоянно развиваются, часто трудно найти причины этого развития, а результат нельзя понять с позиций индивидуальных предпочтений. Но предполагаемая теорией социального выбора неуверенность слишком радикальна; она не допускает рациональных действий. Теория социального выбора представляет демократию в виде игры в лото: действующие лица решают, покупать ли им билет, и затем ждут, когда на экране появятся выигрышные номера. Результат честный, но в этом его единственное оправдание. Этого недостаточно для мотивации участия в демократии; чтобы участвовать, действующие лица должны видеть связь между тем, что они делают, и тем, что происходит с ними. Если

бы каждый верил в теоремы невозможности, никто бы не участвовал. Верно, Элстер (Elster, 1989) показал, что существуют некоторые обстоятельства, когда коллективная рациональность может требовать случайного решения: когда стоимость принятия решения больше, чем разница, которую произведет решение, — например, когда битва за право опеки принесет ребенку больше вреда, чем решение оставить его с менее подходящим из родителей. Но в основном демократия, при которой люди верят, что выбор совершается случайно, была бы непригодна.

Отсюда я делаю вывод, что демократия функционирует совсем не так. Элемент чистой случайности действительно присутствует в демократической игре, но только экзогенно: случайная смерть лидера может радикальным образом изменить ситуацию. Но на этом роль случая и заканчивается.

Таблица 1.1

Столбец			
Ряд		Король червей	Любая другая карта
	Пиковый туз	Ничего, Все	Все, Ничего
	Любая другая карта	Что-то, Что-то	Что-то, Что-то

Еще одной причиной, по которой результаты могут быть неясными, является то, что действующие лица не знают, что делать. Некоторые толкователи моих предыдущих заявлений, что демократия обладает наследственной неопределенностью, заключили, что это утверждение предполагает незнание индивидов, что предпринять⁵⁵. И действительно, бразильцы опубликовали одну из моих статей под заголовком «*Ama a incerteza e seras democratico*» — «Если нравится неопределенность, вы будете демократом»⁵⁶. Может быть, верно, как отмечает Манин (Manin, 1987), что демократия требует от граждан желания изменить свои предпочтения. Но они не

должны любить неизвестность и не должны быть не-уверены в том, что делать.

Пусть «Нор» будет игрой, в которой участники не знают, какое поведение приведет к наилучшим результатам, потому что результаты зависят от одновременных действий других: не существует доминирующей стратегии поведения. Игра проходит следующим образом. Игроки покупают карты, лежащие фигурами вниз. Как только все карты выкуплены, игроки (двое, для упрощения объяснений, именуется Столбец и Ряд) играют, опуская карту на стол лицом вниз и одновременно переворачивая карты. Выплаты производятся (первая выплата Ряду, вторая — Столбцу)⁵⁷.

Ряд не знает, что делать. Ход пиковым тузом лучше, чем тянуть любую другую карту, если Столбец пойдет с любой карты, а не с червонного короля; иначе такой ход хуже. То же самое верно для Столбца (таблица 1.1).

Некоторые сторонники теории игр полагают, что самое разумное в такой ситуации использовать механизм случайности для выбора действий. Если политическая партия не знает, может ли она собрать больше голосов, двигаясь вправо или влево, потому что результат зависит от того, куда будет двигаться другая партия, то она должна решать путем бросания тщательно взвешенной монетки. Если банки не уверены, что доводы о вдовах более убедительны, чем об их служащих, которым грозит потеря места, они могут положиться на волю случая. Здесь результат неясен, потому что является итогом случайно выбранной стратегии поведения. Комбинация стратегий, которая обладает той особенностью, что никто не захочет соединить стратегии другим образом, при том что другие могут сделать, является уникальной, но результаты познаваемы только вероятностно⁵⁸.

Лехнер прав в том, что «Нор» не является правдоподобным пониманием демократии, так как демократические игроки ценят порядок, который укажет им, что делать. Беспорядок дестабилизирует демократию, утверждает переживший травму хаотических лет в Народном правительстве Унидад в Чили Лех-

нер. С этим я согласен, но не соглашусь с тем, что неуверенность в результатах влечет за собой или хаос на уровне учреждений, или неуверенность в собственных действиях.

Объяснение неуверенности, которое я нахожу наиболее убедительным, было предложено Ауманом (Aumann, 1987). Он показал, что, если игроки не знают чего-нибудь и если они рациональны в том смысле, что изменяют свои убеждения в зависимости от информации, которую они получают⁵⁹, и поступают в соответствии с этими убеждениями, тогда независимо выбираемые ими стратегии поведения будут вероятностно распределены, как если бы они были избраны совместно случайно.

Чего же не знают игроки? Одна из наиболее впечатляющих реализаций модели Аумана заключается в том, что они могут не знать всякого рода вещей не только тех, о ком ничего не говорит традиционная теория игр, но также о стратегии поведения других игроков. Действительно, это то, чего не знают игроки в докладе Аумана. Каждый из игроков может знать уникальный результат, связанный с каждой из комбинаций стратегий, и каждый может знать, что лучше делать другим при условии, если он или она это делает. Необходимо лишь минимальное предположение, чтобы создать неуверенность: я не уверен, как другие воспринимают меня. Лидеры политических партий могут знать, что если они будут хранить секреты своих противников, то это будет лучше для других в смысле взаимных услуг, но если они не уверены, доверяют ли им их противники в том, что они не явятся причиной скандалов, то возникнет неуверенность. Минимальным предположением здесь будет то, что я не уверен, что мои противники знают о моих предпочтениях и моем характере. Если я предположу, что они могут думать обо мне как о моралисте, а не целеустремленном и беспринципном человеке, то я не могу быть уверен в том, что они предпримут.

Следовательно, результаты демократического процесса не непредсказуемы. Они только кажутся непредсказуемыми каждому из участников. Но «ка-

жутся» нельзя принимать за указатель восполняемого незнания, как «ложное сознание»⁶⁰. Кажущаяся неопределенность обязательно генерируется системой децентрализованного принятия решений, в которой невозможно быть уверенным, что другие думают обо мне.

Всеведущий наблюдатель может определить результат для каждой ситуации, но ни один участник не может быть наблюдателем, потому что теорию наблюдателя необязательно разделяют все участники. А если ее не разделяют, то она не может предсказать, как другие воспринимают ее и, следовательно, что они предпримут. Заметьте, что стратегии выбираются независимо и обоснованно. Каждый игрок независимо решает, что делать, и каждый игрок знает, что это лучший способ действия в любой момент. Однако результаты этих комбинаций распределяются вероятностно.

Чтобы выделить определяющие особенности наследственной демократической неопределенности, рассмотрим стилизованную модель авторитарных режимов (которые я считаю синонимами диктатуры, отменяющей некоторые важные черты)⁶¹.

Одной из существенных особенностей авторитарного режима является то, что кто-то один обладает достаточными возможностями для предотвращения любого результата происходящего. О Франко говорили: «Все карты у него в руках, он не делает политику, он сама политика» (цит. по: Carr, Fusi, 1979: 1). Этот «кто-то один» может быть правителем, организацией, как вооруженные силы, партией или бюрократией; или даже более сложно выделяемая цепочка групп и отдельных лиц. Далее я говорю об аппарате авторитарной власти и провожу разграничения, только если они объясняют ситуацию⁶². Аппарат власти может действовать не только до, но и после; то есть, он не только может устанавливать правила, которые запрещают действия, ведущие к нежелательным результатам, но может также уничтожить такие результаты, даже если они являются следствием установленных им правил. Вот пример из истории Аргентины. Назначенный военным правитель-

ством министр образования дает задание группе экспертов по подготовке математических тестов для начальной школы. Подготовлен задачник, он одобрен министром, издан и распределен. Затем он попадает в руки коменданта местной военной зоны, который приказывает изъять его из школ. Заметьте, что рассказанная история — не подпольный памфлет, она является продуктом самих авторитарных учреждений⁶³. И напротив, при демократии набор возможных результатов не может быть определен, исходя из правил⁶⁴. При диктатуре не существует различия между законом и политикой⁶⁵. В этом смысле диктатуры являются произвольными. При демократии результат демократического процесса может быть уничтожен после того и только тогда, когда он нарушает ранее установленные известные правила; при диктатуре возможный результат не является следствием каких-либо правил.

Не предполагает ли этот довод, что демократия создает меньше неопределенности, чем диктатура? Полагаю, что на этот вопрос невозможно ответить, потому что ответ зависит от точки зрения⁶⁶. Разница заключается в предположениях, которые необходимо сделать, чтобы вычислить результат. При диктатуре он предсказывается только из предпочтений одного игрока; при демократии — из конфликтующих предпочтений и правил. При достаточно непредсказуемом лидере или достаточно разветвленном аппарате авторитарный режим может постоянно удивлять каждого неожиданными поворотами⁶⁷. Действительно, при диктатуре результаты могут быть непредсказуемыми: их можно предсказать, только зная волю диктатора или соотношение сил между конфликтующими фракциями. Демократический режим, напротив, может привести к весьма предсказуемым результатам, даже когда разные партии чередуются в правительстве. Следовательно, постфактум авторитарный режим может быть более непредсказуемым, чем демократический. Но представьте себе такую ситуацию. При диктатуре существует некто, кто уверен в результатах, и любой знающий, чего хочет аппарат власти, знает также, что произойдет⁶⁸. При демокра-

тии таких игроков нет. Следовательно, разница в неопределенности обусловлена лишь в некотором смысле: при авторитарной системе очевидно, что политические результаты не будут включать противников воли аппарата власти, тогда как при демократии не существует группы, чьи предпочтения и ресурсы могут предсказать точные результаты. Капиталисты не всегда выигрывают при решении конфликтов демократическим путем⁶⁹, хотя даже чья-либо позиция в настоящей политической системе не гарантирует будущих побед.

Следовательно, инструментальное действие при авторитаризме ограничено теми случаями, в которых игроки, обладающие свободой маневра, знают, что аппарат власти безразличен к некоторым результатам. Секретари партийных организаций из определенных местностей могут конкурировать, например, в получении инвестиций, обоснованных планом; ассоциации производителей из различных секторов могут защищать себя от понижения тарифов на конкурирующий импорт. Инструментальные действия имеют для них смысл, только если они знают, что аппарат не накажет их за эти действия и что он терпим к необходимому им результату. Было бы иррационально действовать так, как будто результат определялся его или ее действиями при существующем государственном устройстве. Каждый вынужден попытаться узнать реакцию аппарата⁷⁰.

Чтобы проверить эти различия, рассмотрим следующий пример. После 1954 года польский коммунистический режим постоянно менял свою аграрную политику. Как только крестьяне переставали производить продукты питания для городов, партия говорила им: «Обогащайтесь!» А как только крестьяне начинали обогащаться, их доходы начинали бросаться в глаза, — партия конфисковывала все богатства. Отсюда следует, что политика развивалась по предсказуемому циклам: низкая производительность вела к фискальным стимулам, явное неравенство вело к репрессивному налогообложению и так далее⁷¹. Но мы можем представить сходную динамику и при демократии: производственная партия на-

chnet кампанию за фискальную стимуляцию; партия Равенства будет защищать налогообложение богатых крестьян. Как только пищевые продукты станут дефицитом, партия Производства выиграет выборы, пока крестьяне не станут слишком богатыми, и тогда выиграет партия Равенства. Следовательно, политические циклы и вероятность того, что уровень налогов равняется $t\%$, одинаковы в обеих системах.

Однако до принятия решений наследственная неопределенность двух систем различается по трем параметрам. Во-первых, партия изменила правила уже после соответствующей процедуры: основным инструментом ее политики являлся добавочный подоходный налог обратного действия. Крестьяне зарабатывали свой доход, когда уровень налогообложения был 40%; после того как этот доход был заработан и инвестирован или потреблен, он подвергся дополнительному обложению. Такое может случиться при демократии, но только в соответствии с установленными правилами, которые позволяют ввести добавочный подоходный налог обратного действия. При диктатуре это может случиться вопреки правилам. Во-вторых, время и объем конфискационного взноса были произвольными в выше определенном смысле: это не было обусловлено каким-либо сводом правил. При демократии крестьяне могут ожидать, что, когда неравенство становится вызывающим, налог увеличивается, но они могут также ожидать, что правила изменятся опять-таки по правилам. Наконец при демократии новый уровень налога определяется совместно политическими действиями крестьян и других сил. Крестьяне могут участвовать в определении нового уровня налогообложения; они могут защищать свои интересы. При условии, что они знают общественное мнение и знают правила, они могут с большой долей вероятности предвидеть объем увеличения. Следовательно, они могут вычислить ожидаемую прибавочную стоимость и действовать соответственно принятию решений об инвестировании. При диктатуре все, что они могут сделать, это догадываться, к чему партия относится терпимо; если они не могут об этом дога-

даться, они не знают, когда им нанесут удар и насколько сильный.

Ничто из вышеописанного не предполагает, что крестьяне будут богаче при демократии. Если аппарат хочет развивать сельскохозяйственное производство и если он готов терпеть богатство, крестьяне будут процветать. Они будут процветать, даже если другие люди голодают и даже если все остальные люди предпочли бы более низкие цены на продукты, производимые селом. Их интересы защищены волей произвола; но это все, от чего зависят их интересы. Они мало что могут предпринять⁷².

Таким образом, демократия является системой, которая создает видимость неопределенности, потому что это система децентрализованного стратегического действия, при которой знание неизбежно локально. Диктаторы же являются наблюдателями, так как им нет необходимости заботиться о том, что другие думают о них.

Примечания

¹ Обратите внимание, что наличие партии, выигрывающей выборы, не означает, что система является демократической: Албанская народная партия регулярно одерживает грандиозные победы. Демократия процветает только тогда, когда есть партии, которые проигрывают, и когда поражение не является ни социальным позором (Kishlansky, 1986), ни преступлением.

² Большинство определений демократического общества, включая определение Даля (Dahl), рассматривает участие наравне с борьбой. И в самом деле, существуют взгляды на демократическое общество с точки зрения участия и с точки зрения борьбы. Упор на участие весьма важен, если нужно понять развитие демократии в Западной Европе, где битва за избирательное право вызвала больше конфликтов, чем вопрос об ответственности правительства. Более того, такой упор привлекателен с нормативной точки зрения. Однако с аналитической точки зрения признания самой возможности борьбы из-за столкновения интересов достаточно, чтобы объяснить динамику демократического общества. Если политические права достаточно обширны, чтобы допустить столкнове-

ние интересов, может последовать что угодно, даже если эффективное участие далеко от универсального. Так как везде, кроме Южной Африки, большие ограничения политических прав в настоящих условиях трудно представить, то для изучения текущего перехода к демократии достаточно сосредоточить внимание на изучении борьбы.

³ Но я не хочу сказать, что социальные институты не предвзяты. Институты играют большую роль при дистрибуции. Подробнее об этом я скажу ниже.

⁴ Заметьте, что социальное движение при демократии — дело сомнительное и всегда недолговечное. Профсоюзам есть к чему двигаться: к институтам производственных отношений и государству; партии движутся к парламентам; лобби — к бюро; а у движений нет институтов, к которым они могут стремиться.

⁵ Эти различия основаны на работах Литлчайлда (Littelechild, 1986).

⁶ Я имею в виду «знание» в логическом смысле; а именно владение информацией, из которой можно сделать вывод о последствиях. Так как возможные результаты следуют из правил, а правила могут изменяться только в соответствии с правилами. «Структура института», понимаемая как вся система правил, не установлена; она постоянно изменяется в результате противоречий. Но эти противоречия всегда имеют место внутри той системы правил, которая устанавливает границы подходящей совокупности правил. Очевидно, что ничто из вышесказанного не подразумевает, что политические деятели всегда знают, что возможно в психологическом смысле: они ошибаются и удивляются особенно потому, что затронутые логические отношения зачастую весьма «размыты».

⁷ По мнению Боббио (Bobbio, 1989: 116), коллективные решения являются скорее плодом переговоров и соглашений между группами, представляющими социальные силы (профсоюзы) и политические силы (партии), чем плодом собрания, на котором прошло голосование. Голосование проходит фактически для того, чтобы придерживаться конституционного принципа современного представительного государства, который гласит, что именно индивидуумы, а не социальные группы политически релевантны..., но в результате оно имеет чисто формальное значение ратификации решений, достигнутых в других местах в процессе переговоров.

⁸ Липсет (Lipset, 1960) различает «законность» — обязательства *ex ante* и «эффективность» — оценка результа-

тов *ex post*. Хабермас (Habermas, 1975) различает «легальность, приверженность букве закона» — принятие правил *ex ante* и «закономерность» — по его классификации, оценка *ex post*. Оба считают, что оценки *ex post* изменяют обязательства *ex ante*, но ни один не замечает, что сама проблема согласия возникает только из-за того, что результаты, полученные согласно правилам, не определены *ex ante*.

⁹ Некоторые интересы, особенно владеющих средствами производства, могут быть защищены их положением в структуре экономики: если материальное благосостояние каждого зависит от решений капиталистов создавать рабочие места и инвестировать средства, любые правительства могут быть вынуждены отказаться от политики, уменьшающей занятость и инвестиции. Это теория структурной зависимости государства от капитала. Спорным является вопрос, влияет ли эта зависимость на любое демократически избранное правительство настолько, что демократический процесс может не оказывать влияния на политику, проводимую этим правительством. Я считаю, что любое государство в определенной степени зависит от капитала, но эта зависимость не обязательна, чтобы сделать демократическое государство симуляцией. У демократического процесса всегда есть возможность влиять на результаты. (По вопросу этой теории см. Przeworski and Wallerstein, 1988.)

¹⁰ Обобщая взгляды Буханана и Таллока (Buchanan and Tullock, 1962) и одобряя их, Бреннан и Ломаски (Brennan and Lomasky, 1989: 3) представляют проблему следующим образом: «Если бы правило единогласия использовалось и на постконституциональном уровне, то есть каждый индивидуум обладал бы эффективным правом налагать вето на каждое коллективное решение, то последовали бы чрезмерные издержки при ведении переговоров... Таким образом, голосование оказывается средством увеличения эффективности, покоящимся на основании, которое тщательно избегает мажоритаризма».

¹¹ Чтобы понять различия, проводимые экономистами, мы можем сначала провести различия между технической и коллективной рациональностью. Демократическое общество можно было бы назвать технически рациональным, если бы оно эффективно служило неким в других отношениях желаемым целям, таким, как экономическое развитие или (точка зрения, которой я придерживаюсь) минимизация произвольного принуждения. Но в настоя-

шем обсуждении нас больше интересует понятие коллективной, а не технической рациональности.

¹² Чтобы сделать это обсуждение менее абстрактным, представьте себе, что три молодые леди решили купить мороженое, но денег у них только на один наполнитель. Их начальные предпочтения соответственно $C > V > S > N$, $V > S > C > N$, $S > C > V > N$, где C означает шоколад, V — ваниль, S — клубнику, N — мороженое без наполнителя, а $>$ нужно читать «предпочитает». Теперь предположим, что любительнице шоколада сказали, что этот наполнитель оставляет на платье несмываемые пятна. Получив эту информацию, она меняет свои предпочтения, переводя шоколад на второе место: от $C > V > S > N$ к $V > C > S > N$. Это и есть размышление.

¹³ Вернемся к мороженому. Предположим, что в ответ на сообщение о шоколаде любительница клубники информирует других, что от ванили полнеют. В свою очередь любительница ванили замечает, что клубника содержит красный краситель № 5, вызывающий рак. Предположим далее, что все сообщения, содержащие аргументы, на этом закончились. Тогда предпочтения могут все еще идти по кругу в результате рационального рассуждения. Демократическое государство развивает участников процесса, но не подводит их к единственному решению.

¹⁴ «Парламент», считал Шмитт (Schmitt, 1988: 4—5), «во всяком случае "истинен" только до тех пор, пока общественное обсуждение принимается всерьез и его результаты претворяются в жизнь. "Обсуждение" в данном случае имеет особое значение и не означает просто переговоры... Обсуждение означает обмен мнениями, происходящий с целью убедить оппонента, используя аргументы об истинности или справедливости чего-либо, или позволить убедить себя в том, что что-то истинно или справедливо».

¹⁵ И в самом деле, его современник, ведя полемику, указал, что Шмитт «никоим образом не доказал, что Европа стоит перед дилеммой: парламентаризм или диктатура. У демократического общества есть много других организационных вариантов кроме парламентаризма» (Thoma, 1988: 81).

¹⁶ Вопрос, который я ставлю, — эмпирический: каковы обстоятельства, касающиеся институтов и условий, при которых они действуют, заставляют политические силы соглашаться с результатами демократического процесса, и, следовательно, позволяющие демократическому государству выжить? Существует огромное количество философ-

ской литературы, касающейся морального оправдания демократического государства, и особенно оправдывающей принуждение, применяемое, чтобы добиться согласий. Так как философы имеют тенденцию путать свои нормативные мнения с реальностью, часто можно прочесть, что демократическое государство «является» таким-то и таким-то, а не было бы таким-то и таким-то, если бы люди руководствовались моралью какого-либо автора. Хотя некоторые различия, представленные в этой литературе, вносят ясность в эти проблемы, я считаю их в большой мере не имеющими отношения к рассматриваемому эмпирическому вопросу.

¹⁷ Эта аллегория заимствована у Мулина (Moulin, 1986: ch.8).

¹⁸ Возможны два результата в случае, если каждый подчинится сигналам. Цель института светофора — исключить результат коллективной оптимизации отдельных частей системы: обругать другого (продвигаться, продвигаться) и обругать себя (ждать, ждать). В этом смысле демократическое государство по Парето — это шаг вперед по сравнению с первобытным состоянием, когда каждый пытается силой проложить себе путь. Однако это очень слабый аргумент в пользу рациональности демократического государства, так как такое первобытное состояние — попросту воображаемая ситуация, созданная для оправдания существующего порядка. Именно поэтому доводы в пользу права собственности как чего-то эффективного — нормативно неубедительны.

¹⁹ Заметьте, что это равновесие отличается от того, которое использовалось, чтобы проанализировать игру между политическими партиями. Политические партии определили свою стратегию одновременно, в то время как в игре «правительство — армия» правительство первым делает ход, ожидая от армии благоприятного ответа. Концепция первого равновесия не совсем правдоподобна, и вопрос, что собой представляет разумное понятие равновесия, остается все еще открытым. Но все эти тонкости в настоящий момент нас занимать не должны: равновесие по Нэшу — это простейшая классическая ситуация в теории игр.

²⁰ Наблюдение за выполнением договора децентрализовано, при условии, что когда машина проезжает вне очереди, кто-то готов проехать вне очереди в другом направлении, рискуя в этом случае столкнуться, так как этот риск увеличит его или ее расчетную вероятность проехать

в будущем. Результатом является равновесие, на языке теории игр — «идеальное равновесие (суб)игры».

²¹ Как заметил Кавка (Kavka, 1986: 181), для Гоббса «верховная власть как верховная власть не является стороной в социальном соглашении и, следовательно, не ограничена им». Кавка закончил свои размышления в том же ключе, что и я, считая, что такое решение не обязательно, чтобы вызвать согласие, если правительство «разделено и ограничено».

²² Типичное объяснение слабости демократического государства в этом аспекте хорошо отражено в заголовке недавно вышедшей бразильской книги: «A cidadania que no temos» («Граждане, которых у нас нет»).

²³ Я не заявляю, что все «пакты», найденные в литературе о переходных периодах, являются пактами в этом смысле. Некоторые являются сделками, а некоторые, возможно, — даже равновесиями. Несмотря на ее прямо-таки биологические тенденции к увеличению, эта литература не отличается концептуальной ясностью.

²⁴ Это утверждение не подразумевает, что культура не имеет значения. Культура — это то, что говорит людям, чего хотят; культура информирует их о том, чего не делать; культура указывает им, что прятать от других. Я считаю аксиомой, что люди действуют в коммуникативном и моральном контексте. Покупка голосов, например, считается аморальной во всех демократических государствах, хотя она может быть коллективно целесообразным поведением: если политики продают обещания будущих благ за голоса, почему они не платят авансом?

²⁵ Оказывается, что мы поступили слишком опрометчиво, приняв точку зрения М.Олсона (Olson, 1965), которая заключалась в том, что мир рассматривался как макрокосм безвыходного положения узника, создающего повсеместные проблемы коллективного действия. Теперь известно, что при широком наборе повторяющихся действий всеобщее равновесие может поддерживаться непосредственно действиями из корыстных соображений. Для этого смотри несколько теорем Фуденберга и Маскина (Fudenberg, Maskin, 1986). Особенно важна теорема 2, которая показывает, что при довольно мягких условиях (выплаты должны значительно отличаться друг от друга) этот результат сохраняется для игры, в которой принимают участие n человек. Они объясняют это следующим образом: «Если игрок уклоняется [от сотрудничества], другие игроки приводят его к минимаксу на достаточно долгий срок,

для того чтобы ликвидировать любую его выгоду от этого отклонения. Чтобы склонить других игроков к приведению его к минимуму, им в конце концов дают "вознаграждение" (стр. 544). Обратите внимание затем, что методы наказания, склоняющие к сотрудничеству, не обязательно должны зависеть от предистории прошлых отклонений; следовательно, игрокам не нужно опознавать друг друга, чтобы налагать эффективные взыскания за несотрудничество (Abreu, 1988).

²⁶ Выражаясь таким образом, зубы одного — это наказание, зубы другого — акт несогласия.

²⁷ См. Przeworski, 1990: гл. 2, где имеется обзор литературы по этому вопросу.

²⁸ Я цитирую из издания «L'esprit des lois» (1905) под редакцией и с комментариями Камиля Джулия, где к этому утверждению дается сноска со ссылкой на Аристотеля: «Или все должны управлять каждым, или каждый всеми».

²⁹ Под «политическими силами» я имею в виду те группы, которые уже коллективно организованы, и те, которые могут быть организованы при определенной структуре институтов, а также индивидуумов в роли избирателей. Я не считаю, что политические силы организованы до и независимо от определенной структуры институтов; это институты придают форму политическим организациям.

³⁰ Пример принадлежит Хуану Линцу.

³¹ Те, кто занимается теорией игр, считают само собой разумеющимся, что методы наказания являются доступными для игроков. Однако это сложный вопрос, как показал Кавка (Kavka, 1986: ch. 4, sect. 3). В первобытные времена наказания могли применяться, но только в виде физического принуждения. Институты организуют это принуждение, делают его предсказуемым и полагаются на угрозу его применения.

³² Если любое действующее лицо может изменить результаты *ex post*, другие действующие лица должны скорректировать в сторону уменьшения вероятность своей победы в игре по данным правилам.

³³ Это вероятность в определенный момент; они могут ее скорректировать по мере того, как узнают, проигрывают они или выигрывают.

³⁴ S зависит от вероятности того, будет ли попытка ниспровергнуть результаты удачной, и от выгоды успеха

или провала попытки ниспровержения. Если q — эта вероятность, D — ценность удачного ниспровержения и F — его провала, тогда

$$S = qD + (1 - q)F.$$

³⁵ Некоторые действующие лица могут быть таковы, что для них $S > W > L$: они всегда будут пытаться ниспровергнуть. Другие могут характеризоваться формулой $W > L > S$ — они никогда не будут пытаться это сделать.

³⁶ Заметьте, что концепции победы и поражения здесь сильно упрощены. Каждая группа определяет свои интересы через широкий спектр результатов и привязывает ценности к определенным ступеням и особым методам, с помощью которых каждый из этих интересов реализуется. Таким образом, победа и поражение задаются постоянно для многомерных контуров предпочтений. Но нет смысла вдаваться в математику, если логические выводы остаются теми же, что и в простой модели.

³⁷ Вот модель для тех, кому любопытны доводы, а не просто выводы. Если действующее лицо только что проиграло во время t , для удобства принятое равным нулю ($t = 0$), выгода от согласия будет равна $C^* = L + \sum_t C(t) = L + [r / (1 - r)]C$. Выгода от ниспровержения равна S^* и зависит от вероятности, которую действующее лицо придает успеху ниспровержения и степени игнорирования недемократического будущего. Следовательно, действующее лицо согласится, если $C^* > S^*$ или если

$$p > (1 / r)[(1 - r) S^* - L] / (W - L) = p$$

Заметьте, что $dp^*/dr < 0$, чем больше уверенности у действующего лица в своем будущем при демократическом государстве, тем ниже минимальная вероятность, необходимая, чтобы добиться его согласия. В свою очередь, пусть q будет означать вероятность успеха ниспровержения, $dS^*/dq > 0$. Тогда $dp^*/dq > 0$: чем меньше риска у определенной группы при ниспровержении, тем выше вероятность выигрыша, необходимая, чтобы заставить ее подчиниться демократическим результатам.

И наконец заметьте, что если p^* достаточно, чтобы добиться согласия, когда действующее лицо только что проиграло, то его будет также достаточно, если оно только что победило. Следовательно, $p > p^*$ — это минимальное условие.

³⁸ Действующие политические силы — это те, для которых $S > L$. У тех, для кого $L > S$, нет другого выбора, и им не нужны гарантии.

³⁹ Союзы Перона в Аргентине — самое подходящее для этого случая исключение.

⁴⁰ Это истинно, если политические силы, имеющие низкие шансы выиграть в спорах по распределению, считают, что демократическое государство приведет к увеличению общего количества должностей, заказов и т.п. Вернемся к выражению для p^* . Производная $dp^*/dL = - (1/r)[W - (1 - r)S^*] / (W - L)^2$. Эта производная — отрицательна.

⁴¹ Этот вопрос был темой моих постоянных дискуссий с Франциско Уэффортом. Новые аргументы можно найти в его работе «Incertezas da transicao na America latina» (1989).

⁴² Не говоря уже о таких статьях, которые требуют от каждой фирмы, имеющей более 10 работающих, нанимать по крайней мере 10% новых служащих старше 45 лет!

⁴³ Это сопоставление взято из дискуссий по Конституции Польши. См. «Trybuna Ludu» от 17 сентября 1989 г.

⁴⁴ Линц (Linz, 1984) выдвинул несколько аргументов в пользу парламентской системы как противоположной президентской. Меня особенно убедил аргумент, что президентские системы ведут игру с суммой выигрыша, равной нулю, в то время как парламентские системы увеличивают общий выигрыш. Аргументы заключаются в следующем. При президентской системе победитель получает все: он или она может формировать правительство, не включая в коалицию никого из проигравших. Проигравший кандидат фактически не имеет такого политического статуса, как в парламентских системах, где он или она становится лидером оппозиции. Следовательно, используя терминологию моделей, приведенных выше, при *ceteris paribus* условиях (при которых $W + L = T$ одинаково в обеих системах), цена победы, W , больше, и цена поражения, L , меньше при президентских, чем при парламентских системах. Теперь предположим, что политические деятели игнорируют будущее со степенью $г$ в год. При президентской системе значение постоянно в течение определенного периода ($t = \text{pres}$), и предполагаемая цена следующего раунда равна $r^{\text{pres}}[pW + (1 - p)L]$. При парламентской системе победитель руководит, только пока он или она имеет достаточную поддержку в парламенте, скажем, на период $t = \text{parl}$, так что предполагаемая цена следующего раунда равна $r^{\text{parl}}[pW + (1 - p)L]$.

Элементарные вычисления затем показывают, что до тех пор, пока срок пребывания в должности, предполагаемый при парламентаризме, заметно дольше, чем при президентском правлении, у проигравшего больше стимул остаться в демократической игре при парламентаризме.

⁴⁵ Как сказал Лула (Lula) в предвыборном интервью, «если мы применим на практике главу новой конституции о социальных правах, то мы совершим революцию» (Luis Inacio Lula da Silva, интервью в «Veja» от 29 ноября 1990 года, стр. 4).

⁴⁶ Понятие «переходный процесс» не очень подходит для этих ситуаций, поскольку имеет оттенок некоторой предопределенности результата этого процесса. Тем не менее я решил следовать традиции использования этого понятия, которая принята в литературе, описывающей переход к демократии.

⁴⁷ Одна из причин, согласно которой формулировка Гоббса не очень подходит в нашем контексте, заключается в том, что для Гоббса главная причина создания индивидуумами государства состоит в том, что последнее способно защитить своих граждан от иностранного вторжения. Только вторичной является причина, согласно которой государство может защитить граждан от посягательства другого гражданина (см. «Левиафан», гл. 17). Хотя территориальные конфликты и имеют иногда место, для нас важен пункт, касающийся не мотивов создания государства, а создания систем власти и функционирования уже существующего государства. Значит, приоритет Парето, связанный с безопасностью границ, далеко не основной в рассуждениях о социальных институтах и их роли в переходе к демократии.

⁴⁸ Проблема, возникающая в связи с применением теоретико-игровых представлений, заключается в том, что этот подход сочетает полезную методологию с «идеологически» нагруженной и открыто нерациональной онтологией «индивидуумов», которые в своей массе кажутся однородными в том смысле, что преследуют схожие стратегии и часто стремятся к одним и тем же выигрышам. Мои предубеждения, касающиеся этой темы, подробно изложение в: Przeworski, 1985. Обратите внимание, что Кавка (Kavka, 1986: 148) старается определить здесь состояние дел как «модель обществ, включающих реальных людей, разобщенных гражданскими беспорядками или упразднением государства».

⁴⁹ Имеется в виду, что они не навязаны извне внешними силами.

⁵⁰ Эти стороны не столь явны в социальных теориях сотрудничества. В них возникает следующий вопрос: с какого рода политическим устройством гипотетический индивидум склонен в порядке вещей считаться? Ответ зависит от трактовки индивидуума. Если индивидууму лишен информации о том, каково будет его благосостояние при новом политическом устройстве, то с какой стати он будет считаться с ним, уже будучи «окружен» этим устройством и помня о старом порядке (Braubrooke, 1976). В свою очередь, если индивидум знает о своих шансах, открывающихся в новой ситуации, вопрос в том, что заставит его следовать ее предписаниям и подчиняться общим установкам, если они для него неблагоприятны. Допустим, военные знают, что новые демократические власти установят гражданский контроль над армией, с которым военным придется считаться; военные, однако, такому положению вещей могут предпочесть военную диктатуру. Следовательно, вопросы о том, будут ли политические силы считаться с некоторой системой социальных институтов, и вопрос о том, согласны ли они участвовать в ее становлении, — различны.

⁵¹ См. (Riker, 1962) о компенсациях с двух точек зрения. Этот подход критиковался Штиглером (Stigler, 1972).

⁵² Вспомните (американский) футбол. Есть поле, мяч и набор правил. Правила безразличны по отношению к командам. Рефери судят непредвзято, соответствуют ли действия правилам, и назначают соответствующий штраф. Но одна команда состоит из игроков весом в 300 фунтов, а другая — из слабаков весом в 150 фунтов. Результат предreshен.

⁵³ «Буржуазный парламент, хотя бы самый демократичный в самой демократичной республике, в которой сохраняется собственность капиталистов и их власть, есть машина для подавления миллионов трудящихся кучками эксплуататоров... Пока существует капиталистическая собственность, всеобщее избирательное право будет инструментом буржуазного государства» («Письмо рабочим Европы и Америки» (1919) — Ленин В.И., 1959: 482). Самым программным выступлением Ленина по этой теме являются «Тезисы и доклад о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата на I съезде Коммунистического Интернационала», 4 марта 1919.

⁵⁴ Существуют примеры в истории выборов по случайности и серьезные доводы в их пользу. (См. Elster, 1989.)

⁵⁵ А именно Лехнер (Lechner, 1986) и Хиршман (Hirschman, 1986). По существу, есть две причины, по которым действующие лица могут не знать, что делать. Первая, обсужденная уже в тексте, заключается в их незнании лучшего способа действия. Но у меня впечатление, что Хиршман и Манин имели в виду нечто другое, а именно, что наученные опытом случайности игроки не уверены, должны ли они действовать в соответствии с собственными предпочтениями или уступить предпочтениям других. В последнем случае игроки не больше не уверены в своих собственных предпочтениях, чем в выборе действий.

⁵⁶ Novos Estudos, 1985.

⁵⁷ Чтобы ограничить влияние неравности ресурсов на результаты, Закон Равного Доступа гарантирует, что один игрок не может получить и пикового туза, и червонного короля.

⁵⁸ Кажется, эта идея выходит из моды (см. Aumann, 1987). Он указывает, что наивное толкование смешанной стратегии как обусловливаемого результатами лотереи действия, выполняемого игроком до начала игры, является интуитивно нелепым. В свою очередь, физически смешанная стратегия — смешивание стратегий в некой пропорции — не приведет к неопределенности.

⁵⁹ В основе модели Аумана лежит одно важное допущение, так называемая доктрина Харсани, которая предполагает единственным источником знания наблюдение. Ее особенность в том предположении, что все игроки имеют одинаковые предпосылки, так что если они приписывают различные вероятности пересечению в любой момент, то потому, что их наблюдения различны.

⁶⁰ Этот переход на марксистский язык не случаен. Модель Аумана предоставляет микрооснования для марксистской теории фетишизированного знания. Фетишизированное знание является просто местным знанием: восприятие системы с точки зрения каждого игрока. Отдельные игроки, обменивающиеся при капитализме, теряют или выигрывают от обмена: если я продаю за большую сумму, чем купил, то я выигрываю, а покупатель потеряет стоимость труда (но не обязательно ему это невыгодно). Это местная теория капиталистической системы; любой, действующий в рамках этой системы, должен действовать на основе этой теории. Знакомые с марксистской теорией знают, что прибавочная стоимость создается только тру-

дом и, когда все прибавочные стоимости просуммированы, их сумма равна нулю: то, что я выиграл при обмене, кто-то потерял. Но это знание не может и не меняет поведения отдельных людей в системе. Чтобы изменить индивидуальное поведение, недостаточно критики капитализма.

⁶¹ А различия существуют. Только вспомните Советский Союз, который называли тоталитарным режимом, авторитарным, диктатурой пролетариата, диктатурой партии, автократией, государственным капитализмом, номенклатурной бюрократией и т. д. Моей целью является подчеркнуть то, что я считаю существенной особенностью демократии, — не представлять классификацию форм режимов. Более того, я не обсуждаю различие между тем, что Монтескье назвал деспотизмом, где воля деспота является законом дня, и диктатурой, которая управляет через законы (монархия: правление через законы, но не законно). (См. Bobbio, 1989: 100—25 — в плане обсуждения классификаций политических режимов в истории.)

⁶² См. Przeworski, 1982 — о трудностях определения центров власти при авторитаризме. Более систематический анализ предложен Cardoso, 1972.

⁶³ Отметим еще один аспект данного примера: отсутствие четко определенного разграничения влияния. Не существует правил, которые давали бы коменданту военной зоны власть распоряжаться задачниками для начальной школы. Он обладает всеобщей властью распоряжаться чем угодно. Другой пример: польское правительство решило в начале 1960-х перестроить центр Варшавы. Был объявлен конкурс архитекторов, победивший проект был выбран и одобрен правительством. Но один из секретарей коммунистической партии решил, что предложенный ансамбль зданий будет конкурировать со сталинским монстром, доминирующим над городом, и приказал уменьшить высоту зданий. Он мог делать все, что захочет.

⁶⁴ Я не хочу сказать, что ретроспективные действия невозможны при демократии: президент может назначить начальника медицинской службы, а тот может дать задание группе экспертов по подготовке доклада о СПИДе; доклад может быть опубликован, а президент может отвергнуть этот доклад и даже выгнать своего назначенного. Но предварительно известно, что президент может сделать все это; у него есть право отвергать и власть уволить члена своей администрации. Однако он не может не признавать Верховный суд и уволить верховного судью, и это мы тоже

знаем. Я хочу сказать, что при диктатуре мы не можем заранее знать, что может или что не может сделать аппарат, потому что осуществимые результаты не являются следствием какого-либо свода правил.

⁶⁵ Эту особенность Монтескье рассматривал как фатальную слабость деспотизма.

⁶⁶ См. Rubinstein, 1988 — изложение субъективистского подхода к теории игр. Рубинштейн доказывает, что если теорией игры можно объяснить мир вокруг нас, то мы должны интерпретировать игры не как физическое описание, а как предположение о понятиях и процедурах суждения игроков. Следовательно, то, что определено с точки зрения наблюдателя, может оказаться неопределенным с точки зрения каждого из игроков.

⁶⁷ Вот советская точка зрения на проблему: три человека встречаются в ГУЛАГе. Один спрашивает другого: «Ты за что здесь?» — «Я был против Радека, — отвечает тот. — А ты?» — «А я за него». Они поворачиваются к третьему, который до сих пор молчал. «А я Радек», — говорит он.

⁶⁸ Допустив, конечно, что природа не полагается на волю слуха.

⁶⁹ Это не ссылка на Маркса, который доказывал в своих произведениях периода 1848—1851 годов, что всеобщее избирательное право представляет постоянную угрозу капиталу. Это скорее ссылка на Ленина, чьи взгляды были кратко изложены выше.

⁷⁰ Однако заметьте, что авторитарные режимы систематически прячут информацию об их настоящих предпочтениях. Их больше беспокоит, чтобы общественность не узнала, что внутри аппарата власти существует разделение или даже что любые контраргументы считаются законными при обсуждении внутри аппарата, которые привели к данному решению. То, что представляется на суд обществу, является лишь «линией»: решение, представленное как всеобщее и не подлежащее обсуждению. Однако для образованного наблюдателя линия не является достоверной информацией о предпочтениях правителей. Это наблюдение предоставлено мне Танг Цоу. Секретность аппарата власти иногда достигает гротескных вершин. Когда умер Черненко, советское радио не сообщало об этом факте полтора суток; они предоставили догадываться об этом по траурной музыке по радио. В то же время «Ле Монд» объявила о смерти другого члена политбюро и распространила слух, что еще один занял его место. Совет-

ские люди не знали, жив ли диктатор: «Осень патриарха» Габриеля Маркеса была воплощена в жизнь в другом полушарии.

⁷¹ В конце концов крестьяне научились не вкладывать деньги в производство; рабочие голодали и выгнали бюрократов вон. Но на это ушло сорок лет.

⁷² Нэп был очевидным примером. Советские кулаки, которым Ленин посоветовал обогащаться, стали свидетелями его смерти, поражения Бухарина и были уничтожены Сталиным.

Г л а в а 2

ПЕРЕХОДЫ К ДЕМОКРАТИИ

ВВЕДЕНИЕ

Стратегическая проблема переходного периода — прийти к демократии, не допустив, чтобы тебя убили те, у кого в руках оружие, или уморили голодом те, кто контролирует производственные ресурсы. Уже из самой этой формулировки следует, что путь, ведущий к демократии, тернист. А конечный результат зависит от пути. В большинстве стран, где была установлена демократия, она оказалась непрочной. В некоторых из них переход вообще заклинило.

Для всякого перехода центральным является вопрос о прочной демократии, то есть о создании такой системы правления, при которой политические силы ставят свои ценности и интересы в зависимость от не определенного заранее взаимодействия демократических институтов и подчиняются результатам демократического процесса. Демократия прочна, когда большинство конфликтов разрешается посредством демократических институтов, когда никому не позволено контролировать результаты *ex post* и они не предрешены *ex ante*; результаты значимы в известных пределах и вынуждают политические силы им подчиняться.

Заметим, что процесс распада авторитарного режима можно повернуть вспять, как это случилось в 1968 году в Чехословакии, в 1974-м — в Бразилии и в 1981-м — в Польше. Он может привести и к новой диктатуре, как это произошло в Иране и Румынии. И даже если не будет установлена старая или какая-нибудь новая диктатура, переход может остановиться на полдороге и вылиться в такую форму правления, которая ограничивает конкуренцию или оказывается под угрозой военного вмешательства. Но и в том случае, когда все же удастся прийти к демократии, она не обязательно оказывается прочной. При

определенных условиях деятельность демократических институтов может привести к тому, что в конце концов отдельные влиятельные политические силы сделают выбор в пользу авторитаризма. Следовательно, прочная демократия — это всего лишь один из возможных исходов процесса распада авторитарных режимов.

Рассмотрим весь спектр возможностей, связанных с различными ситуациями переходного периода, с теми моментами, когда авторитарный режим распадается и на повестку дня встает вопрос о демократии. В зависимости от целей и ресурсов конкретных политических сил и структуры возникающих конфликтов вырисовываются пять возможных исходов этого процесса.

1. *Структура конфликтов такова, что ни один демократический институт не может утвердиться и политические силы начинают бороться за новую диктатуру.* Конфликты, касающиеся политической роли религии, расы или языка, меньше всего поддаются разрешению с помощью институтов. Наиболее характерным примером в этом отношении является, пожалуй, Иран.

2. *Структура конфликтов такова, что ни один демократический институт не может утвердиться и все же политические силы соглашаются на демократию как на временное решение.*

Классический пример подобной ситуации предложил О'Доннелл (O'Donnell, 1978b) в своем исследовании Аргентины 1953—1976 годов. Основными предметами экспорта в аргентинской экономике были дешевые товары, и демократия там появляется как результат коалиции городской буржуазии и городских масс (альянс «город — город»). Создаваемые на основе данного альянса правительства стремятся наладить потребление на внутреннем рынке. Через некоторое время эта политика приводит к кризису платежного баланса и побуждает городскую буржуазию вступить в союз с земельной буржуазией, в результате чего образуется коалиция «буржуазия — буржуазия». Эта коалиция стремится снизить уровень массового потребления и нуждается для этого в

авторитаризме. Но по прошествии времени городская буржуазия обнаруживает, что осталась без рынка, и вновь меняет союзников, на этот раз возвращаясь к демократии. Исследуем этот цикл на этапе, когда диктатура только что распалась. Главная действующая сила — городская буржуазия — может выбрать одно из трех: а) сразу установить новую диктатуру; б) согласиться на демократию, а затем, когда наступит кризис платежного баланса, сменить союзников; в) сделать выбор в пользу демократии и поддерживать ее в дальнейшем. Имея в виду экономические интересы городской буржуазии, а также структуру конфликтов, оптимальной следует считать вторую стратегическую линию. Отметим, что дело здесь не в какой-то близорукости: городская буржуазия сознает, что в будущем ей придется изменить свой выбор. Демократия служит оптимальным переходным решением.

3. Структура конфликтов такова, что, если ввести отдельные демократические институты, они могли бы сохраниться, однако соперничающие политические силы борются за установление диктатуры.

Подобная ситуация может возникнуть, когда предпочтения политических сил различны в отношении конкретных институциональных структур; например, в отношении унитарной или же федеративной системы. Одна часть населения какой-либо страны выступает за унитарную систему, другая — за федеративную. Что произойдет при таких обстоятельствах, неясно. Возможно, что, если какая-то институциональная структура будет временно принята, это обретет силу договора (Hardin, 1987) и утвердится. Однако весьма вероятным является и открытый конфликт, дегенерирующий до состояния гражданской войны и диктатуры.

4. Структура конфликтов такова, что в случае введения некоторых демократических институтов они могли бы выжить, однако соперничающие политические силы соглашаются на нежизнеспособную институциональную структуру.

Но разве это не какое-то извращение? Тем не менее существуют ситуации, при которых следует

ожидать именно этого исхода. Что же дальше? Предположим, что некий военный режим ведет переговоры о передаче власти. Силы, представляемые этим режимом, предпочитают демократию с гарантиями их диктаторских интересов, но боятся демократии без гарантий больше, чем статус-кво. И они в состоянии поддерживать диктаторский режим, если демократическая оппозиция не соглашается на институты, которые бы обеспечивали им такую гарантию. Оппозиция, со своей стороны, понимает, что, если она не согласится на эти институты, военные вновь закрутят гайки. В результате на свет появляется демократия «с гарантиями». Если же вновь созданные демократические институты начинают подрывать власть военных, долго им не продержаться. В подобных ситуациях проявляются и политическая близорукость, и отсутствие знаний. Классический пример — события в Польше.

5. Наконец структура конфликтов (дай-то бог) такова, что некоторые демократические институты могли бы сохраниться, и когда их вводят, они действительно оказываются прочными.

Условия, при которых появляются эти результаты, и пути, ведущие к ним, и составляют тему настоящей работы. Прологом к ней являются выборы институтов. Это происходит в двух различных контекстах: когда старый режим передает власть в результате переговоров и когда он распадается и проблема создания новых демократических институтов полностью переходит в руки *протодемократических* сил. Последний раздел посвящен взаимодействию институтов и идеологий. Гипотезы, выдвигаемые при таком подходе, указывают на последствия конфликтов между сторонами, которые имеют свои особые интересы и ценности и действуют в не зависящих от их воли условиях. Эти гипотезы должны быть проверены с помощью фактов, наблюдаемых в различных странах. Таким образом, гипотезы и факты носят сравнительный характер. И по мере развития событий в Восточной Европе в нашем распоряжении впервые оказывается достаточное количество конкретных свидетельств, позволяющих проверить ги-

потезы систематически и даже статистически. В настоящей работе я только выдвигаю такие гипотезы и не занимаюсь их проверкой.

ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ

Всем диктатурам, какими бы ни были в них порции «кнута и пряника», свойственна одна общая черта: они терпеть не могут и не терпят независимых организаций¹. Дело в том, что когда нет «коллективных» альтернатив, отношение отдельных лиц к существующему режиму мало сказывается на его стабильности². Уже Вебер (Weber, 1968: 1) отмечал, что «люди смиряются при отсутствии приемлемой альтернативы, в этом случае отдельная личность чувствует себя слабой и беспомощной»³. Авторитарным режимам угрожает не подрыв их легитимности, а организация контрреволюции: коллективные проекты альтернативного будущего. Только наличие коллективных альтернатив дает отдельной личности возможность политического выбора⁴. Поэтому авторитарные режимы испытывают ненависть к независимым организациям и стараются или подчинить их контролю, или же подавить с помощью силы⁵.

Вот почему они так боятся слов, даже если слова передают то, что всем известно; не содержание, а сам факт произнесения может нести в себе мобилизующий потенциал. В какой-то момент группа, принадлежащая к авторитарному истеблишменту, вдруг начинает проявлять терпимость к какой-нибудь независимой организации гражданского общества. Испанский режим на определенном этапе прекратил преследования «рабочих комиссий» («*comisiones obreras*»); генерал Пиночет допустил возрождение политических партий; в июле 1986 года генерал Ярузельский издал указ об амнистии всех лиц, осужденных за политическую деятельность, не содержащий пункта о рецидивах, и это послужило сигналом к легализации оппозиции; Эгон Кренц не препятствовал появлению первых ростков «Нового форума». Все это — свидетельства образования трещин в монолитном блоке авторитарной власти, они показывают

обществу, что по крайней мере какие-то формы независимых организаций не будут подавляться. Это признаки начала либерализации⁶.

Объяснять такие решения можно двояким образом: «сверху» или «снизу». В какой-то степени эти типы объяснения соответствуют реальности. Венгрия, например, обычно рассматривается как почти чистый случай раскола в авторитарной власти. По словам Кароя Гросса, «не оппоненты разрушили партию, а — как это ни парадоксально — само руководство»⁷. В Восточной Германии мы наблюдали другую крайность: во властных структурах не было и намека на раскол до тех пор, пока сотни тысяч людей не заполнили улицы Лейпцига. И все же в литературе, посвященной исследованию конкретных событий, для объяснения одного и того же события зачастую приводятся совершенно различные причины. Кардозо (Cardoso, 1979) усматривал причины бразильского *distensao*, смягчения напряженности, в давних разногласиях среди военных, а Ламонье (Lamounier, 1979) считал это результатом массового движения. Так что модели этих двух типов, «сверху — вниз» и «снизу — вверх», часто соперничают при объяснении процесса либерализации⁸.

Аналитические трудности возникают потому, что модель, в которой различаются только два направления, слишком груба. Не являясь подлинной революцией, массовым восстанием, ведущим к полному уничтожению репрессивного аппарата⁹, решения о либерализации принимаются и сверху, и снизу. Ибо даже в тех случаях, когда раскол авторитарного режима становился очевидным еще до всякого массового движения, остается неясным, почему режим дал трещину именно в данный момент. Отчасти ответ всегда состоит в том, что либерализаторы увидели возможность альянса с теми силами, которые до этого времени оставались неорганизованными. Таким образом, в гражданском обществе уже есть сила, с которой можно объединиться. И наоборот, в тех случаях, когда массовое движение предшествовало расколу режима, остается неясным, почему режим решил не подавлять его силовыми методами.

Отчасти ответ состоит в том, что режим являлся результатом равновесия между либерализаторами и сторонниками твердой линии. Либерализация — результат взаимодействия возникающих разногласий внутри авторитарного режима и независимой организации гражданского общества. Массовое движение показывает потенциальным либерализаторам, что возможен альянс, который мог бы изменить соотношение сил в руководстве; и наоборот, разногласия в руководстве указывают гражданскому обществу, что политическое пространство открыто для вхождения в него независимых организаций. Поэтому массовое движение и разногласия внутри руководства взаимно подпитывают друг друга.

Независимо от того, что проявит себя первым — раскол в руководстве или массовое движение, — либерализация следует одной и той же логике. Различны лишь темпы. Массовое движение диктует ритм преобразований, вынуждая режим решать: применить ли репрессии или кооптацию, или передать власть. И сколько бы ни продолжалась либерализация — годы, месяцы или дни, — режим и оппозиция всегда имеют дело с одним и тем же набором возможностей.

Проекты либерализации, выдвигаемые силами, принадлежащими к авторитарному истеблишменту, неизменно предполагают контролируемую «открытость» политического пространства. Обычно они возникают в результате разногласий в авторитарном блоке, порождаемых разного рода сигналами, которые возвещают о назревающем кризисе, скажем, о массовых волнениях. Проект либерализаторов обычно нацелен на снижение социальной напряженности и укрепленной базы режима. Он состоит в том, чтобы разрешить самостоятельную организацию гражданского общества и инкорпорировать новые группы в существующие авторитарные институты¹⁰. Таким образом, либерализация оказывается зависимой от того, насколько ее результаты совместимы с интересами или ценностями авторитарного блока. Так, либерализацию называют открытостью (*apertura*), смягчением напряженности (*distensao*), обнов-

лением (*obnowa*) или перестройкой (*perestroika* — то есть реконструкция дома). Эти термины недвусмысленно указывают на границы реформ.

Либерализации присуща нестабильность. Обычно происходит то, что Илья Эренбург в 1954 году называл оттепелью: таяние айсберга гражданского общества, приводящее к затоплению дамб авторитарного режима. Как только репрессии ослабевают, первая реакция — бурный рост независимых организаций в гражданском обществе. За короткое время возникают студенческие ассоциации, профессиональные союзы, *протопартии*. В Бразилии первыми организовались юристы, журналисты и студенты; за ними последовали *comunidades de base*, местные ячейки самоуправления. В Польше за несколько недель сентября 1980 года к «Солидарности» присоединились 10 млн. человек. О своей независимости заявили даже организации, созданные режимом и находившиеся под его контролем, и не только из числа профессиональных ассоциаций, но и такие, например, как Общество туристов и путешественников и Ассоциация филателистов. В статье, опубликованной 6 ноября 1987 года в парижском еженедельнике «*Le Nouvel Observateur*» (№ 1200), К.С.Кароль писал, что первой независимой группой, возникшей при Горбачеве, были «спартаковцы», то есть болельщики московского футбольного клуба «Спартак». К 1987 году таких групп насчитывалось уже около 30 тысяч, и они даже провели общенациональный съезд. К концу 1989 г. 60 тыс. различных независимых групп, клубов, ассоциаций, кружков и федераций испытывали на прочность границы политического пространства («Правда», 10 декабря 1989 года)¹¹.

Темпы мобилизации гражданского общества в разных режимах различны и зависят от того, что служит основой авторитарного равновесия — ложь, страх или экономическое процветание. Равновесие, в основе которого ложь, — самое неустойчивое. В режимах ритуализированной речи, где все произносятся слова, в которые сами не верят и в которые верить не предполагается, новое слово считается подрывом основ. И когда объявляют, что король голый,

равновесие моментально рушится. В Румынии несколько человек стали выкрикивать лозунги против Чаушеску во время демонстрации в честь его возвращения из Ирана, и через несколько дней режим пал. В режимах, базирующихся на страхе, где слова допускаются при условии, что они не произносятся публично, например в постсталинистской Польше и Мексике после 1982 года, инакомыслие может тлеть долгое время, пока не вспыхнет ярким пламенем. Решающим фактором в разрушении индивидуальной изоляции является чувство безопасности, возникающее при скоплении массы людей. Поляки поняли силу оппозиции во время визита в Польшу в июне 1979 года папы Иоанна Павла II, когда на улицы вышли 2 млн. человек. В Болгарии первая независимая демонстрация, прошедшая 17 ноября 1989 года, выросла из демонстрации, организованной в поддержку самого себя новым правительством Младенова. В Восточной Германии массовое движение началось, когда поезда с беженцами стали пересекать Чехословакию, направляясь в Западную Германию. Наконец режимы, основанные на молчаливом договоре о непротивлении в обмен на материальное процветание, — «коммунизм гуляша» Кадара в Венгрии, Польша времен Герека и Мексика до 1982 года, — уязвимы прежде всего из-за экономических кризисов. Поэтому лаг времени между началом либерализации и массовым движением не является постоянной величиной и варьируется от одного режима к другому.

В какой-то момент гражданское общество «мобилизуется», начинают формироваться организации, которые заявляют о своей независимости от режима, провозглашают собственные цели, интересы и проекты. Однако централизованные, находящиеся вне конкуренции институты режима инкорпорируют только те группы, которые его признают, и контролируют результаты любых политических процессов *ex post*. Таким образом, с одной стороны, в гражданском обществе возникают независимые организации; с другой же — не существует институтов, где эти организации могут отстаивать свои взгляды и интересы. По причине этого *decalage* — несовпаде-

ния независимой организации гражданского общества и закрытых государственных институтов — единственным местом, где вновь организованные группы могут бороться за свои ценности и интересы, оказывается улица. Борьба неизбежно приобретает массовый характер¹² АК. В этом случае либерализация более не может продолжаться. Слезоточивый газ, струящийся по улицам, ест либерализаторам глаза; взрыв массовых движений, смятение и беспорядок — все это свидетельства провала политики либерализации. Поскольку либерализация всегда предполагает контроль сверху, возникновение независимых движений доказывает, что либерализация более не является жизнеспособным проектом. Уличная демонстрация — демонстрация того, что нарушена самая священная из авторитарных ценностей, порядок как таковой. Массовые выступления расшатывают позицию либерализаторов в авторитарном блоке.

В Китае студенческие демонстрации вынудили либерализаторов отступить и стоили им ведущей роли в партии. Репрессии вновь усилились. В Южной Корее, однако, подобные демонстрации привели к расколу режима и преобразовали либерализаторов в демократизаторов. Такова альтернатива: или, инкорпорировав несколько групп и подавив все остальные, возвратиться к авторитаризму, или поставить на политическую повестку дня проблему институтов демократии¹³. Либерализация или заканчивается, приводя к мрачным периодам, которые лицемерно называют нормализацией¹⁴, или продолжается и переходит в демократизацию.

Поразительно, но многие авторитарные политики убеждены, что их ожидает успех там, где другие потерпели неудачу. Пример Бразилии является классическим. Как заметил Смит (Smith, 1987: 207), «Голбери ясно представлял себе различие либерализации и демократии: малые дозы либерализации, при правильном их приеме, могли бы заменить подлинную демократизацию, тем самым поддерживая исключение второстепенных групп и предвосхищая реформу экономической модели»¹⁵. Режим Ярузельского, пожалуй, был ближе всех к тому, чтобы сде-

лать невозможное возможным. Стратегический замысел заключался в том, чтобы создать демократические институты, такие, как административный суд, Верховный трибунал, советы самоуправления и независимые профсоюзы, Консультативный совет при правительстве и Канцелярию уполномоченных по правам человека, — и все же сохранить власть¹⁶. Даже в тех случаях, когда либерализация начиналась под давлением массовых демонстраций (Восточная Германия и Чехословакия), первые проекты руководства состояли во втягивании недовольных в авторитарную систему. Кренц призывал «народ» делиться своими горестями с партией и обещал, что «власти» их выслушают; Владислав Адамец включил в свой первый кабинет несколько беспартийных. Оба надеялись, что эти меры рассеют массовое движение. Однако они ошиблись в своих ожиданиях и в конце концов были вынуждены согласиться на демократизацию. Почему?

Рассмотрим ситуацию с точки зрения протолиберализаторов в тот момент, когда на горизонте возникает возможность сделать режим более открытым. Протолиберализаторы могут сохранить свою позицию в руководстве, и тогда результатом будет статус-кво. Это обозначается на рисунке 2.1 как СКДИК (статус-кво диктатура). Или же — они могут дать понять, что готовы терпеть некоторые независимые организации, не входящие во властные структуры: то есть «открыться». Если организованные силы в гражданском обществе решают вступить в новые организационные формы, созданные режимом, обычно в какой-нибудь Фронт национального согласия, и в дальнейшем никаких независимых движений больше не возникает, результатом является СМДИК (смягченная диктатура), и стратегия либерализации достигает успеха. Если гражданское общество продолжает организовываться независимым образом, либерализаторы оказываются перед выбором: или вернуться в дом отчий и согласиться на репрессии, или начать переход к демократии. Репрессии, однако, могут оказаться неэффективными. Если же они увенчаются успехом, то в результате складывается

ТДИК (твердая диктатура) (narrower dictatoship), при которой судьба либерализаторов будет зависеть от милости исполнителей приказов. Если репрессии оказываются безрезультатными, в стране вспыхивает восстание.

Заметим, что процесс либерализации может начаться только в том случае, если некоторые группы в авторитарном режиме предпочитают не статус-кво, а смягченную диктатуру. Либерализаторы предпочитают СМДИК, а не СКДИК потому, что расширение социальной базы укрепляет режим в целом, а также потому, что группы, входящие в режим, становятся естественными союзниками либерализаторов в их борьбе со сторонниками твердой линии. Восстание — наихудший исход для всех.

Рис. 2.1

Итак, если все знают обо всем и все знают одно и то же, то единственными исходами могут быть или статус-кво диктатура, или смягченная диктатура. Либерализация начинается тогда, когда либерализаторы уверены в успехе. Предположим, что предпочтения либерализаторов выстраиваются следующим образом: СМДИК>СКДИК>ПЕРЕХОД>ТДИК>ВОССТАНИЕ. Либерализаторы знают, что если общество организуется, то им придется превратиться в реформаторов. Таким же знанием обладает и гражданское общество. Поэтому, если либерализаторы открываются, общество организуется. Но для либерализаторов более предпочтительна СКДИК, а не переход к демократии. Поэтому они никогда не открываются. В свою очередь, предположим, что предпочтения либерализаторов таковы: СМДИК>СКДИК>ТДИК>ПЕРЕХОД>ВОССТАНИЕ, — и что либерализаторы считают в высшей степени вероятным успех репрессий. Тогда либерализаторы знают, что они выберут репрессии, если общество начнет организовываться. Но об этом знает и гражданское общество. Поскольку для общества СМДИК>ТДИК, общество соглашается на инкорпорацию, зная, что либерализаторы выберут репрессии, если общество организуется. И поскольку для либерализаторов СМДИК>СКДИК, они открываются. Результатом является СМДИК.

Каким же образом процесс приводит к *переходу*? Я вижу два возможных пути.

1) Предположим, что либерализаторы на самом деле являются *протодемократизаторами*. Их предпочтения выстраиваются следующим образом: СМДИК>ПЕРЕХОД>СКДИК>ТДИК>ВОССТАНИЕ¹⁷. Однако либерализаторы должны иметь в виду, что сторонники твердой линии никогда бы не согласились на либерализацию, если бы знали, что либерализаторы намереваются пройти весь путь до конца. Поэтому либерализаторы заявляют, что они предпочитают СМДИК>СКДИК>ТДИК>ПЕРЕХОД, и сторонники твердой линии им верят.

Теперь предположим, что решение об «открытии» зависит от согласия сторонников твердой

линии. Если либерализаторы предлагают открыться и сторонники твердой линии решают согласиться, игра продолжается; если же они не разрешают открыться, то результатом является статус-кво. Предположим далее, что а) сторонники твердой линии предпочитают ТДИК, а не СКДИК, и что б) сторонники твердой линии убеждены, что общество ошибается, принимая либерализаторов за фактических протодемократизаторов. Тогда сторонники твердой линии представляют себе ситуацию следующим образом. Если они соглашаются на «открытие», общество, надеясь, что либерализаторы не выберут репрессии, начинает организовываться. Между тем с точки зрения сторонников твердой линии либерализаторы предпочитают репрессии. Поэтому сторонники твердой линии думают, что результатом «открытия» будет ТДИК. И они соглашаются на «открытие». Однако, в силу истинных предпочтений либерализаторов, действительным итогом оказывается *переход*.

Это объяснение предполагает, что либерализаторы с самого начала знают, что и почему они делают, и преднамеренно вводят в заблуждение сторонников твердой линии, одновременно посылая правильные сигналы обществу. Трудно оценить правдоподобие этого сценария, и именно по той причине, что в таком случае либерализаторы должны стратегически раскрывать свои предпочтения. Мы должны решить искренни ли либерализаторы, когда утверждают, что хотят только оживить режим, расширяя его базу¹⁸. Если судить по их публичным заявлениям, то они отменные лжецы, или же все значительно сложнее.

2) Допустим, что предпочтения либерализаторов таковы: СМДИК > СКДИК > ТДИК > ПЕРЕХОД > ВОССТАНИЕ, а оценка ими успешности репрессий высока. Результатом будет СМДИК. Сторонники твердой линии в данном случае не играют никакой роли, возможно, что режим не расколот или что либерализаторы обладают контролем над оружием. Либерализаторы открываются, ожидая, что общество к ним присоединится. Но у общества оценка успешности репрессий ниже, и оно думает, что таково же

и мнение либерализаторов. Поэтому общество организуется. Как только либерализаторы замечают, что общество продолжает организовываться, они снижают свою оценку успешности репрессий и теперь предпочитают *переход*, а не то, что можно было ожидать в результате репрессий. Итак, гражданское общество организуется, и либерализаторы наблюдают за улицей и по ходу дела корректируют свои взгляды на эффективность репрессий.

Эти допущения выглядят правдоподобными. Глава службы безопасности Восточной Германии 82-летний Эрих Мильке будто бы сказал Эриху Хонеккеру: «Эрих, мы же не можем расправиться с сотнями тысяч людей». Это утверждение я понимаю как чисто техническое, а не нравственное («New York Times», 19 November, 1989, p. 15). Когда, несмотря на избиения и аресты, массовое движение продолжает расти, мнение режима об эффективности пальбы меняется. Более того, в какой-то момент ставки просто взлетают. Неучастие в репрессиях может быть квалифицировано как государственная измена. Так случилось с одним румынским генералом, которого вынудили покончить с собой, — и это было последнее деяние Чаушеску¹⁹. Однако участие в репрессиях, которые не удались, всего несколько недель спустя закончилось для партийного секретаря в Праге тюрьмой. В этих условиях бегство с тонущего корабля кажется столь же подходящим средством спасения²⁰.

Эти два объяснения предполагают, что предпочтения четко определены и что действующие стороны рациональны, хотя и плохо информированы. Но правдоподобно выглядят и два других объяснения.

Первое — социологическое. По ходу организации гражданского общества становятся известны его руководители, на различных уровнях налаживаются личные контакты, и либерализаторы узнают, что оппозиция не так уж и страшна. Вот что сказал генерал Ярузельский, — уже избранный на пост президента, — будущему главному редактору ежедневной газеты «Солидарность» Адаму Михнику в интервью по случаю восьмой годовщины репрессий 1981 года:

«Постепенно наше мировоззрение менялось. Сегодня все видится иначе. Но прежде чем мы к этому пришли, мы набили себе шишек. Все мы. И не надо далеко ходить за примерами. В течение нескольких лет Вы были в моих и не только в моих глазах чрезвычайно демоническим персонажем»²¹. Опыт переговоров показывает, что оппозиция готова слушать и идти на уступки, а личные контакты сближают людей. Постепенно переход перестает казаться бездонной пропастью, а репрессии начинают выглядеть варварством. Либерализаторы изменяют свои предпочтения, заключая сделки с оппозицией.

Второе объяснение — психологическое. Либерализаторы могут и не быть рациональными. Рациональные акторы формируют свои убеждения на основании поступающей информации и действуют в соответствии со своими желаниями и исходя из этих убеждений. Если они по-настоящему рациональны, то используют убеждения, чтобы умерять свои желания. Что касается иррациональных акторов, то они позволяют своим желаниям влиять на убеждения и блокировать нежелательную информацию. Допустим, что у режима нет другого выбора и он должен стать открытым. Давление из-за рубежа, экономическое и политическое удушение могут не оставить другого выхода, кроме либерализации (как произошло в Никарагуа). Массовое движение может стать неудержимым, как это случилось в Польше. В таких обстоятельствах либерализаторы будут убеждать себя, что открытость увенчается успехом и они одержат победу на выборах, если пойдут по пути демократии.

Если любая из этих гипотез истинна, то поведение либерализаторов, отваживающихся на неосуществимый проект и меняющих курс на полпути, становится понятным. Либо либерализаторы с самого начала были готовы продвигаться к демократии, но должны были скрывать свои истинные намерения, либо они обнаружили на полдороге, что репрессии не приведут к успеху, либо поняли, что их потери будут не так велики, как казалось, либо у них не было другого выбора и пришлось делать вид, что

они что-то «решают». Но, как показали трагические события на площади Тяньаньмынь, либерализация не всегда приводит к переходу. При каких обстоятельствах результатом либерализации оказываются репрессии и твердая диктатура? Мы уже знаем, что этот исход невозможен, если все знают обо всем и все знают одно и то же. Предположим, что 1) либерализаторы хотят только смягчить режим, 2) по мнению либерализаторов, обществу известно, что они предпочитают не переход, и 3) общество ошибочно полагает, что либерализаторы на самом деле являются демократизаторами или не изберут карательные меры, поскольку считают их неэффективными. Далее, либерализаторы «открываются», надеясь, что общество «присоединится»; общество полагает, что если оно будет продолжать организацию, то либерализаторы выберут переход, но те выбирают репрессии.

Поэтому либерализация — открытость, имеющая результатом расширение социальной базы режима без изменения его структуры, — может быть осуществлена только в том случае, если все располагают полной и точной информацией о предпочтениях всех остальных и о вероятности успешных репрессий. Одни ошибки в оценках приводят либерализацию к переходу, другие — к репрессиям. Вечную трагедию либерализаторов Маркс обрисовал еще в 1851 году: они хотят демократии, писал он, которая удержала бы их у власти, и чувствуют себя уязвленными, когда эта демократия оборачивается против них. Они пытаются удержаться как можно дольше, но в какой-то момент им приходится решать, следует ли идти назад к авторитарной реставрации или вперед к демократической эмансипации.

ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ

Введение

После краха диктатуры центральной оказывается следующая проблема: согласятся ли политические силы на существование институтов, допускающих

открытую, пусть даже ограниченную, конкуренцию? И способны ли такие институты обеспечить спонтанное подчинение; то есть подчиняя свои интересы не predetermined заранее исходу соперничества и готовые согласиться с его результатами, способны ли они привлечь политические силы в качестве участников демократического процесса?

Заметим, что конфликты, имеющие место в периоды переходов к демократии, часто происходят на двух фронтах: 1) между противниками и сторонниками авторитарного режима и 2) между самими продемократическими деятелями за лучшие шансы в условиях будущей демократии. Образ демократии как борьбы общества против государства — полезный вымысел, лозунг, объединяющий противостоящие авторитарному режиму силы. Но общество разделено по многим основаниям, и самая суть демократии заключается в конкуренции политических сил, имеющих противоположные интересы. Эта ситуация создает дилемму: чтобы прийти к демократии, антиавторитарные силы должны объединиться в борьбе против авторитаризма, но чтобы победить в условиях демократии, они должны соперничать друг с другом. Поэтому борьба за демократию всегда ведется на два фронта: против авторитарного режима за демократию и против союзников за лучшее положение при будущей демократии.

И хотя эти два разных аспекта демократизации — высвобождение из-под авторитарного режима и конституирование демократического правления — иногда сливаются воедино, для целей нашего исследования полезно рассмотреть их по отдельности. Относительная значимость высвобождения и конституирования определяется тем местом, которое занимают в рамках авторитарного режима политические силы, контролируемые репрессивный аппарат и прежде всего вооруженные силы ²². Там, где армия остается верной режиму, элементы высвобождения доминируют над процессом перехода. Классическими примерами служат Чили и Польша, однако высвобождение доминировало над переходом также в Испании, Бразилии, Уругвае, Южной Корее и Болгарии. С

другой стороны, если среди военных нет единства, например из-за каких-то военных поражений, как это было в Греции, Португалии и Аргентине, и если военные находятся под действенным гражданским контролем, как обстояло дело во всех остальных восточноевропейских странах, элементы высвобождения влияли на конституирование нового режима в меньшей степени.

Высвобождение

Поскольку проблема высвобождения была подробно исследована, ограничусь схематическим изложением результатов. Следуя О'Доннеллу (O'Donnell, 1979), а также О'Доннеллу и Шмиттеру (O'Donnell, Schmitter, 1986), различим четыре политические силы: *сторонников твердой линии* и *реформаторов* (которые могут быть, а могут и не быть либерализаторами) внутри авторитарного блока, *умеренных* и *радикалов*, находящихся в оппозиции. Сторонников твердой линии обычно можно найти в репрессивных структурах авторитарного правления: в полиции, среди юридической бюрократии, цензоров, журналистов и т.д. Реформаторы рекрутируются из политиков, функционирующих в рамках режима, и из некоторых групп, не входящих в государственный аппарат: из представителей буржуазии при капитализме и хозяйственных руководителей при социализме²³. Умеренные и радикалы могут представлять (хотя и не обязательно) различные интересы. Они отличаются только по своему отношению к рискованным предприятиям. Умеренными могут быть те, кто опасается сторонников твердой линии, но это не обязательно те, кто ставит менее радикальные цели²⁴.

Высвобождение из-под авторитаризма может произойти только в результате взаимопонимания между реформаторами и умеренными. Оно возможно, если 1) реформаторы и умеренные достигают соглашения об институтах, при которых представляемые ими социальные силы имели бы заметное поли-

тическое влияние в демократической системе; 2) реформаторы в состоянии добиться согласия сторонников твердой линии или нейтрализовать их; 3) умеренные способны контролировать радикалов. Два последних условия логически предшествуют первому, поскольку определяют возможные действия реформаторов и умеренных. Какой бы договоренности они ни достигли, она должна побудить сторонников твердой линии действовать заодно с реформаторами и — сдерживать радикалов. Когда эти условия выполнимы?

Если процесс высвобождения контролируют военные, они либо должны выступать за реформы, либо их должны склонить к сотрудничеству или по крайней мере к пассивности реформаторов. Умеренные платят свою цену. Но если реформаторы являются жизнеспособным собеседником для умеренных только в том случае, когда они контролируют или имеют на своей стороне вооруженные силы, то умеренные политически незначимы, если не в состоянии сдерживать радикалов. Умеренные джентльмены в галстуках годны для цивилизованных переговоров в правительственных дворцах, но когда улицы заполняют толпы народа, а предприятия захватываются рабочими, умеренность оказывается неуместной. Поэтому умеренные должны или обеспечить терпимые условия для радикалов, или же, если они не способны добиться этого от реформаторов, оставить в руках репрессивного аппарата достаточно власти, чтобы радикалов можно было запугать. С одной стороны, умеренные нуждаются в радикалах, чтобы с их помощью оказывать давление на реформаторов; с другой же, — умеренные боятся, что радикалы не согласятся на сделку, которую они (умеренные) заключат с реформаторами. Неудивительно, что достижение часто оказывается нереализованным.

Когда может быть достигнуто соглашение, снижающее все эти напряжения? Реформаторы стоят перед стратегическим выбором. Им нужно решить: либо сохранить авторитарный альянс со сторонниками твердой линии, либо стремиться к демократическому союзу с умеренными. Умеренные, в свою оче-

редь, могут или вступить в союз с радикалами и стремиться к полному разрушению политических сил, организованных при авторитарном режиме, или начать переговоры с реформаторами и стремиться к примирению. Предположим, что структура ситуации такова, как это отображено в таблице 2.1²⁵.

Таблица 2.1

		Умеренные объединяются с	
		радикалами	реформато- рами
Реформаторы объединяются	со сторон- никами твердой линии	Авторитар- ный режим сохраняется в прежней форме 2.1	Авторитар- ный режим сохраняется с уступка- ми 4.2
	с умерен- ными	Демократия без гарантий 1.4	Демократия с гарантиями 3.3

Если реформаторы объединяются со сторонниками твердой линии, а умеренные — с радикалами, то образуются две оппозиционные коалиции, которые вступают в схватку друг с другом. Если реформаторы заключают союз с умеренными, а умеренные с реформаторами, то в результате получается демократия с гарантиями. Если умеренные вступают в альянс с радикалами, а реформаторы — с умеренными, то реформаторы принимают демократию без гарантий, которая возникает из коалиции «радикалы — умеренные». Если реформаторы объединяются со сторонниками твердой линии, а умеренные — с реформаторами, умеренные принимают либерализацию. Они «присоединяются» в указанном выше смысле слова.

В таких условиях реформаторы держатся главного стратегического курса, а именно альянса со сторонниками твердой линии. Если умеренные объеди-

няются с радикалами, оппозиции наносится поражение и авторитарный блок сохраняется в неприкосновенности, что для реформаторов предпочтительнее, чем демократия без гарантий, результат коалиции умеренных и радикалов. Если умеренные стремятся к союзу с реформаторами, то делаются некоторые уступки — за счет сторонников твердой линии. Для реформаторов эти уступки ценнее, чем демократия — пусть даже с гарантиями. Поэтому потенциальные реформаторы всегда оказываются в лучшем положении, защищая авторитарный режим в союзе со сторонниками твердой линии.

Определяющей чертой ситуации является то, что реформаторы не обладают своей собственной политической силой и поэтому не могут рассчитывать на политический успех в условиях будущей демократии. Без гарантий им при демократии придется туго, и даже при наличии таковых им все же выгоднее находиться под протекцией своих авторитарных союзников. Так случилось в Польше в 1980—1981 годах²⁶. Любое решение должно было удовлетворять двум условиям: 1) оппозиция настаивала на принципе открытого соперничества на выборах и 2) партия хотела иметь гарантию, что одержит на выборах победу. Оппозиция не возражала против победы партии, она не требовала победы, ей нужна была возможность соперничества. Партия не возражала против выборов, но хотела сохранить хорошие шансы на победу²⁷. При закрытых опросах общественного мнения за партию высказывалось не более 3% потенциальных избирателей. Способы преодолеть это препятствие найти не удалось. Если бы партия могла рассчитывать хотя бы на 35%, то изобрести избирательную систему, которая допускала бы соперничество и в то же время обеспечивала победу, не составило бы никакого труда. Но при 3% не было институтов, которые снимали бы напряжения, порожденные интересами и внешними возможностями конфликтующих политических сил²⁸. В таких условиях реформаторы не решились на союз с умеренными.

Таблица 2.2

		Умеренные объединяются с	
		радикалами	реформато- рами
Реформаторы объединяются	со сторон- никами твердой линии	Авторитар- ный режим сохраняется в прежней форме 2.1	Авторитар- ный режим сохраняется с уступка- ми 3.2
	с умерен- ными	Демократия без гарантий 1.4	Демократия с гарантиями 4.3

Предположим, что у реформаторов, если им даны институциональные гарантии, хватает политической силы, чтобы конкурировать в условиях демократии. Достаточно ли этого, чтобы сделать выбор в пользу демократии? Посмотрим на таблицу 2.2. Здесь реформаторы имеют политический вес независимо от сторонников твердой линии. Они могут рассчитывать на определенную поддержку в условиях конкуренции и предпочитают демократию с гарантиями всем другим альтернативам. Однако результат зависит от действий умеренных. Если умеренные выбирают гарантии, то реформаторы оказываются в лучшем положении при демократии; но если умеренные объединяются с радикалами, реформаторы проигрывают²⁹. Умеренные предпочитают демократию без гарантий. Исследуем структуру этого конфликта более подробно. Допустим, что вначале реформаторы решают, что делать, предвидя реакцию умеренных (см. рис. 2.2).

Реформаторы анализируют ситуацию следующим образом. Если они объединятся со сторонниками твердой линии, то в результате сохранится статус-кво и это будет не лучшим итогом. В условиях демократии с гарантиями положение реформаторов было бы лучше. Но если они решат вести перегово-

ры с умеренными, последние выскажутся за союз с радикалами, и результат окажется наихудшим. Поэтому реформаторы остаются на стороне режима.

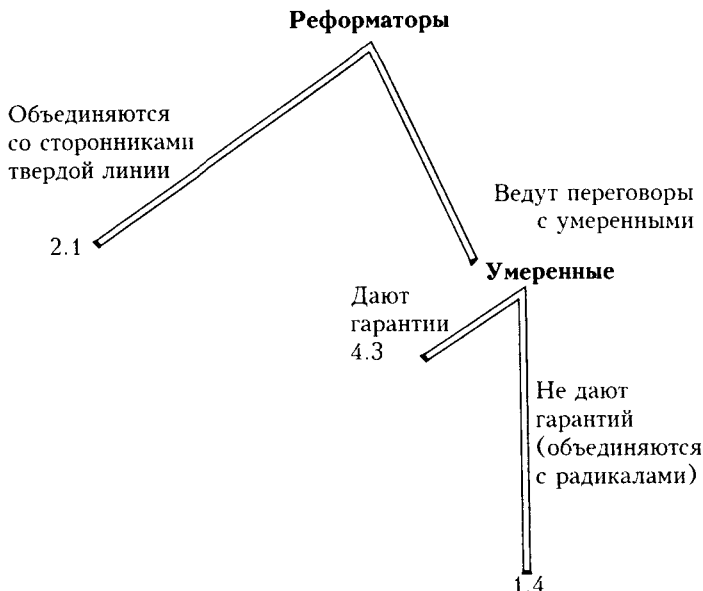

Рис. 2.2

Но не может ли наступить демократия в результате повторения этой ситуации?³⁰ Представим себе: все знают, что эта стратегическая ситуация наверняка должна будет повториться. Умеренные знают, что если они ответят на открытость, поддержав требования радикалов, то реформаторы объединятся со сторонниками твердой линии. Поэтому наградой умеренным за то, что они не дезертируют, в первом раунде будет (4, 1, 1, ...) или другое сочетание четверок и единиц, в зависимости от избранной реформаторами стратегии наказания³¹. Но если умеренные решат дать гарантии в первом раунде, то реформаторы пойдут навстречу, и награда умеренным будет

(3,3, 3, ...). Легко видеть, что у реформаторов имеется множество способов наказания, которые должны убедить умеренных в необходимости сотрудничества. Поэтому, если исходная ситуация повторится, возможно спонтанное развитие демократии.

Но я не думаю, что ситуации, в которых на кон поставлено изменение режима, воспроизводимы. Это уникальные ситуации: происходит сбой в аппарате авторитарной власти, какая-то группа людей начинает чувствовать, что, вероятно, она предпочла бы делить власть, а не насильно ее монополизировать; она решает сделать первый шаг и ищет заверений относительно своей роли в условиях будущей демократии. Как только реформаторы решают сделать первый шаг, *alea jacta est* — жребий брошен, — они уже не могут вернуться к статус-кво. Награда за будущее изменение появится в результате действий, совершенных сегодня. Повернуть вспять и познать всю силу гнева сторонников твердой линии. Реформаторы, решившие пойти назад, почти никогда не остаются на плаву³². Это ни в коей мере не означает, что «открытие» не может быть осуществлено еще раз, другими реформаторами; такое случалось уже в Южной Корее и Польше. Но то были уже иные силы, в иных обстоятельствах. И если стратегия реформаторов успешна и демократия становится реальностью, то меняются и награды. Передача власти демократическим институтам необратима, даже если демократия подвергается после этого разрушению³³.

Означает ли этот аргумент, что демократия никогда не устанавливается как равновесие, но может быть только результатом нормативных обязательств? Нет. Достаточно применить политику наград, чтобы увидеть, что могут существовать уникальные ситуации, когда итогом равновесия оказывается демократия. Существуют две возможности. Одна из них состоит в том, что радикалы согласятся на демократию с гарантиями; другая — что умеренные будут продолжать получать протекцию со стороны независимых вооруженных сил.

Первая возможность — что радикалы перестанут быть радикальными — вовсе не так уж притянута за уши, как может показаться. До тех пор, пока демократия не упрочилась, у сил, добивающихся глубоких политических и экономических преобразований, не существует выбора: они должны направить свои действия на улицы и предприятия; существующие политические институты отвечают на их требования жестокими репрессиями. Но как только в результате соглашения между умеренными и реформаторами устанавливается конкурентная демократическая структура, радикалы обнаруживают, что они также могут вступить в игру и участвовать в ней. Они, как правило, настороженно относятся к демократическим институтам, не верят в свои шансы и в то, что их победу кто-то потерпит. Однако привлекательность выборов с непредрежденным результатом слишком велика, и радикалы обнаруживают, что отказ от участия в них означает отказ от массовой поддержки. Как показывает история социалистических партий в Западной Европе, все политические силы стоят перед альтернативой: присоединиться либо исчезнуть, и за исключением анархистов, упорно отвергавших выборы как «пение сирен», все принимали в них участие (Przeworski 1985: ch.1).

Если радикалы отказываются участвовать в институтах, созданных реформаторами и умеренными, умеренные тем не менее могут предпочитать демократию, при которой значительно влияние сил, представляемых реформаторами, а не демократию, в которой доминируют радикалы. При подобных обстоятельствах награды в «игровом дереве» (см. рис. 2.2) взаимозаменяются: умеренные безусловно предпочтут демократию с гарантиями для реформаторов, а не альянс с радикалами³⁴. Зачастую это означает, что отдельные секторы (общества), связанные с авторитарным режимом, продолжают находиться под защитой вооруженных сил. Если реформаторы обладают собственной политической силой и если умеренные предпочитают институциональное устройство, в котором вооруженные силы остаются

независимыми и выполняют роль противовеса требованиям радикалов, тогда реформаторам нет оснований опасаться демократии. В этих условиях результатом равновесия будет демократия, — но демократия, при которой вооруженные силы свободны от гражданского контроля и опекают демократический процесс³⁵.

Но зачем умеренным терпеть независимость военных? Зачем им соглашаться на их опеку, которая ограничивает гражданских политиков и является источником нестабильности демократии?³⁶

За исключением Польши, коммунистические системы Восточной Европы породили гражданские режимы. Военные и большая часть сил поддержания порядка подлежали пристрастному политическому контролю, который распространялся даже на вопросы оперативного характера³⁷. Поэтому не удивительно, что в конфликтах по поводу руководящей роли коммунистических партий вооруженные силы всех восточноевропейских стран встали на сторону тех, кто выступал за ликвидацию коммунистической монополии на власть. «Армия служит не партии, а народу», — заявляли генералы. В латиноамериканской перспективе эти благородные слова звучат зловеще: здесь нет намека на демократические ценности. Это утверждение армией своей независимости.

В большинстве стран Латинской Америки военные сохранили свою независимость и продолжают играть роль опекунов политической системы. Так было не только в тех странах, где переход к демократии явился результатом переговоров, но даже в Аргентине, где вооруженные силы потерпели сокрушительное поражение со стороны внешних сил. Призрак военного вмешательства вносит постоянную напряженность в политический процесс, и реакция военных всегда учитывается в повседневной политической жизни новых демократий. Опыт Аргентины представляется особенно показательным, поскольку безнаказанность похитителей людей, пытки и убийства оказали на всю ее политическую жизнь сильнейшее деморализующее

воздействие. Из последних примеров перехода к демократии Испания и Греция оказались единственными странами, где демократическим правительствам удалось установить эффективный гражданский контроль над военными и освободиться от их опеки.

Один очевидный ответ состоит в следующем: умеренные боятся, что всякая попытка учредить гражданский контроль немедленно спровоцирует именно то, что он призван устранить: военное вмешательство. Стратегические расчеты должны выглядеть так. Во-первых, вероятность немедленного переворота после любой попытки установить гражданский контроль выше, чем в том случае, если военных оставляют в покое. Поэтому, даже если гражданский контроль заметно уменьшает вероятность военного вмешательства, вероятность того, что переворот произойдет, ниже без гражданского контроля. Из таблицы 2.3 видно, что вероятность выступления военных сейчас или в будущем, если они будут продолжать опекать политическую систему, составляет 68%, в то время как вероятность того, что они осуществят переворот, если правительство захочет установить гражданский контроль, составляет 80,2%³⁸.

Но этим трудности не исчерпываются, ибо не все перевороты одинаковы. Один из аргументов в пользу наказания за нарушение прав человека состоит в том, что результат наказания разубеждает в необходимости репрессий. Военные дважды подумают, прежде чем выступить вновь, поскольку знают, что как только их лишат власти, они будут подвергнуты наказанию. Может быть и так, но если этот аргумент правилен, он также предполагает, что, если военные, несмотря на угрозу наказания, все-таки выступят, они будут помнить об этой угрозе и вряд ли отдадут власть. Таким образом, установление гражданского контроля снижает вероятность переворота, но увеличивает условную вероятность того, что он будет крайне репрессивным, *golpe duro*.

Таблица 2.3

	Вероятность того, что переворот произойдет	
	немедленно	когда-нибудь, но не сейчас
В условиях опеки	0.20	0.60
В условиях гражданского контроля	0.80	0.01

Поэтому, если правительство намерено не провоцировать переворота и избежать репрессий, оно может сдерживать свое моральное негодование, отказаться от демократических идеалов и смириться с ограничениями, налагаемыми военной опекой³⁹. Но я подозреваю, что этих доводов недостаточно для объяснения поведения гражданских политиков по отношению к военным. Есть две причины, по которым демократическим политикам было бы нежелательно исключать угрозу со стороны военных, даже если бы они могли это сделать.

Это хорошо видно на примере событий в Аргентине в 1981 году. Во-первых, как заметил Фонтана (Fontana, 1984: 121), в Аргентине в 1981 году политические партии опасались, что если угроза со стороны военных будет снята, новая волна массового движения сдвинет их, как в 1973 году, дальше влево, чем им бы хотелось: они боялись радикалов. Если перефразировать слова Эрнста Бевина о лейбористской партии, они «не хотели оказаться в положении, когда они должны были бы прислушаться к мнению своего народа». Если на военных можно рассчитывать при подавлении массового движения, их опека — оплот существующих политических партий.

Во-вторых, во многих странах с давней традицией вмешательства армии отсутствуют институциональные модели контроля⁴⁰. Военные подчинены непосредственно президенту, а не парламентским комитетам и гражданским ведомствам. Без аппарата

гражданского контроля демократическим правительствам остается одно из двух: или терпимо относиться к независимости военных, или вообще от них избавиться⁴¹. И здесь, как я подозреваю, определенную роль играет национализм. Ни один президент не позволит себе действий, которые подорвут обороноспособность нации. При определении стратегии по отношению к военным приходится выбирать: оставить их в покое или же полностью ликвидировать? Меньшим злом для националистически настроенных политиков оказывается увековечение господства военных.

Таким образом, вопрос о гражданском контроле над военными состоит не только в том, благоразумно ли вообще его устанавливать, но и в том, кому этого захочется⁴². Некоторые политические силы предпочтут военную опеку, защищающую от требований более широкого представительства и позволяющую избавиться от давления со стороны тех, кто стремится к социальной и политической революции⁴³.

Итак, высвобождение оставляет институциональные следы. Обратим внимание на цену, назначенную Пиночетом за свободные выборы: 1) сохранение постов за высшим командным составом вооруженных сил и полиции; 2) защита «престижа военнослужащих и полицейских»; 3) энергичная борьба с терроризмом»; 4) уважение мнений национального совета безопасности, который формируется из четырех представителей военных и четырех представителей гражданского населения; 5) сохранение амнистии, охватывающей политические преступления, совершенные в период между 1973 и 1978 годами; 6) отказ политических властей от вмешательства в процесс выработки и осуществления оборонительной политики, в том числе от пересмотра пределов правомочности военных судов, в военное управление и военный бюджет, а также от вмешательства в процедуру присвоения генеральских званий (обычно это прерогатива президента); 7) право называть имена девяти членов сената; 8) автономия центрального банка, президент которого был назначен воен-

ными; 9) признание приватизаций, осуществленных в последние месяцы военного режима, без расследования обстоятельств их проведения; 10) автоматическая дотация 20% доходов от продажи меди в военный бюджет. Когда вооруженные силы сами выступают в качестве реформаторов, а сопротивление оказывают бюрократы, ситуация проще, хотя временами и драматичнее⁴⁴. Отметим, что в Польше, где инициатива проведения реформ исходила от командующего вооруженными силами, режиму удалось добиться ряда гарантий: 1) коммунистической партии было гарантировано 35% мест в высшей палате парламента, сейме, а ее тогдашним союзникам — еще 30%; в принципе, этого было достаточно для формирования правительства; 2) оппозиция согласилась не препятствовать избранию генерала Ярузельского на пост президента и 3) проблемы внешней безопасности и внутреннего порядка остались под контролем коммунистов.

Итак, оптимальная стратегия высвобождения противоречива. Силы, выступающие за демократию, должны быть благоразумными *ex ante*; но *ex post* им захочется быть решительными. Однако решения, принятые *ex ante*, порождают обстоятельства, которые трудно отменить *ex post*, поскольку они сохраняют у власти силы, связанные со старым порядком (*ancien regime*). *Ex post* демократические силы сожалеют о своем благоразумии, однако *ex ante* у них нет иного выбора, кроме осмотрительности⁴⁵.

Условия, которые порождают переходы, согласованные со старым порядком, не являются необратимыми. Существенную черту демократии составляет то, что ничто не решается окончательно. Если верховная власть принадлежит народу, народ может решить ликвидировать все гарантии, согласованные политиками за столом переговоров. Даже институционализированные гарантии имеют в лучшем случае более или менее высокую, но никак не стопроцентную надежность⁴⁶. В Чили, Южной Корее и Пакистане попытки внести изменения в конституции, доставшиеся в наследство от авторитаризма, пока что терпят неудачу, а в Уругвае референдуму не

удалось отменить самоамнистию, провозглашенную военными. В Польше условия первоначального соглашения, выработанного в апреле 1989 года, были раскрыты сразу после выборов в июне 1989 года, а затем постепенно ликвидированы. Переход через высвобождение побуждает демократические силы к устранению гарантий, унаследованных от авторитаризма. Поэтому институциональное наследство по сути своей оказалось нестабильным.

Конституирование

Представим себе, что высвобождения не требуется: вооруженные силы распались, как это случилось в Греции и Восточной Германии, или же поддерживают переход к демократии, как это произошло в ряде восточноевропейских стран. Демократия устанавливается, если конфликтующие политические силы договариваются об институциональной структуре, которая допускает открытое, пусть и ограниченное, соперничество, и если эта структура порождает продолжительное согласие. В связи с этим возникают два вопроса: 1) каковы эти институты? и 2) будут ли они поддержаны?

Прежде всего отметим, что все переходы к демократии осуществляются путем переговоров: в одних случаях с представителями прежнего режима, в других, — между самими *прото*демократическими силами, создающими новую систему. Переговоры не обязательны при высвобождении, но они необходимы для конституирования демократических институтов. Демократию невозможно предписать: она возникает в результате сделок.

Легко построить модель таких сделок. Каждая политическая сила выбирает ту институциональную структуру, которая способствует продвижению ее ценностей, проектов или интересов. В зависимости от соотношения сил, включая способность некоторых деятелей навязывать недемократические решения, происходит следующее: либо устанавливается некоторая демократическая институциональная структура, либо начинается борьба за диктатуру. Эта

модель предполагает гипотезы, соотносящие существующие силы и объективные условия с порождаемыми институциональными результатами. В частности, возникающие институциональные структуры объясняются из условий, в которых совершаются переходы.

Прежде чем развивать эту модель, разберем вопрос об институциональном выборе. Группы, вступающие в конфликт по поводу выбора демократических институтов, сталкиваются с тремя общими проблемами: содержание *versus* процедура, договор *versus* соперничество и мажоритарная система *versus* конституционализм. В какой степени социальные и экономические результаты должны быть оставлены непредрежденными и в какой степени некоторые из них должны быть гарантированы и защищены независимо от исхода соперничества?⁴⁷ Какие решения следует принимать путем договоренностей, а какие — в ходе конкретной борьбы? Должны ли некоторые институты, такие, как конституционные трибуналы, вооруженные силы или главы государства, оставаться арбитрами и стоять над конкурентными процессами, или им следует периодически выносить электоральные вердикты? Наконец в какой степени и каким образом общество должно себя ограничить, с тем чтобы предотвратить будущие преобразования?⁴⁸ Таковы центральные вопросы, связанные с конфликтами вокруг институтов.

Институциональные решения могут быть своеобразными и сложными. Классическим примером успешных переговоров служат шведские реформы 1905—1907 годов⁴⁹. Были обговорены и решены следующие вопросы: 1) расширять ли избирательное право и на кого оно должно распространяться? 2) должна ли реформа избирательной системы касаться верхней или только нижней палаты? 3) следует ли предоставлять места округам с единичным представительством или только округам с несколькими представителями, избранными на пропорциональной основе? 4) если оставлять округа с одним представителем, следует ли считать победителем того, кто набрал большее количество голосов, или

же победитель тот, кто выиграл на повторных выборах? 5) должна ли исполнительная власть, как и прежде, нести ответственность перед короной или же она должна отвечать перед риксдагом?⁵⁰

Договоренности проблематичны по той причине, что институты имеют распределительные функции. Если бы речь шла только об эффективности, то в вопросе о выборе институтов не возникало бы никаких разногласий; нет оснований опасаться системы, которая создает для кого-то лучшие условия, но не ущемляет при этом интересов всех остальных. Но поскольку экономические, политические и идеологические ресурсы распределяются, институты оказывают влияние на реализацию конкретных интересов и ценностей. Поэтому предпочтения в отношении институтов оказываются различными.

Чего же нам ожидать при различных условиях? Обратим внимание на два условия: участникам известно соотношение сил в тот момент, когда принимается институциональная структура, и это отношение может быть неравновесным или же равновесным. Соответственно этим условиям принимаются определенные типы институтов, они определяют и то, насколько эти институты окажутся стабильными. Здесь возникают три гипотезы: 1) если *ex ante* известно, что соотношение сил неравновесно, то институты ратифицируют это соотношение, и они устойчивы, только если сохраняются первоначальные условия; 2) если *ex ante* известно, что соотношение сил равновесно, может случиться все что угодно: начнется долгая гражданская война, будет достигнута договоренность о нежизнеспособных институтах или стороны придут к согласию относительно институциональной структуры, которая в конце концов обретает конвенциональную силу; 3) если соотношение сил *ex ante* не известно, институты сформируют сильную систему контроля и балансов и сохранятся, несмотря на любые условия. Обсудим эти гипотезы.

Соотношение сил известно и неравновесно. В такой ситуации институты подгоняются под конкретное лицо, конкретную партию или конкретный альянс.

Когда в Латинской Америке после авторитарного периода возникала новая партийная система, всякий раз принималась и новая конституция (Geddes, 1990). Новые институты задумывались для того, чтобы консолидировать новые соотношения сил. Истоки и роль таких институтов наилучшим образом описаны Хейвордом (Hayward, 1983: 1) на характерном примере Франции. «Французы не верили в долгую жизнь режимов — ведь их конституции выходили наподобие периодических изданий, — и Конституция как таковая не пользовалась никаким авторитетом. Каждый документ рассматривался в качестве соглашения, закрепляющего временное распределение власти. Не будучи основополагающим и нейтральным, он считался всего лишь процедурным средством, содержащим формальные условия в соответствии с которыми правительству дозволялось править».

В Польше конституция 1921 года предполагала слабую президентскую власть, поскольку оппоненты маршала Пилсудского знали — избран будет именно он. Пилсудский отказался баллотироваться на этих условиях и пришел к власти в мае 1926 года в результате государственного переворота. Спустя девять лет была выработана новая конституция, имевшая целью закрепить его властные полномочия. Через год Пилсудский умер, и оказалось, что нет никого, кто мог бы его заменить. Во Франции конституция Пятой Республики была выкроена специально по мерке генерала де Голля, но выдержала тест на cohabitation, когда президент-социалист сосуществовал с правым парламентским большинством.

Конституции, закрепляющие существующие соотношения сил, прочны до тех пор, пока сохраняются эти соотношения. Прекрасной иллюстрацией служит чилийская конституция 1925 года. (Далее я следую Стантону (Stanton, 1990.) Эта конституция была принята только в 1932 году, после заключения соглашения, которое оставляло землевладельцам право контроля над голосами крестьян и предоставляло сельским районам большинство мест в представительных органах. По существу, конституция 1932 го-

да была картелем, который объединял городские секторы и latifundistas и имел целью удерживать цены на сельскохозяйственную продукцию на низком уровне, позволяя землевладельцам снижать заработную плату. Этот пакт был отменен лишь в 60-е годы, когда к власти пришли христианские демократы, искавшие поддержки крестьян. В 1968 году система рухнула, а в 1973 году была ликвидирована и демократия. Отметим, что соответствующие институты просуществовали 41 год. Однако с самого начала они были построены таким образом, что не могли пережить существенного изменения: предоставления полных избирательных прав сельскому населению.

Соотношение сил известно и равновесно. В этом случае совокупность обстоятельств гораздо сложнее. Предположим, что конфликтующие политические силы по-разному видят пути организации политической жизни общества. Одна часть страны предпочитает унитарное правление, другая — федеральную систему. Какие-то группы населения считают, что их интересы будут лучше всего защищены в условиях парламентской системы, другие настаивают на системе президентского правления⁵¹. Один альянс сил стоит за отделение церкви от государства, другой призывает к государственной религии. Вообразим, что одно объединение сил (назовем их условно «синими») сочтет более полезной для демократии институциональную систему А, в то время как другое объединение («зеленые») увидит и этой системе угрозу для демократии и предпочтет Б. Достичь согласия им не удастся (см. табл. 2.4).

Таблица 2.4

		Зеленые	
		А	Б
Синие	А	прекрасно, так себе	плохо, плохо
	Б	плохо, плохо	так себе, прекрасно

Эта ситуация не может быть сбалансирована чисто стратегическими способами, и одним из возможных исходов является гражданская война. Так случилось в Аргентине между 1810 и 1862 годами после двух неудачных попыток принять конституцию, и стабильность была достигнута лишь после того, как провинция Буэнос-Айрес потерпела поражение в войне (Saguir, 1990). Похоже, такая же ситуация складывается в настоящее время в Советском Союзе, где националистические, федералистские и унитаристские силы конфликтуют друг с другом, не находя взаимоприемлемого решения.

Между тем перспектива конфликта, гражданской войны, которая продлится, возможно, на протяжении жизни целых поколений, мало кого привлекает. Поэтому политическим силам приходится принимать какую-то институциональную структуру — любую структуру в качестве временного решения⁵². Как отмечал Растоу (Rustow, 1970), когда никто не в состоянии навязать свое решение в одностороннем порядке, «длительная ничья заставляет соперников искать компромиссное решение, которое, впрочем, хуже оптимального».

В ряде стран это уже имело место: конфликты по поводу институтов быстро заканчивались. В Бразилии новая конституция была принята, хотя все понимали, что ее невозможно будет соблюдать. Она принималась для того, чтобы снизить интенсивность конфликта, и обещала удовлетворить в будущем всевозможные требования. В Аргентине было восстановлено действие конституции 1853 года, хотя прежде она никогда не была действенной и не было оснований думать, что она заработает⁵³.

В чем привлекательность временных решений? Во-первых, действующие политические силы верят в то, что институты мало что значат, во всяком случае не стоят того, чтобы продолжать конфликт. В Соединенных Штатах и политики и ученые считают, что институты заставляют людей вести себя иначе, и объясняют политическую стабильность гением отцов-основателей. За пределами англо-саксонского мира институты, по-видимому, значительно менее

эффективны. Как выразился один видный бразильский ученый и политический деятель, «предотвратить государственный переворот с помощью статьи в конституции невозможно»⁵⁴. В референдуме о порядке избрания президента Венгрии приняло участие лишь 14% избирателей. Поэтому, хотя какая-то институциональная структура и необходима для координации политических стратегий, ее характер почти не имеет значения, поскольку она ничего не регламентирует.

Более того, даже если политики понимают значение институтов, они знают, что не в состоянии предвидеть последствия возникновения альтернативных институциональных структур. Европейские консерваторы потребовали обеспечить обязательное участие в выборах, полагая, что именно их сторонники не идут к избирательным урнам, и выступили против предоставления избирательных прав женщинам, полагая, что те окажут поддержку их противникам. И в обоих случаях они ошиблись.

Политикам хорошо известно, что (и каким образом) избирательные системы влияют на распределение должностей; им далеко не все равно, кто руководит разведывательными службами; они чувствительны к правилам, регулирующих финансирование политических партий. История изобилует примерами конфликтов по поводу институтов — конфликтов, в которых стороны дрались из-за мельчайших деталей институционального устройства. Поэтому важно уточнить гипотезу, вытекающую из приведенных аргументов. На мой взгляд, противоборствующие стороны соглашаются прекратить конфликты по поводу институтов из-за боязни, что их продолжение может повести к гражданской войне. Ситуация должна быть стабилизирована, а правление должно каким-то образом продолжаться. Хаос — наихудшая альтернатива для всех и каждого. В таких условиях политические деятели приходят к выводу, что какие бы дополнительные выгоды ни приносила более благоприятная институциональная структура, она не стоит того риска, которым чреват затянувшийся конфликт.

Но как можно его прекратить? Какая-то институциональная структура должна быть создана, но какая именно? Ведь никакие институты не способны обеспечить равновесие. Остается только искать то, что Шеллинг называл узловыми моментами (*focal points*), — решения, которые доступны и не требуют дополнительных усилий. Поиск таких моментов естественно приводит к национальным традициям, а при отсутствии таковых — к зарубежному опыту. Именно поэтому Аргентина вернулась к конституции 1853 года, а испанцы последовали примеру западногерманской системы⁵⁵. В Польше кое-кто советовал взять какую-нибудь старую западноевропейскую конституцию и поставить на этом точку⁵⁶. Поскольку любой порядок лучше хаоса, любой порядок и устанавливался.

Это подводит нас к вопросу о долговременности этих институциональных решений. С точки зрения теории игр, в конфликтной ситуации решения о координации нестабильны. Однако вопрос здесь сложнее. Хардин (*Hardin*, 1987) доказывал, что когда такие решения принимают, они становятся действенными. Некоторые институты сохраняются, потому что существуют продолжительное время. Перемены стоят дорого⁵⁷.

Теория Хардина находит поддержку у Даля (*Dahl*, 1990), согласно которому, за исключением Уругвая, демократия никогда не подрывалась изнутри в тех странах, где она просуществовала в течение двадцати лет⁵⁸. И все же эта теория объясняет слишком много. С ее помощью можно объяснить, почему сохранилась конституция США, однако остается неясным, по какой причине те или иные конституции терпят неудачу или оказываются недолговечными или негодными.

Временные решения могут и не сохраниться в течение двадцати лет. Причина заключается в следующем. Предположим, что в условиях конфронтации для политических сил любое решение предпочтительнее, чем продолжение конфликта. Но система, принятая как временное средство его прекращения, благоприятствует шансам одних политических групп

в ущерб другим. Запускаются два механизма. Во-первых, проигрывающая сторона знает, что ее шансы на победу при этой системе меньше, чем при альтернативной системе. Ее ожидания оправдываются, и эта сторона раз за разом проигрывает. Следовательно, ex post-ситуация отличается от ситуации ex ante. Если бы, несмотря на мизерные шансы, она оказалась в выигрыше, расклад был бы совершенно иным. Во-вторых, деятели соответственно уменьшают свои ожидания, касающиеся системы институтов, и обнаруживают, что риск повторения конфликта по поводу институтов не так велик, как представлялось ранее⁵⁹.

Допустим, что это рассуждение верно. Тогда временные решения принимались потому, что продолжение борьбы считалось слишком опасным делом. Но если результаты окажутся болезненными, соответствующие политические силы будут пытаться избежать потерь, связанных с конкуренцией по демократическим правилам или, по крайней мере, — улучшить свои шансы в будущем соперничестве. Так что политические силы, способные добиваться альтернатив, будут их добиваться.

Соотношение сил неизвестно. Предположим, что страна выходит из длительного периода авторитарного правления и никто не знает, каким будет соотношение сил. Тогда немаловажным оказывается время написания конституции. Если это отложить до тех пор, пока выборы и другие события не прояснят упомянутое соотношение сил, мы вновь будем иметь дело с известными ситуациями. Система может оказаться неравновесной, и институты будут задуманы так, чтобы закрепить существующие преимущества; или же она может оказаться равновесной со всеми возможностями, которые из этого следуют. В Польше определение времени выборов президента, парламента и написания конституции послужило предметом конфликта, и решено было провести выборы президента до того, как будет написана конституция. Но представим себе, что сначала принимается конституция, как это было в Греции, или что

сначала проводятся выборы, не имеющие никакого значения, как это произошло в Испании.

Если прав Ролз и никто не знает о своей политической силе в условиях демократических институтов, все выбирают решение по принципу максимизации: т.е. институты, контролирующие балансы и максимизирующие политическое влияние меньшинств или же проводящие политику, которая полностью игнорирует колебания общественного мнения. Каждая из конфликтующих политических сил будет стремиться к институтам, которые гарантируют от временных политических неудач, неблагоприятных всплесков общественного мнения, от смены союзников⁶⁰. В Швеции либералы и социал-демократы были готовы дать гарантии, которых требовали консерваторы; по словам лидера консерваторов епископа Г.Биллинга, он предпочел бы «прочные гарантии и дальнейшее расширение избирательного права, а не слабые гарантии и ограничения избирательного права» (цит. по: Rustow, 1955: 59).

Итак, конституции, которые пишутся в период, когда соотношение сил еще не прояснилось, скорее всего будут противодействовать возвращению к прежней власти, они страхуют тех, кто терпит поражение, и снижают ставки в борьбе соперников. Они способствуют тому, чтобы проигравшие смирились с поражением и приняли участие в текущих делах. Таким образом, они скорее всего окажутся устойчивыми при самом широком спектре исторических условий.

Предварительные выводы состоят в следующем. Институты, принятые в периоды, когда соотношение сил неизвестно или неясно, скорее всего сохранятся. Институты, принятые в качестве временных решений в периоды, когда известно, что соотношение сил равновесно и различные группы отдают предпочтение альтернативным решениям, могут обрести силу конвенции, если сохранятся на протяжении достаточно долгого времени. Но вряд ли они удержатся долго. Наконец институты, закрепляющие временное преимущество, скорее всего будут столь

же прочными, как и условия, которые их порождают.

Соперничество

Необходимо рассмотреть еще один аспект. Следуя О'Доннеллу и Шмиттеру, будем различать демократизацию государства и демократизацию режима. Первый процесс касается институтов; второй процесс — отношений государственных институтов и гражданского общества⁶¹.

Каждая из сил, борющихся против авторитаризма, должна думать о своем собственном положении в будущем, в условиях демократии. Выступая единым фронтом против диктатуры, они должны помнить о существующих между ними различиях⁶². Если размежевание произойдет слишком рано, им скорее всего придется повторить опыт Южной Кореи, где конкуренция двух антиавторитарных кандидатов в президенты — конкуренция, которая была не только личностной, но и региональной и экономической, — позволила одержать победу на выборах кандидату, связанному с диктатурой⁶³. Если же размежевания вообще не происходит, новый режим становится зеркальным отражением старого: непредставительным и несостоятельным. Эта опасность подстерегает ряд восточноевропейских стран: там революция может оказаться всего лишь антикоммунистической, а не демократической⁶⁴.

Такая же дилемма возникает в модифицированной форме после учреждения демократических институтов. В условиях демократии перед любой оппозицией встает классическая проблема: до какой степени быть оппозиционной и какими средствами при этом пользоваться. Если оппозиция не противопоставляет себя существующему режиму — не предлагает альтернатив и не обещает воплотить их в жизнь, — тогда политические институты, с их способностью мобилизовать и инкорпорировать, остаются слабыми⁶⁵. Демократия начинает страдать анемией. Если же оппозиция действует слишком решительно, то под угрозой может оказаться демократия

как таковая. Непримируемая оппозиция в состоянии создать неуправляемую ситуацию — особенно в периоды экономических трудностей. Если всякий раз, когда какая-нибудь партия проигрывает на выборах или правительство проводит непопулярные меры, оппозиция будет устраивать всеобщую стачку, это может ослабить демократические институты и привести к вмешательству военных.

Вероятно, наиболее отчетливо эта дилемма проявилась в перонистском движении в Аргентине. «Реформаторы» («*Renovadores*») хотели, чтобы партия участвовала в выборах и ее тактика сводилась к избирательной и парламентской борьбе. Ортодоксальное крыло стремилось к тому, чтобы остаться «движением» и бороться за социальную справедливость всеми возможными средствами. Так, Убалдит не считал, что неудача на выборах должна удержать партию от проведения всеобщих стачек, а перонистские депутаты в конгрессе не являлись на заседания, когда думали, что проиграют, — и решения не принимались из-за отсутствия кворума.

Одно из решений этой дилеммы состоит в том, чтобы заключать политические пакты — соглашения между лидерами политических партий (или протопартий), 1) распределяющие правительственные учреждения независимо от результатов выборов, 2) определяющие основные политические ориентации и 3) исключаящие, а при необходимости и подавляющие аутсайдеров⁶⁶. Такие пакты имеют давнюю традицию в Италии, Испании и Уругвае и называются «*transformismo*». Примером может служить венесуэльский пакт 1958 года, заключенный в Пунто-Фихо, по которому три партии поделили между собой правительственные посты, согласовали политику, направленную на развитие частной собственности и исключавшую коммунистов из политической системы. Этот пакт весьма успешно содействовал демократическим переменам в государстве.

Задачей таких пактов является защита эмбриональных демократических институтов путем снижения накала конфликтов, возникающих в связи с политическим курсом и кадровыми назначениями.

Если институциональные пакты устанавливают правила игры, а остальное отдают на откуп конкуренции, то они играют существенно важную роль, устраняя главные политические вопросы из сферы соперничества. Такие пакты необходимы для защиты демократических институтов от давления, которому они еще не способны противостоять. Заметим, однако, что такие пакты возможны только в том случае, если их участники получают от демократии ощутимую личную выгоду; заметим также, что стричь купоны можно, только отстранив аутсайдеров от участия в конкурентной борьбе⁶⁷. Пакты опасны тем, что могут стать своеобразными «картелями» существующих должностей против соперников — «картелями», которые ограничивают конкуренцию, преграждают соперникам путь к успеху и распределяют выгоды, связанные с политической властью, только среди своих. Тогда демократия с легкостью превращается в частное предприятие лидеров нескольких политических партий и корпоративных союзов, в олигополию, сговор с целью исключения посторонних.

Доход от такого предпринимательства вполне может быть неременной личной наградой тем, кто осуществляет демократический проект. Более того, демократические институты могут не справляться со всеми важными конфликтами, разъединяющими общество (вспомним исключение религиозных вопросов из конституционного процесса в Соединенных Штатах). Все демократические системы создают препятствия на пути вхождения (в государственный аппарат) — в Соединенных Штатах избирательная политика является, пожалуй, наиболее протекционистской. Однако демократия прочна только в том случае, если конкуренция разрушает такие доходы, не допуская их превращения в постоянную ренту. Не следует забывать, что за пакт в Пунто-Фихо Венесуэла заплатила исключением самого мощного партизанского движения в Латинской Америке. Исключение требует применения силы и дестабилизирует демократические институты⁶⁸.

Анализ политических пактов был изложен на экономическом языке ренты, получаемой в результате сговора. Между тем страх перед расколом вызывается не только призраком авторитарной реставрации и своекорыстным поведением политиков. Он присущ демократии по идеологическим причинам.

Одна из них коренится в рационалистической природе теории демократии. Теория демократии XVIII столетия видела в демократическом процессе рациональное рассуждение, ведущее к единодушию и отвечающее общему интересу. Если население однородно или если его интересы гармоничны, то у него может быть один и только один интерес, который одновременно является общим и рациональным. Согласно этой установке, все расхождения суть расхождения во мнениях: не существует конфликтов, которые нельзя было бы устранить рациональным обсуждением. Политика имеет эпистемологический смысл: это поиск истины. А статус консенсуса является моральным: это воплощение общего интереса. Превосходство демократии заключается именно в ее рациональности. Поэтому Руссо и Мэддисон так опасались интересов, страстей и «фракций», ими порождаемых; они представляли себе демократию как механизм достижения согласия, нахождение всеобщего блага.

По этой причине существующие различия во мнениях, конфликты страстей, споры по поводу процедурных вопросов часто считают препятствиями на пути к рациональности. «Если бы только мы могли достичь согласия», — такова мечта тех, кого напугал шум, исходящий от партийной политики, даже если большинство политиков, призывая к рациональной дискуссии, имеют в виду согласие с их собственным мнением. У консенсуса более высокий моральный статус, чем у решений, принятых большинством голосов или согласно правилам. Поэтому желание разрешать конфликты с помощью соглашений, торжественно обставленных пактов преобладает там, где политические конфликты выходят из-под контроля и начинают угрожать демократическим институтам.

Еще более мощный импульс к единодушию наблюдается в странах с глубокими традициями органицистских взглядов на нацию, часто вдохновленных католицизмом⁶⁹. Если нация — это организм, в нем не должно быть разделения и конфликтов. Ее единство органично, то есть обусловлено существующими связями. Нация — это «живой социальный организм, духовность которого обусловлена расовой и исторической основой» (Dmowski, 1989: 71)⁷⁰. Не приемлющие национального духа — это те, кто к нему не принадлежит, кто чужд нации. И если нация является организмом, она не может терпеть чужеродных элементов⁷¹. Индивидуализм и инакомыслие — признаки непринадлежности.

Как показал О’Доннелл (O’Donnell, 1989), идея органического единства интересов заставляет стремиться к монополии в представительстве «национальных интересов». Политические силы не рассматривают себя в качестве партий, представляющих частные интересы и частные взгляды. Поскольку нация — это единый организм с единой волей, каждая из них стремится стать представителем всей нации в целом, облечься в тогу *el movimiento nacional*. А поскольку конфликты, которые разрешались бы в ходе конкуренции по правилам, отсутствуют, демократия сводится к возможности бороться за монопольное положение в представительстве национальных интересов.

Католико-националистическая идеология жива во многих странах; фактически, она воодушевляла многих, хотя и не всех, восточноевропейских диссидентов в их борьбе против коммунизма. Многие же оказались в тисках между оппозицией к коммунизму и оппозицией к националистически-религиозной идеологии, единственной эффективной политической силе в борьбе против коммунизма⁷². Сколь бы красноречивы ни были панегирики Вацлава Гавела разрушительной силе правды, духовной силой, питающей оппозицию к коммунизму, была вовсе не жажда свободы (не путать со стремлением обрести независимость от Советского Союза), это были религия и национализм; точнее — их исторически

конкретный сплав⁷³. Возрождение политической силы церкви⁷⁴, вспыхнувшие националистические идеологии и этнические конфликты, взрыв антисемитизма — все это признаки живучести органицистских идеологий в Восточной Европе. Поэтому стремление к консенсусу мотивируется не только своекорыстными интересами. Решения, принятые большинством голосов или по правилам, вовсе не обязательно рациональны. Повседневная жизнь демократии — зрелище, не вызывающее благоговейного трепета: бесконечные препирательства, мелочные амбиции, риторика, призванная что-то затушевать или ввести кого-то в заблуждение, сомнительные связи власти и денег, законы, даже не претендующие на справедливость, политика, закрепляющая привилегии. Особенно мучительно все это переживают люди, которые идеализировали демократию в борьбе с авторитарным гнетом, для которых демократия была потерянным раем. Когда рай претворяется в повседневную жизнь, наступает разочарование. Так возникает искушение одним махом поправить дело: прекратить пререкания, заменить политику администрированием, анархию — дисциплиной, действовать рационально, — это искушение авторитаризма.

Выводы

Представленный анализ не носит окончательного характера. Суммируем основные гипотезы.

Первая. Всякий раз, когда *ancien régime* вступает в переговоры о передаче власти, оптимальная стратегия демократизации оказывается противоречивой: она требует компромиссов *ex ante* и решительности *ex post*. Переходы через высвобождение оставляют институциональные следы: самое главное, они сохраняют независимость вооруженных сил. Эти следы можно устранить, но переходы всегда более проблематичны и длительны в странах, где они являются результатом соглашений со старым режимом. В Бразилии переход длился дольше, чем в Аргентине; в Польше дольше, чем в Чехословакии. И там, где во-

оруженные силы остаются независимыми от гражданского контроля, это служит постоянным источником нестабильности для демократических институтов.

Вторая. По-видимому, выбор институтов во время недавних случаев перехода был во многом случайным и диктовался понятным желанием как можно быстрее уладить важнейшие конфликты. И есть основания полагать, что институты, принятые в качестве временных решений, таковыми и останутся. Следовательно, в новых демократиях постоянно будут возникать конфликты по поводу их главных институтов. Те политические силы, которые терпят поражение в результате взаимодействия этих институтов, будут постоянно ставить вопрос об институциональной структуре в политическую повестку дня.

Наконец нас не должна вводить в заблуждение демократическая риторика тех сил, которые «вовремя» присоединились к оппозиции. Не все антиавторитарные движения состоят целиком из сторонников демократии: для некоторых лозунг демократии является лишь шагом к тому, чтобы пожрать как своих авторитарных оппонентов⁷⁵, так и союзников по борьбе с авторитарным режимом. Поиски консенсуса часто лишь маскируют новое авторитарное искушение. Для многих демократия — не что иное, как беспорядок, хаос, анархия. Как заметил 150 лет тому назад Маркс, партия, защищавшая диктатуру, есть Партия Порядка⁷⁶. И страх перед неизвестным свойствен не только силам, связанным с *ancien régime*.

Демократия — это царство неопределенности; она не занимается предначертанием будущего. Конфликты ценностей и интересов присущи всем обществам. Демократия нужна именно потому, что мы не можем договориться. Демократия — всего лишь система урегулирования конфликтов, обходящаяся без убийств; это система, в которой есть расхождения, конфликты, победители и побежденные. Только в авторитарных системах не бывает конфликтов. Ни одна страна, где какая-нибудь партия дважды под-

ряд получает 60% голосов избирателей, не может считаться демократией.

Каждый согласится, что судьба демократии в конечном счете зависит от характера экономического развития. И поскольку большинство демократий рождается в условиях глубочайших экономических кризисов, то экономические факторы работают против демократии. Но прежде, чем мы перейдем к анализу взаимодействия политических и экономических условий, нужно остановиться на анализе ситуации выбора в экономических системах.

Приложение.

МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ ПЕРЕХОДОВ

Примененный выше подход — всего лишь один из нескольких возможных. А поскольку методы влияют на выводы, полезно поместить его среди альтернативных подходов. Я не буду давать здесь обзор множества научных работ, в которых использовались эти подходы. Меня интересует лишь логика альтернативных способов исследования.

Важнейшим является вопрос о модальностях той системы, которая возникает в конечном итоге. Завершается ли процесс демократией или диктатурой, новой или старой? Стабильна ли новая демократия? Какие институты ее составляют? Является ли новая система эффективной, приводит ли она к существенно важным результатам? Способствует ли она индивидуальной свободе и социальной справедливости?

Таковы вопросы, ответы на которые мы стремимся получить, изучая переходы. В целях стилизации назову систему, возникающую как конечное состояние перехода, бразильским термином «*Nova República*» (Новая Республика). Отправным пунктом являются предшествующий авторитарный статус-кво, *ancien régime* и социальные условия, которые способствовали его возникновению, *l'ancienne société*⁷⁷. Следовательно, переход протекает от *ancien régime* к Новой Республике.

Подход, превалировавший, вероятно, до конца 70-х годов, состоял в корреляции свойств исходного и конечного состояний. Этот подход известен как макроисторическая сравнительная социология, и первые исследования в этой области были проведены Муром (Moore, 1965), Липсетом и Рокканом (Lipset, Rokkan 1967). Применявшийся при этом метод состоял в индуктивном соотнесении результатов, таких, как демократия или фашизм, с первоначальными условиями, такими, как аграрная классовая структура. Стало быть, результат определен условиями, и история идет сама собой, без всяких усилий.

Этот подход во многом утратил свою популярность, когда на историческом горизонте появилась возможность демократизации, сначала на юге Европы, а затем на юге Латинской Америки. Детерминистическая перспектива не способна была сориентировать политических деятелей, убежденных, что успех демократизации зависит от стратегии, их собственной и противников, а не предопределен прошлыми условиями⁷⁸. Бразильцы не верили, что все их старания напрасны в силу аграрной классовой структуры страны; испанским демократам в 1975 году казалось смехотворным, что будущее их страны раз и навсегда предрешено из-за относительных сроков осуществления индустриализации и всеобщего избирательного права для мужского населения. Макроисторический подход не привлекал даже тех ученых-активистов, которые отрицали концептуальные предпосылки микроподхода, потому что он обрекал их на политическое бессилие.

По мере развития событий изменялась и научная рефлексия. Было исследовано воздействие разнообразных черт *ancien régime* на модальности перехода. Переходы были классифицированы по «способам». В частности, было проведено различие между коллапсом авторитарного режима и — термин избран испанский, и не без оснований — «*ruptura pactada*», концом режима, наступившим в результате переговоров. Обширная литература по этой теме доказывает, на мой взгляд, что эти исследования не были

плодотворными. Оказалось, что найти общие факторы, давшие толчок либерализации в различных странах, очень трудно. Одни авторитарные режимы терпели крах после длительных периодов экономического процветания, другие — после острых экономических кризисов⁷⁹. Для одних авторитарных систем правления внешнее давление оказалось уязвимым местом, другие с успехом использовали это давление для сплочения рядов под националистическими лозунгами. Проблема, с которой сталкиваются эти исследования, — и масса литературы по Восточной Европе дает тому все новые и новые примеры, — состоит в том, что легче объяснить *ex post*, почему данный режим «должен был» рухнуть, чем предсказать заранее, когда это должно произойти. Социальная наука просто еще не может определять глубинные структурные причины и ускоряющие ход событий условия. И в то время как объяснения с точки зрения структурных условий удовлетворительны *ex post*, они бесполезны *ex ante*. Больше того, даже небольшая ошибка в определении сроков крушения режима может обернуться человеческими жертвами. Режим Франко все еще казнил людей в 1975 году, за год до того, как с ним покончили.

Подход О'Доннелла — Шмиттера (O'Donnell, Scmitter, 1986) фокусировался на стратегиях различных деятелей и именно ими объяснял происходящие события. Среди участников этого проекта было много активных борцов за демократию, которым необходимо было понять последствия альтернативных курсов. Занимаясь стратегическим анализом, этот проект в то же время избегал формалистического, внешнеисторического подхода, характерного для абстрактной теории игр. Поскольку в то время в научном словаре главенствующее положение занимал *макроязык* классов, их союзников и «пактов о доминировании», то результатом оказался интуитивный *микр*оподход, часто формулировавшийся в *макр*оязыке.

Главный вывод О'Доннелла — Шмиттера состоял в том, что модальности перехода определяют черты нового режима; в частности, пока вооруженные

силы не распадутся, успешный переход возможен только в результате переговоров, пактов. Отсюда следовал политический вывод: *протодемократические* силы должны быть осторожными и готовыми пойти на уступки. Кроме того: демократия, появляющаяся в результате *ruptura pactada*, неизбежно консервативна как в экономическом, так и в социальном плане.

После того как демократия была установлена в нескольких странах, эти выводы сочли излишне консервативными. Впрочем, легко судить, пребывая в безопасности за толстыми стенами североамериканских научных учреждений. Между тем для многих активистов главный политический вопрос тогда состоял в том, вести ли борьбу одновременно за политические и экономические преобразования или ограничиться чисто политическими целями. Следует ли бороться сразу за демократию и социализм или к демократии следует стремиться как к цели в себе? Ответ, который дали в своей политической практике большинство сил, оказавшихся исторически значимыми, был однозначным: демократия имеет самостоятельную ценность и ради нее стоит пойти на экономические и социальные компромиссы. То был простой урок, извлеченный из зверств, чинившихся военными режимами в Аргентине, Чили и Уругвае. Любое изменение лучше, чем массовые убийства и пытки.

В сущности, ретроспективный вопрос должен быть не политическим, а эмпирическим: действительно ли модальности перехода определяют конечный результат? Как указывает мой анализ, переход через высвобождение оставляет институциональные следы, особенно в том случае, если демократия оказывается под военной опекой. Но, во-первых, эти следы можно постепенно устранить. В Испании сменявшие друг друга демократические правительства шаг за шагом изживали остатки франкизма, и военные были оставлены под гражданский контроль. В Польше соотношение сил развивалось так, что было ликвидировано большинство реликтовых статей заключенного в Магдаленке пакта. Во-вторых, как об-

наружилось, фактов, свидетельствующих о том, что черты Новой Республики соответствуют либо особенностям *ancien régime*, либо модальностям перехода, удивительно мало. Возможно, мой анализ неадекватен — ведь только теперь мы располагаем достаточным количеством фактов, позволяющих вести систематические эмпирические исследования. Тем не менее можно указать по крайней мере на две причины, по которым новые демократии должны быть похожи больше друг на друга, чем на условия, их породившие.

Первая причина касается времени. Тот факт, что недавние переходы к демократии прошли подобно волне, означает, что им сопутствовали одни и те же идеологические и политические условия. Кроме того, здесь сыграло свою роль нечто вроде заражения. Одновременность обуславливает однородность. Новые демократии учатся у старых демократий и друг у друга.

Вторая причина связана с тем, что культурный репертуар политических институтов весьма ограничен. Несмотря на вариации, институциональные модели демократии немногочисленны. Демократии — это системы президентского, парламентского или смешанного правления; периодически повторяющиеся выборы, которые закрепляют достигнутые политиками соглашения; вертикальная организация интересов; и почти никаких институциональных механизмов прямого гражданского контроля над бюрократией. Конечно, типы демократии очень отличаются друг от друга, однако этих типов гораздо меньше, чем условий, в которых происходят переходы.

Таким образом, путь имеет значение не меньшее, чем исходный пункт движения. *Ancien régime* действительно формирует модальности и векторы переходов к демократии. Однако в пункте назначения все пути сходятся.

Примечания

¹ Разумеется, не все дикторы одинаковы. Некоторые не терпят никаких независимых организаций; даже Общество защиты животных организовано сверху и входит в Ассоциацию ассоциаций, которая является частью Фронта национального единства, образовавшегося в Министерстве внутренних дел. Другие диктатуры более разборчивы; они запрещают союзы и партии, но терпят общества филателистов, церкви и ассоциации производителей. Но ни одна диктатура не допускает независимой организации политических сил.

² Именно поэтому объяснения падения режима в терминах легитимности или тавтологичны, или ложны. Если под утратой легитимности мы понимаем появление коллективно организованных альтернатив, тавтологией является то, что факт коллективной организации альтернатив означает крах режима. Если же мы понимаем легитимность с точки зрения индивидуальных установок, в терминах Ламонира (Lamounier, 1979: 13) как «молчаливое принятие, мотивированное субъективным согласием с данными нормами и ценностями», то это объяснение ложно. Некоторые авторитарные режимы были незаконными с момента своего установления, однако это не мешало им продержаться по 40 лет. Трудно сказать, в какой степени изменение установок происходит еще до начала либерализации и в какой степени — в ее результате. В Испании демократическую представительную систему, противопоставляя ее правлению одного человека, поддерживали в 1966 году 35%, в 1974-м — 60%, в мае 1976-го — 78% респондентов. В 1971 году 12% полагали, что политические партии могут быть полезными, в 1973-м уже 37% считали, что они должны существовать, в апреле 1975-го так думали уже 56%; правда, в январе 1976-го цифра снизилась до 41%, но поднялась вновь до 67% в мае том же года (Lopez-Pintor, 1980). В Венгрии в 1985 году 88% респондентов выразили доверие национальному руководству (57,3% — «полное доверие»), 81% — парламенту, 66% — партии и 62% — профессиональным союзам (Bruszt, 1988). В Польше, где организованная оппозиция открыто функционировала начиная с 1976 года и была запрещена в 1981-м, вера в коммунистическую партию (ПОРП) медленно слабела с 66,2% в июне 1985-го до 53,1% в июле 1987-го и до 26,6% во время волны забастовок в августе 1988 года, затем вновь увеличилась до 38,6% к ноябрю 1988-го и опять упала до 26% накануне переговоров в Магдаленке в

январе 1989-го. За этот же период доверие к оппозиции возросло с 20,5/0 в 1985 году до 26,2% в августе 1988-го и до 45,9% в январе 1989-го (Ostrowski, 1989).

³ Влияние Грамши здесь очевидно, однако его дуалистическая схема насилия и согласия институционально недостаточно конкретна, чтобы служить ориентиром при исследовании интересующей нас проблемы. В частности, Грамши не делал различия между уступками тех, кто контролирует политическую систему, и реализацией интересов в ходе свободной, хотя и ограниченной конкуренции.

⁴ Наглядные примеры играют важную роль в переходах к демократии. Возьмем бразильский анекдот, бывший в ходу на закате диктатуры. В переполненном автобусе в Рио человек дает пощечину стоящему рядом офицеру. Его сосед делает то же самое. Сквозь толпу с задней площадки протискивается гражданин и влепляет офицеру третью пощечину. Автобус останавливается и его окружает полиция. Спрашивают первого: «Почему вы ударили офицера?» — «Да потому, — отвечает он, — что он оскорбил честь моей дочери». Спрашивают второго человека, который говорит: «Он оскорбил честь моей племянницы, и я хотел отомстить». Наконец тот же вопрос задают третьему гражданину. «Когда я увидел, — заявляет тот, — что эти двое бьют офицера, то подумал, что диктатура пала». Как кто-то заметил, крах коммунистической монополии на власть длился в Польше десять лет, в Венгрии — десять месяцев, в Восточной Германии — десять недель и в Чехословакии — десять дней. События в Польше и Венгрии показали восточным немцам возможность такого краха; зрелище рассыпающейся стены убедило чехов в выполнимости такой задачи.

⁵ Советская самиздатовская «Экспресс-хроника» (16, 17 ноября 1987 года) перепечатала комсомольский документ «Усилить работу в независимых молодежных объединениях», в котором говорилось, что «недавнее расширение демократии привело к возникновению большого числа независимых социально-политических объединений... Спектр их интересов чрезвычайно широк — от международной информации, экологии и охраны исторических памятников до постыдных спекуляций на еще не преодоленных трудностях перестройки». Далее в документе проводилось различие между хорошими и плохими объединениями. С хорошими комсомольским организациям надлежало расширять сотрудничество и направить в них своих «самых боевых членов, чтобы они играли там роль комиссаров». Руководителей не столь хороших объединений

следовало подкупить, предлагая «конкретные пути реализации их способностей». Наконец, если эта стратегия не удастся, комсомол должен быть готов к тому, чтобы «создать собственное альтернативное объединение».

⁶ Я использую терминологию О'Доннелла (O'Donnell, 1979: 8), согласно которому «либерализация состоит из мер, которые, хотя и ведут к заметному смягчению бюрократического авторитарного режима (таким вещам, как эффективные юридические гарантии некоторых прав человека или введение парламентских форм правления, не основанных на свободном соревновании на выборах), однако все еще не создают того, что можно было бы назвать политической демократией».

⁷ Интервью с К. Гросом, бывшим первым секретарем Венгерской компартии в «Przegląd Tygodniowy», 51(403), Warsaw, 22 December, 1989, p.15.

⁸ Даже ситуации в Венгрии и Польше подверглись альтернативным интерпретациям. Желены (Szeleenyi, 1989) подчеркивал «низовые» аспекты венгерского перехода, а Комиссо (Comisso, 1989) упрекала Желены в том, что он оставил без внимания «верхние» элементы. Валицкий (Walicki, 1990) выступил против стандартных толкований польского перехода, приписывающих решающую роль «Солидарности», и доказывал, что он явился следствием соглашения между двумя элитами.

⁹ Даже Румыния не является примером подлинной революции. По-видимому, нам еще многое не известно об истинной подоплеке этих трагических событий. Заметим, что армия пережила крушение режима Чаушеску, сохранив в неприкосновенности свою командную структуру.

¹⁰ Согласно Карру и Фузи (Carr, Fusi, 1979: 179), в Испании класс политиков был разделен на *aperturistas*, которые полагали, что режим должен стать «открытым», и хотели заручиться более широкой поддержкой, именуемой обычно соучастием, и, с другой стороны, — на *immobilistas*. Бывший первый секретарь ПОРП Э. Герек рассказал в интервью (Rolicki, 1990: 146), что в конце 70-х годов он «намеревался ввести в сейм значительную группу, 25% католических депутатов. Это позволило бы расширить политическую базу власти».

¹¹ Подробное исследование массового движения в Испании, особенно движения профсоюзов, провел Маравалл (Maravall, 1981). Трудно сказать, насколько можно верить следующим цифрам, касающимся Болгарии. 13 ноября 1989 года газета «Нью-Йорк таймс» писала, что «болгары

пассивны»; 28 декабря она же указала, что независимый профсоюз «Подкрепа» насчитывает 5 тыс. членов. А 16 января 1990 года парижская «Либерасьон» сообщила, что число членов «Подкрепы» достигло 100 тыс. человек.

¹² Бразильский опыт не опровергает этого общего суждения. Верно, что в Бразилии борьба за демократию не вылилась на улицы до самой предвыборной кампании 1984 года. Но причина состояла в том, что *distensao* 1974 года было сразу же преобразовано в соперничество на выборах. Существовала институциональная структура, в русло которой можно было направить деятельность оппозиции, и проект либерализации потерпел неудачу из-за неожиданного успеха на выборах «Бразильского демократического движения». Подобно этому, либерализация в Советском Союзе не привела к массовым демонстрациям в русской части страны. Это произошло по двум причинам. Во-первых, массовое движение фактически поддерживалось Горбачевым, который попытался воссоздать традиционную русскую коалицию царя-батюшки и народа против бюрократии. (См. его заявления в книге «Перестройка и новое мышление».) Во-вторых, Верховный Совет был преобразован в институт вполне соревновательного характера, став ареной жестокого соперничества. Таким образом, институциональная структура была преобразована де-факто так, чтобы она соответствовала своему статусу де-юре.

¹³ Польские события 1955—1957 годов — классический пример либерализации, которая завершилась нормализацией. После периода независимой организации рабочие советы были инкорпорированы режимом, а движение студентов было подавлено. В Бразилии за неудачной попыткой либерализации в 1974 году последовал в 1975—1977 годах период, когда усиленные репрессии сочетались с мерами по повышению благосостояния населения (Andrade, 1980). Почему-то нескольких бразильских писателей удивило, что проект либерализации не удался так, как он был задуман, и они в этой связи начали различать «проект» и «процесс» (Diniz, 1986). Они наверняка не знали о существовании третьего закона декомпрессии Переца: «Всегда что-нибудь да неладно».

¹⁴ Это лучше всего выражено Миланом Кундерой: «На Вацлавской площади тошнит мужчину. Подходит случайный прохожий и говорит: "Не беспокойтесь, я вас понимаю"».

¹⁵ Чудным документом, содержащим контуры плана либерализации, является речь генерала Голбери де Кото-

и-Сильва, произнесенная в 1980 году (Golberg, 1981). Характеризуя свою первоначальную позицию, Карой Грос писал: «Мои взгляды состояли в следующем: будем двигаться вперед — смело, но с осторожностью, чтобы народ нас понял и последовал за нами... Я полагал, что партия, избавившись от двух своих радикальных крыльев, окажется в состоянии преодолеть трудности» (см. прим. 7).

¹⁶ Прекрасное изложение этой стратегии дано в статье Лешека Гонтарского «Боимся ли мы демократии?» («Czy boimy sie demokracji?» // «Zycie Warszawy», 291, Warsaw, 12—13 December, 1987, p. 3).

¹⁷ Возможно даже, что либерализаторы — это замаскированные демократизаторы со следующими предпочтениями: ПЕРЕХОД>СМДИК>СКДИК>ТДИК>ВОССТАНИЕ.

¹⁸ Касаясь либерализаций, начатых Лануссом в Аргентине (1971—1973) и Гайзелем в Бразилии (1975—1979), О'Доннелл отметил, что в каждом случае они угрожали тем, что будут «вынуждены остановить процесс, если дело пойдет чересчур далеко. Но они просто не могли остановиться; отказ от либерализации означал бы победу сторонников твердой линии над "blandos" ("мягкими")».

¹⁹ Из того, что мы знаем на сегодняшний день, следует, что министр обороны, министр внутренних дел, а также шеф тайной полиции не выполнили приказа Чаушеску о мобилизации подчиненных им частей. На последнем заседании политбюро двое последних продемонстрировали послушание и выжили, чтобы через несколько дней попытаться перейти на сторону противников. (О деталях этого заседания см.: Jean-Paul Mari, «La dernière colere de Cheausescu» // «Le Nouvel Observateur», 11 January, 1990, p. 42—45.)

²⁰ Более формальный подход к таким ситуациям содержится в работе Пшеворского (Przeworski, 1986b). Здесь необходимо дать пояснение к теории коллективного действия. Основной слабостью подхода Олсона (Olson, 1965) является допущение о «достратегическом» статус-кво. Согласно его теории, индивиды могут выбирать между бездействием и действием, нацеленным на общее благо. Но, как заметил еще Сартр (Sartre, 1960), существуют ситуации, когда можно выбирать только между действием «за» и действием «против». Когда королевские солдаты начали обыски с целью изъятия оружия на улице, которая вела к Бастилии, жителям, прятавшим это оружие, оставалось либо самим оказаться в Бастилии, либо ее разрушить. В

этих условиях «проблема коллективного действия» не является «дилеммой заключенного».

²¹ «Z generałem Jaruzelskim o stanie wojennym» // «Gazeta», Warsaw, 18 December, 1989, p. 5—6. В свою очередь генерал Кишак заметил, что «агенты министерства внутренних дел постепенно свыклись с перспективой сосуществования с оппозицией, с неизбежностью компромисса. Если бы они не были к этому готовы, то сегодня мы имели бы сопротивление и напряженность» («Przewrót niewykonywalny», интервью с генералом Чеславом Кишаком // «Gazeta», Warsaw, 11 September, 1989, p. 4).

²² Они не обязательно монолитны. Заметим, что как наследие сталинской эпохи в Восточной Европе существовали две организованные силы подавления: вооруженные силы, обеспечивавшие внешнюю оборону и подчинявшиеся Министерству обороны, и внутренние войска, которые подчинялись Министерству внутренних дел. Степень независимости тайной полиции была разной в разных странах и в разные периоды времени.

²³ Отношение буржуазии к авторитарным режимам не поддается поверхностным обобщениям. Причина состоит в следующем. У буржуазии есть три способа защитить свои интересы. 1) В условиях демократии она может организовать в партию и начать борьбу за власть. 2) В условиях любого режима она может организовать в группу давления и использовать привилегированные каналы влияния на государство. 3) В условиях любого режима децентрализованная предпринимательская деятельность сдерживает действия государства, направленные против ее интересов (по определению Пшеворского и Валлерстайна (Przeworski, Wallerstein, 1988), это структурная зависимость государства от капитала). Однако, вопреки Марксу, этот сдерживающий фактор может оказаться недостаточным, чтобы защитить буржуазию от государства. Некоторые военные режимы в Латинской Америке причинили громадный ущерб отдельным слоям буржуазии. Мартинес де Ос ликвидировал половину аргентинских фирм, а бразильские военные создали государственный сектор, который конкурировал с частными фирмами. Именно поэтому к 1978 году лидирующие слои буржуазии считали военный режим опасным. Таким образом, по крайней мере в Бразилии, антиавторитарные настроения выросли из экономического либерализма. (Об исследовании этих настроений см. Bresser, Pereira, 1978.) В свою очередь, в странах со слабым массовым движением буржуазия может успешно конкурировать в борьбе за власть и в демократических

условиях. По-видимому, так обстоит дело в Эквадоре, где независимость технобюрократов — выражение скорее стиля, чем сути экономической политики (Conaghan, 1983), — заставила буржуазию выступить против военного направления и где она не опасалась соперничества на выборах. Подобно этому в социалистических странах некоторые директора предприятий относительно рано увидели возможность превратить свою политическую силу в экономическую власть (Hankiss, 1989) и поддерживали демократизацию.

²⁴ В 1981 году в Польше умеренными считались те, кто рассматривал советскую интервенцию неизбежной; радикалами — те, кто представлял ее маловероятной.

²⁵ Первая цифра в каждой графе — значение этого исхода для реформаторов; вторая цифра — для умеренных (4 лучше 3 и т.д.). Эти цифры не характеризуют личности; они только ранжируют возможности. Поэтому умеренные могут чувствовать себя несчастными со своим второсортным выбором, в то время как реформаторы могут чувствовать себя с тем же выбором вполне счастливыми людьми.

²⁶ Ситуацию в Польше проанализировал с точки зрения теории игр Стефан Новак («Polityka», Warsaw, September, 1981).

²⁷ Это общее настроение довольно откровенно обрисовал Якуб Берман — второй человек в Польше в сталинский период — в интервью 1981 года. Касаясь послевоенных выборов, Берман сказал: «Кому мы должны были уступить власть? Может быть, Миколайчику (руководителю крестьянской партии)? Или, быть может, тем, кто стоял еще правее Миколайчика? Или еще черт знает кому? Вы сразу скажете мне, что это было бы проявлением уважения к демократии. Ну и что? Кому нужна такая демократия! Между прочим, мы не можем проводить свободные выборы и теперь, теперь еще меньше, чем 10—20 лет назад, потому что мы проиграем. В этом нет сомнения. Так какой же смысл в подобных выборах? Если, конечно, мы не захотим показаться сверхдемократами, такими джентльменами, готовыми снять шляпы и заявить: "Добро пожаловать, мы уходим в отставку, берите власть"» (цит. по: Toranska, 1985: 290).

²⁸ Такая же стратегическая ситуация была разрешена в марте 1989 года с гениальной простотой. Кто-то предложил создать верхнюю палату парламента и устроить совершенно свободные выборы в эту палату, одновременно га-

рантируя коммунистической партии и ее союзникам большинство в нижней палате и, следовательно, право формировать правительство.

²⁹ В этой игре не существует чисто стратегического равновесия.

³⁰ Последующий текст является результатом горячих споров с Ионом Элстером, который, как обычно, извлек из меня то, что я думаю на самом деле.

³¹ Стратегия, избираемая обычно в экспериментальных ситуациях, действительно максимизирует вознаграждение за труд во внеурочное время, однако это не стратегия для совершенного (perfect) равновесия. Кроме того, существует множество стратегий, поддерживающих результат сотрудничества. (По этому, в также по множеству других технических вопросов см. превосходный учебник Расмусена (Rasmusen, 1989).)

³² Я говорю «почти», потому что в Бразилии после неудачи 1974 года архитекторам «декомпрессии» удалось перегруппировать силы и сделать еще одну попытку.

³³ Именно поэтому, а не считая, что эволюционные теории институтов (Schotter, 1981, 1986) в состоянии объяснить переходы к демократии. Здесь мы имеем дело с вопросами технического порядка. Результаты, касающиеся появления кооперации в повторяющихся играх, управляют только теми ситуациями, которые повторяются точно-точно; особенно в выигрышах. На наш взгляд, мы мало еще знаем об играх, в которых составляющие их субигры в чем-то меняются с каждым следующим раундом. Бенабиб и Раднер (Benhabib, Radner, 1988) анализировали игру «труд — капитал», в которой выигрыши меняются, и обнаружили, что при очень больших изменениях от одной субигры к другой за равновесием не стоит кооперация; при изменении в выигрышах процесс монотонно движется к равновесию, за которым стоит кооперация и которое царит, как только игра становится стационарной. Такой результат интуитивно понятен, так что уместно задаться вопросом, в какой степени выигрыши меняются от одной акции к другой. Мой довод состоит в том, что по крайней мере для реформаторов они меняются радикально.

³⁴ Пусть (рис. 2.2) выигрыш для умеренных в демократии с гарантиями будет 4, а в демократии без гарантий — 3.

³⁵ Я понимаю, что на самом деле игра сложнее, чем это вытекает из моего анализа, поскольку я беру поведение сторонников твердой линии как параметрическое.

Между тем они могут, например, спровоцировать радикальные элементы, чтобы подорвать соглашение между умеренными и реформаторами. Во многих случаях перехода возникают группы, которые на первый взгляд состоят из радикалов, но на проверку оказывается, что это провокаторы. Иллюстрациями к сказанному может служить группа ГРАПО в Испании или дело Таблада в Аргентине.

³⁶ В октябре 1987 года бразильское правительство в одночасье повысило зарплату военным более чем на 100% после того, как небольшое воинское подразделение, расквартированное в столице одной из провинций, заняло здание городского магистрата. Повышение последовало уже после того, как министр финансов публично отказался его проводить.

³⁷ С тайной полицией дело обстояло иначе. В политической жизни коммунистических режимов конфликты между тайной полицией и коммунистическими партиями происходили постоянно. Тайная полиция теряла больше других от ликвидации коммунизма и в нескольких странах являлась объектом народного гнева.

³⁸ Обозначим « p » — вероятность немедленного переворота в условиях опеки, « t » — его вероятность в том же случае, но «когда-нибудь». Обозначим « q » — вероятность немедленного переворота, если правительство вводит гражданский контроль, а « c » — вероятность переворота «когда-нибудь». Тогда суммарная вероятность переворота в условиях опеки будет $p + (1-p)t$, а в условиях гражданского контроля $q + (1-q)c$.

³⁹ В 1987 году в статье «Военная политика конституционного правительства Аргентины» Фонтана подчеркнул, что в 1983 году правительство не имело четкого представления о ситуации в вооруженных силах и ошибочно считало, что военные, если дать им шанс, сами проведут чистку своих рядов; оно постоянно недооценивало солидарность разных поколений военных. Возможно, все это соответствует реальному положению вещей, но бросается в глаза, что в статье ничего не говорится о какой бы то ни было военной политике правительства.

⁴⁰ Это наблюдение принадлежит Хосе Мурильо де Карвальо.

⁴¹ Например, Делич (Delich, 1984: 135) представляет выбор, стоявший перед аргентинским демократическим правительством, следующим образом. Поскольку жестокости, совершенные военными, были санкционированы военными как институтом, по письменным приказам и

под контролем военного руководства, демократическое правительство могло только или осудить вооруженные силы в целом, или напрочь все забыть.

⁴² Вот как в октябре 1987 года Хосе Мурильо де Карвальо (Murilo de Carvalho, 1987: 18) охарактеризовал настроения бразильских политических сил в Учредительном собрании: «Трудно заметить наличие твердой политической воли, направленной на создание гегемонии гражданской власти. Как мы видели, такая воля несомненно отсутствует в политическом действии лица, занимающего президентский пост в республике, и она не проявляется однозначным образом в партии большинства, т.е. БДД. Нет необходимости говорить, что признаков такой воли не заметно в других партиях. У всякого, кто наблюдает за политической сценой новой республики, складывается впечатление, что опека военных — вполне нормальное явление и должна продолжаться в будущем».

Неудивительно поэтому, что в статье «Бразильские военные без особого шума получают то, что громогласно требует Пиночет» («Latin American Weekly Report», 15 сентября 1988 года сообщается: «Как охотно признались в частной беседе некоторые бразильские военные, если в других местах гражданские власти ломали голову над тем, сколько независимости они могут или должны предоставить военным, в Бразилии военные тщательно дозировали (предписывали) степень независимости гражданских властей».

⁴³ Хосе Антонио Чейбуб (в беседе с автором) высказал следующие критические замечания по поводу этой гипотезы. «Объяснение, основанное на предположении о страхе, который элита якобы испытывает перед массовым движением, не годится по двум причинам. Во-первых, руководители стран, которые сталкиваются с проблемой гражданского контроля над военными, поняли (или должны были понять), что защита, которую предлагают военные, одновременно представляет собой угрозу. Другими словами, их политической деятельности угрожает та самая опека, которую они желают сохранить, чтобы защититься от массовых народных выступлений. Во-вторых, мне кажется, что это объяснение может быть преобразовано в аргумент, согласно которому политическая элита в этих странах по сути своей консервативна, неизменно предпочитает риск военного переворота расширению представительной системы».

⁴⁴ Программа политических реформ, предложенная генералом Ярузельским на пленуме партии в январе 1989 го-

да, не получила поддержки большинства. После этого генерал (который был главнокомандующим вооруженными силами), министр обороны и министр внутренних дел (оба тоже генералы) заявили о своей отставке и покинули зал заседаний. Только тогда Центральный комитет счел, что желательно начать переговоры с оппозицией.

⁴⁵ Некоторые североамериканские интеллектуалы советуют теперь тем, кто борется против авторитаризма, быть порадикальнее, выступая за социальные и экономические преобразования. Фантазии такого рода содержатся в работе Камингса (Cumings, 1989).

⁴⁶ Кроме того, весь этот анализ предполагает больше знания, чем обычно имеют или могут иметь ведущие борющиеся стороны. В Польше, например, все ошибались в нескольких вещах. Партию на выборах в июне 1989 года на первом этапе поддержало так мало избирателей, что это подорвало легитимность заключенной на предварительных переговорах сделки; прежние верные союзники коммунистов решили попробовать силы в одиночку; в результате весь тщательно разработанный план перехода рассыпался. Оппозиции пришлось в последний момент пойти на дополнительные уступки, чтобы удержать реформаторов в игре. Подозреваю, что, если бы партия предвидела события, она не согласилась бы на выборы; а если бы оппозиция знала, что случится, то не пошла бы ни на какие уступки. Партийные стратеги приводили всевозможные причины, призванные объяснить, почему «Солидарность» должна была проиграть на выборах в июне 1989 года. Один видный реформатор уверял меня, что кандидаты партии получают большинство в сенате. В действительности они получили 15,8% голосов (см. Ostrowski, 1989). Но для другой стороны это тоже явилось неожиданностью. Когда Валенсу спросили, развиваются ли события так, как он предполагал, он ответил: «Мой проект отличался от того, что случилось. Что касается политики, то я намеревался ограничиться завоеваниями за круглым столом: сделать паузу и заняться экономикой и обществом. Но нам не повезло, на выборах мы победили» («Le Figaro», Paris, 26 September, 1989, p. 4)

⁴⁷ О напряженности, существующей между процедурными и содержательными аспектами конституций, см. работу Casper, 1989. В последнее время испанская конституция 1977 года ближе всего подошла к классической либеральной конституции, оговаривающей лишь правила игры и почти ничего не говорящей о результатах (кроме вопроса о частной собственности), в то время как бразильская

конституция 1988 года пришла к другой крайности, подробно перечислив социальные и экономические права.

⁴⁸ На эту тему см. статьи: Elster, Slagstad, 1988.

⁴⁹ См. работы: Rustow, 1955 и Verney, 1959.

⁵⁰ Двести лет назад при подготовке американской и французской конституций обсуждались следующие институциональные проблемы: 1) всеобщее versus ограниченное избирательное право, 2) прямые versus многоступенчатые выборы, 3) полное versus частичное обновление депутатского корпуса, (4) однопалатность versus, двухпалатность, 5) тайное versus открытое голосование, 6) парламентское versus президентское правление, 7) твердые календарные сроки выборов versus устанавливаемые по усмотрению правительства, 8) право одноразового versus многократного назначения главой исполнительной власти, 9) неприкосновенность депутатов, 10) право исполнительной власти на вето, 11) ответственность исполнительной власти, возможность ее отставки, 12) право роспуска, 13) право законодателей издавать и отменять законы, 14) верховенство законодательной власти над властью кошелька, 15) независимая судебная власть, 16) суд присяжных, открытый для публики, 17) запрет на обратную силу законов, 18) абсолютная свобода печати, 19) свобода религии, 20) институциональные барьеры между армией и полицией и 21) территориальная децентрализация права принятия решений. Этот список составил С. Холмс (см.: Hardin, Holmes, Przeworski, 1988).

⁵¹ Согласно недавнему опросу 418 представителей бразильской элиты, 71% респондентов хотел бы иметь в стране парламентскую систему. Среди них 80% политиков и журналистов, 60% профсоюзных лидеров и 45% военных («Latin American Weekly Report», 12 July, 1990, p. 5).

⁵² Кавка (Kavka, 1986: 185) называет выбор конституций «неполной (impure) координацией». Никакое соглашение не является катастрофой для обеих партий, но каждая партия предпочла бы какое-то другое соглашение. Он доказывает, что в подобных условиях стороны сначала договариваются о соглашении, а потом решат, в чем оно будет состоять. Не знаю, насколько это возможно.

⁵³ Между 1854 и 1983 годами аргентинские президенты находились на своем посту в среднем 52% положенного по конституции срока: 72% — до 1930 года и 37% — в последующее время (см.: de Pablo, 1990: 113). Конституция 1853 года предусматривала период в девять месяцев между избранием и введением в должность. Столько времени тре-

бовалось выборщикам, чтобы добраться до Буэнос-Айреса. Это положение сохранилось и после восстановления действия конституции; но первая же демократическая передача власти, от Рауля Альфонсина к Карлосу Менему, произошла в нарушение конституции. Они согласились, что страна не может терпеть столь долгий переходный период, и произвели передачу власти, не дожидаясь его окончания.

⁵⁴ Фернандо Кардосо в интервью газете «Veja», 9 September, 1987.

⁵⁵ Эрреро де Миньон считает, что испанская конституция не была «рабским подражанием» одному или нескольким иностранным образцам. Вместе с тем приводимые им факты свидетельствуют о том, что зарубежные образцы, особенно западногерманский, прослеживаются в ряде ключевых позиций.

⁵⁶ У этого предложения есть своя предыстория. В конце XVIII века поляки обратились к Руссо с просьбой составить для страны проект конституции.

⁵⁷ По словам Хардина (Hardin, 1987: 17,23), «как только вырабатывается какой-то конституционный механизм, не в наших интересах отрекаться от него. Наши интересы будут скорее удовлетворены, если мы станем придерживаться достигнутого». И далее: «Конституция 1787 г. оказалась удачной в конечном итоге потому, что немало людей действовали в ее рамках достаточно долго, чтобы убедить в бессмысленности действовать вне ее рамок». Кавка (Kavka, 1986) приходит к тому же мнению.

⁵⁸ Демократия определяется здесь как система, в которой существуют свободные выборы, правительство отвечает перед избранным парламентом или президентом и — что очень ограничивает число случаев — большинство населения имеет право голоса.

⁵⁹ Различие моих взглядов и взглядов Хардина (Hardin, 1987) и Кавка (Kavka, 1986) обусловлено разным пониманием выгод, извлекаемых из демократии. Хардин и Кавка считают их делом решенным, как только принято некоторое множество институтов, я же считаю их делом нерешенным и в известном смысле вероятным. Вероятность невыхода из игры при поражении, $p^*(1)$; выше, чем вероятность $ex ante$ выбора демократии, $p^*(0)$; на самом деле $p^*(1) = p^*(0)/g$, где $g < 1$. Кроме того, если акторы корректируют свои расчеты, сообразуя их с результатами, появляется еще одна причина, по которой $p^*(L) > p^*(0)$. Поэтому возможен актор, принимающий демократию $ex ante$,

но стремящийся разрушить ее, проиграв в первом раунде, во втором раунде и т.д.

⁶⁰ Несколько примеров рассуждения «от невежества» (*veil-of-ignorance reasoning*) можно найти в конституционной конвенции 1789 года. Согласно заметкам Мэдисона, например, Джордж Мейсон выдвигал следующий аргумент: «Мы должны позаботиться, — говорил он, — о правах людей всех классов». Он часто удивлялся безразличию высших слоев общества к этому принципу гуманности и политики, считая, что, какими бы богатствами эти слои ни обладали или каким бы высоким ни было их положение, через несколько лет их потомки смешаются с низшими слоями общества. Поэтому уже из эгоистического чувства самосохранения и заботы о членах семьи следовало рекомендовать такую политическую систему, которая бы одинаково обеспечивала права и счастье как высшим, так и низших слоев общества (Farrand, 1966: 1, 49). Этой цитатой я обязан Иону Элстеру.

⁶¹ Согласно О'Доннеллу и Шмиттеру (O'Donnell, Schmitter, 1986: IV, 73), режим — это «совокупность структур, явных или скрытых, определяющая формы и каналы доступа к ведущим правительственным постам, характеристики деятелей, которые считаются подходящими или же неподходящими для них, а также ресурсы и стратегии, которые они могут использовать для того, чтобы добиться назначения».

⁶² Таким образом, переговоры о форме переговорного стола вовсе не базарная склока. Находящийся у власти режим имеет основания опасаться, что он окажется двухсторонним, поскольку это объединило бы оппозицию. Польское решение состояло в том, чтобы сделать стол круглым. Венгерский путь заключался в том, чтобы сделать его трехсторонним, но принято было «восьмистороннее» решение.

⁶³ Заметим, что демократическая оппозиция не могла сплотиться в Испании, пока не умер Франко. Главным вопросом было участие коммунистов (см.: Carr, Fusi, 1979). Чилийская оппозиция столкнулась с той же трудностью.

⁶⁴ Ситуация в нескольких восточноевропейских странах была особенно сложной, потому что любая новая партия левых неизбежно должна была бы включить какое-то число бывших коммунистов и в то же время союз с ними был бы равносильен смерти. В Польше отдельные группы в антикоммунистической коалиции пытались спровоцировать раскол на левых и правых, поскольку хорошо пони-

мали, что ожидает на выборах те силы, которые будут причислены к левым (см. статью в «Tygodnik Solidarnosc», Warsaw, 22 December, 1989). В свою очередь те, кого окрестили левыми, были вынуждены утверждать, что внутри коалиции не существует серьезных расхождений и нет оснований для раскола. Заметим, что потребовалось пять лет, чтобы БДД размежевалось на идеологические течения. Созданное первоначально для того, чтобы служить фасадом авторитарного режима, БДД было единственным прикрытием оппозиционной деятельности и в качестве такового стало «зонтиком», под которым собрались самые разные политические силы. Никто не сомневался, что это искусственное образование распадется на естественные составные части, как только политические партии смогут действовать легально. Казалось, что ожидания сбываются, когда от движения откололось правое крыло, образовавшее «Народную партию». Однако раскол длился недолго, и в своем новом воплощении БДД превратилось в крупнейшую партию страны, которая образовала филиалы на местах и продолжала одерживать победы на выборах вплоть до 1989 года.

⁶⁵ Поскольку в основе последующего рассуждения лежит определенный взгляд на представительную систему, есть смысл его изложить. Представительная система — это система, в которой 1) существуют независимые организации; 2) они разделены на лидеров и последователей; 3) лидеры способны а) формировать коллективную идентичность, б) контролировать стратегическое поведение последователей и в) наказывать за измену; 4) лидеры являются представителями, т.е. участвуют в работе представительных институтов, и 5) представительство лидеров влияет на благосостояние последователей. Организованные политические силы принимают участие в демократических институтах, если верят, что эта деятельность влияет на уровень их благосостояния.

⁶⁶ Вятр предложил аналогичное устройство для Польши, назвав его контрактной демократией.

⁶⁷ Такие пакты нельзя назвать сделками, поскольку нет третьей стороны, контролирующей их исполнение. Чтобы быть жизненными, они должны обеспечивать равновесие. Но соглашение, касающееся ограничения конкуренции, обеспечивает равновесие, только если оно эффективно блокирует аутсайдеров. Источником ренты является монополия.

⁶⁸ Главную трудность для этой гипотезы представляют Соединенные Штаты, где существуют очень серьезные барьеры на пути к власти, где представительная сила политических партий минимальна и где имеет место сравнительно высокое экономическое неравенство, — все это при относительно низком уровне политического подавления. Возникает соблазн объяснять эту аномалию так, как объясняли ее применительно к своей стране некоторые бразильцы (Andrade, 1980) и (Moises, 1986), считавшие свое гражданское общество слабым, что означает, как я это понимаю, что оно неспособно организоваться и проложить себе дорогу в представительную систему. Однако гражданское общество в Соединенных Штатах, по-видимому, является чрезвычайно сильным, по крайней мере если мы верим в иные возможности участия в политической жизни, кроме выборов. Думаю, что подавление в США исторически сыграло значительно большую роль, чем это принято считать.

⁶⁹ Последующий текст — результат нескольких бесед с Гильермо О'Доннеллом о наших родных странах — Аргентине и Польше.

⁷⁰ Роман Дмовский до 1939 года был духовным и политическим лидером польских национал-демократов. Восьмое издание его классической работы «*Mysli nowoczesnego polaka*», написанной в 1903 году, было опубликовано в Польше в 1989 году.

⁷¹ Этот органицистский язык пользуется печальной известностью в Аргентине. Несколько примеров приводит О'Доннел (O'Donnell, 1989). Я вспоминаю речь командующего вооруженными силами при президенте Альфонсине в 1988 году: «Мы — иммунологическая система, защищавшая нацию от вируса разрушения» («*Página 12*», Buenos Ayres, September, 1988). Во время дебатов в польском парламенте по проблеме абортс сенатор Качинский, лидер проваленсовской партии, заявил, что «все добропорядочные поляки против абортс», а те, кто их поддерживает, — «худшая часть нации» («*Liberation*», 1 October, 1990, p. 19).

⁷² Наиболее откровенным и пронизательным документом, свидетельствующим о напряженности, которую породила эта дилемма, являются мемуары Я. Куроня «*Wiara i Wina: Do i od Komunizmu*» (1990).

⁷³ На мой взгляд, Гавел путает разрушительную силу правды в режимах с ритуализированной речью с приверженностью принципу свободы слова тех, кто говорил

правду, борясь против этих режимов. Заявить «мы нация со своей собственной культурой» при коммунизме значило высказаться против советского господства; те же слова в условиях демократии могут означать, что отрицавшие эту культуру люди вообще не имеют права говорить. Не следует забывать, что политическая культура, которую подавляли коммунисты после второй мировой войны, была тем сплавом национализма, религии и авторитаризма, который породил несколько диктатур в период между мировыми войнами. Эта культура была заморожена при коммунистическом правлении, и у нее не было ни одного шанса развиваться в направлении демократии, как это произошло во Франции, Италии и Финляндии. Во многом как раз эта культура «оттаяла» осенью 1989 года.

⁷⁴ Общим местом стало говорить о силе католической церкви в Польше. Однако это действительно удивительный феномен. Обладая огромным политическим влиянием, церковь оказалась неэффективной в качестве моральной власти. Повсеместно наблюдается практика контроля над рождаемостью, аборт — слишком частое явление, уровень разводов высок, алкоголизм принимает все более угрожающий размах, быстрыми темпами растет количество преступлений. Воздействие церкви на повседневное моральное поведение населения минимально. А это естественно вынуждает церковь к авторитарной позиции: вместо убеждения она начинает использовать принуждение. Чтобы затруднить расторжение браков, слушание подобных дел перенесли в более высокие судебные инстанции; во время летних каникул министр просвещения своим распоряжением сделал религиозные занятия обязательной составной частью программы дошкольного и школьного обучения; аборт теперь наказуем в уголовном порядке.

⁷⁵ Следует ли всех скопом бывших членов номенклатуры лишать политических прав? Следует ли их удалять из бюрократического аппарата? Во всех восточноевропейских странах призывы к чистке находят широкую поддержку населения. Но соответствуют ли подобные чистки принципам правового государства? Адам Михник в недавнем выступлении почти по-дантовски сказал: «Когда мы лишаем других политических прав, мы отнимаем эти права у самих себя» (Венский семинар по демократии в Восточной Европе, июнь 1990 года). Наиболее подробно, по моему мнению, эту проблему осветил Bence (1990).

⁷⁶ Если обратиться к нашим современникам, то сторонник твердой линии, первый секретарь чехословацкой

коммунистической партии Милош Якеш обвинил организаторов демонстрации в Праге в стремлении вызвать хаос и анархию («New York Times», 21 November, 1989). То же самое говорил Эрих Хонеккер, а также несколько противников Горбачева, выступавших на февральском (1990) Пленуме ЦК.

⁷⁷ На эти социальные факторы мое внимание обратил Филипп Шмиттер.

⁷⁸ Меня, помню, поразило тот факт, что на первом заседании в 1979 году участников проекта демократизации О'Доннелла — Шмиттера работа Баррингтона Мура даже не была упомянута.

⁷⁹ Интуиция подсказывает мне, что более тонкий анализ может все-таки показать единообразие действия экономических факторов: либерализация начинается тогда, когда за длительным периодом роста следует экономический кризис. Возможно, что для подтверждения выводов, сделанных индуктивно, пока просто не хватает эмпирического материала.

Г л а в а 3

КАПИТАЛИЗМ И СОЦИАЛИЗМ

ВВЕДЕНИЕ

«Мы могли бы накормить каждого», — заметила с уверенностью моя дочь за обедом. Интересно, могли бы?

Она имела в виду, что «мы» — человечество — обладаем технологическими и организационными возможностями, чтобы в ближайшем будущем производить достаточно для удовлетворения основных потребностей каждого на земле. И однако мы этого не делаем. Вместо этого мы платим обрабатывающим землю людям, чтобы они не сеяли, виноградарям — чтобы они превращали свой урожай в ядовитые жидкости, овцеводам — чтобы не выращивали особей женского пола. Мы берем то, что производят фермеры, и создаем горы из масла, с которых можно чуть ли не кататься на лыжах. И мы делаем все это, в то время как миллионы людей голодают.

Абсурдность ситуации очевидна. Однако мы научились ее как бы не замечать. И действительно, мы раздаем подачки людям, которые считают этот мир рациональным, под давлением обстоятельств, которые мы преднамеренно не создавали. И именно под давлением этих обстоятельств, если нельзя сделать ничего лучше, делать все от нас зависящее и будет рациональным. На самом ли деле эти обстоятельства не созданы нами преднамеренно?

Эта проблема восходит к промышленной революции (Elster, 1975). Мое поколение является, пожалуй, последним, которое может доверять в разумных пределах и принимать участие в реализации проекта (blueprint), который определился в Европе между 1848 и 1891 годами и состоял в «разумном управлении делами для удовлетворения человеческих потребностей», называемом социализмом. Сегодня,

когда рыночные реформы проводятся в странах, уже переживших «социализм на земле», этому призраку больше не доверяют.

Хорошая экономическая система производила бы как можно больше из того, в чем люди нуждаются¹ с наименьшими затратами природных ресурсов и труда для обеспечения минимума материального благосостояния каждому. Ни капитализм, ни социализм, в том виде, в каком мы их знаем, не смогли сделать этого. Отсюда вопросы: является ли социальная организация этих экономических систем причиной неполного использования производственного потенциала? Неужели развал социализма подтверждает несостоятельность социалистической критики капитализма как иррациональной системы? Могут ли эти системы быть реформированы, чтобы обеспечить материальное благополучие для каждого?

Для изучения этих вопросов я начну с определенных и прояснения логической структуры проблемы. Затем я перейду к рассмотрению критики капитализма и социализма. Эта критика касается 1) проектов, 2) осуществимости этих проектов, 3) реальных экономических систем и 4) возможности реформировать существующие системы. В заключение я вернусь к центральным вопросам.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

Под «капитализмом» я понимаю любую экономическую систему, в которой 1) оптимальное разделение труда так высоко развито, что некоторая группа людей обеспечивает потребности других людей 2) средства производства и труд находятся в частной собственности и 3) существуют рынки для обоих. Под «социализмом» я понимаю любую систему, в которой 1) разделение труда в равной мере развито, 2) средства производства находятся в общественной собственности и 3) большая часть производственных ресурсов, по крайней мере на услуги, распределяется централизованно. Другие способы организации экономических систем, включая «рыночный социа-

лизм», могут относиться к обсуждаемым системам, но я буду использовать термин «социализм» как синоним командного централизованного распределения ресурсов.

Прежде чем начать обсуждение предмета, нам необходимы некоторые критерии правильности заключений. И защитники капитализма, и адвокаты социализма часто перечисляют недостатки одной системы в качестве аргументов в пользу другой. Бедность и угнетение при капитализме используются в защиту социализма; недостатки централизованного планирования служат аргументами в поддержку капитализма. Однако такие выводы не верны, если не верны несколько условий (Dunn, 1984: ch. 1). По крайней мере, что бы ни было не в порядке с капитализмом (социализмом), должно быть исправлено при социализме (капитализме). Аргумент типа, если что-то не в порядке с одной системой, потому что этот недостаток присущ всем системам, не подходит для нашей дискуссии. Однако вместо перечисления условий будет лучше сначала разобраться, почему сравнение капитализма и социализма представляет большую трудность.

Эндогенные предпочтения

Предпочтение экономической системы может быть эндогенным. Рассмотрим таблицу 3.1, в которой предпочтение типа II должно читаться как «индивидуум, который живет при I, предпочитает J»².

Таблица 3.1.

Предпочтение экономической системы

		Предпочтение	
		Капитализм	Социализм
Личность при	Капитализме	CC	CS
	Социализме	SC	SS

Назовем комбинации предпочтений CC и SS «консервативными», а комбинации SC и CS «революционными». И консервативные и революционные предпочтения являются эндогенными.

Далее. Сторонники обеих систем иногда предлагают не принимать во внимание консервативные предпочтения. Их рассуждения состоят в следующем: 1) Люди, которые живут при системе I, предпочитают систему I системе J, потому что не знают достоинств J. 2) Если бы они жили при системе J, они бы предпочитали J системе I. 3) Поэтому предпочтение I при I (или J при J) не является «аутентичным», «верным» или «независимым». Люди, которые предпочитают социализм при социализме, идеологизированы, утверждают психологические исследования, финансировавшиеся Департаментом обороны США. Диктатура переходного периода оправдывается, потому что люди нуждаются в «перевоспитании» — суждение, которое является коммунистической противоположностью предшествующему суждению³. Однако сама симметрия данного аргумента опровергает его.

Сходная симметрия работает против революционных предпочтений. Хотя число капиталистических систем за последнее время⁴ увеличилось, многие интеллектуалы и бедные люди продолжают рассматривать социализм как наиболее предпочтительную экономическую систему. В свою очередь, большинство групп, не включающих неквалифицированных рабочих, и партийные бюрократы на Востоке выбирают капитализм. Как в пьесе Славомира Мрожека мы бы вальсировали при таком предпочтении из одной системы в другую по мере появления каждого нового поколения.

Эндогенные предпочтения не могут служить основой для суждения о разных системах⁵.

Проекты и действительность

Для страдающих людей альтернатива может выглядеть как надежда. Они стремятся сравнить действительность своей системы с проектами (blueprints),

характерными для альтернативной: рационально спланированная для удовлетворения их потребностей экономика или рынки, которые открывают возможности и гарантируют эффективность. А так как мы все знаем только свои собственные жизненные условия, большинство из нас имеет представления о других системах только из вторых рук. Я подозреваю, что если предпочтения революционные, то чаще потому, что мы стремимся сравнивать реальность собственной системы с проектами, свойственными для чужой.

Под «проектом» я подразумеваю модель системы, которая гарантирует ее приверженцам все предположения. А единственным аргументом против проекта может быть его неосуществимость. Например, защитники капитализма могут допускать, что проект социализма лучше проекта капитализма, но указывать на то, что некоторые основные элементы, предполагаемые моделью социализма, нереальны. А так как споры о неосуществимости влекут за собой фактические контраргументы, то они могут быть неразрешимыми. И поскольку мы действительно делаем выводы о них, то я буду использовать термин «осуществимый проект» в качестве модели системы, основанной только на предположениях, которые гарантируются разумными доводами⁶.

Итак, если проекты совершеннее любой реальности, то их сравнение с реальностью всегда ведет к эндогенным предпочтениям; это очевидно. Кроме того, если и проект и реальность входят в таблицу для выбора, то предпочтения могут быть реально проконтролированы: интересно, сколько левых интеллектуалов предпочитают проект социализма проекту капитализма, капиталистическую реальность — социалистической. Однако было бы нереально требовать, чтобы в ходе сравнения проект противопоставлялся проекту, а реальность реальности. Мы — политические существа, и потому суждения о проектах влияют на оценку реальности⁷.

В частности, один критерий, который входит в нашу оценку, является наилучшим воплощением каждой из систем. Как мы знаем, реальность осу-

шествляется в бесконечных вариациях и градациях, и существуют основные различия между капиталистическими и социалистическими странами. Причина, по которой Швеция так важна для дискуссии об экономических системах, в том, что для многих людей она является реальным примером капитализма в лучшем своем проявлении. Перуанец может поставить социалистический проект выше капиталистического, Швецию предпочесть лучшему воплощению «социализма на земле», а Кубу — Перу.

Классовые основы предпочтений

Заметьте, что до сих пор мы исследовали только предпочтения абстрактных индивидов, «людей, живущих при...». А индивидуальные предпочтения могут отдаваться вдоль линий личного интереса, т.е. класса. И в самом деле, насколько бы ни были скудными наши сведения, они свидетельствуют, что бедные люди и интеллектуалы капиталистического Юга и бедняки и бюрократы социалистического Востока с большей степенью вероятности будут выступать за социализм. Другие же группы при обеих системах будут выступать за капитализм⁸. Следовательно, предпочтения отдаются, исходя из личной заинтересованности; они имеют классовую основу и экзогенны по отношению к экономическим системам, при которых люди живут.

И даже если каждый согласен, что хорошая экономическая система производит так много, как только возможно для удовлетворения потребностей и наиболее эффективным способом, этот критерий не будет достаточным для выбора распределения. Эффективность совместима со многими способами распределения благосостояния. Как мы далее увидим, необходимы некоторые дополнительные критерии, и камнем преткновения рассуждений о рациональности экономических систем является вопрос, совместим ли первый критерий с различными возможными вариантами второго⁹.

В настоящий момент наиболее важно то, что определенные комбинации этих критериев в различной

степени влияют на благосостояние индивидов с различными возможностями. Если на их предпочтение влияет личный интерес, люди, чьи возможности высоких заработков ограничены при капитализме, предпочитают социализм; люди, чьи способности хорошо заработать ограничены при социализме, предпочитают капитализм. Отсюда видно, что выбор экономической системы имеет классовую основу.

КАПИТАЛИЗМ И СОЦИАЛИЗМ

Обесценивает ли развал социалистической системы социалистическую критику капитализма как иррациональной системы? Здесь я попытаюсь ответить на этот вопрос в терминах проектов, их осуществимости и реальной действительности.

Проекты

Социалистическая критика капитализма часто странна, непоследовательна и очень часто эксцентрична. Она несет отпечаток XIX века; само понятие, что любая децентрализованная социальная система может упорядочено функционировать, все еще приводит в замешательство многих социалистических критиков капитализма¹⁰. И они пугающе невежественны, ибо просто отмахиваются от доводов в пользу капитализма. Однако же я убежден, что основной марксистский довод об иррациональности капитализма является и фундаментальным, и верным.

Чтобы сформулировать эту критику современным способом, нам необходимо реконструировать проект капитализма, т.е. вспомнить о той модели капитализма, которая гарантирует ее сторонникам все допущения, за исключением осуществимости. Этот проект был разработан в последние годы жизни Маркса Уолрасом (Walras, 1874) и Эджуортом (Edgeworth, 1881) и затем был переформулирован Парето (Pareto, 1927), Пигу (Pigou, 1932) и другими. Эта модель проста. Индивиды знают, что им нужно, они обладают возможностями, обмениваются товарами и

заняты в производстве, когда сами того желают. При равновесии никто не хочет делать то, что другие делают или будут делать; или, соответственно, ожидания, при которых индивиды действуют, все выполняются. Кроме того, при равновесии все рынки не затовариваются. Следовательно, цены, за которые люди обмениваются товарами, отражают их предпочтения и относительный дефицит; эти цены указывают индивидам на возможности, мимо которых они проходят. В результате ресурсы распределяются таким образом, что все доходы от торговли истощаются, а распределение в результате не будет изменяться по правилу единодушия. Это и есть три эквивалентных определения коллективного рационализма (оптимальность по Парето)¹¹.

Умеренная марксистская критика этой модели сводится к утверждению, что капитализм производит излишние траты¹². Критики называют несколько причин: 1) «анархия» капиталистического производства, 2) «противоречие» между индивидуальной и коллективной рациональностью, 3) «противоречие» между производительными силами и производственными отношениями. К тому же «излишние траты», вовлеченные в каждое из этих объяснений, различны: анархия вызывает истощение существующих способностей и даже уже произведенных предметов потребления, в то время как истощение, вызываемое двумя противоречиями, касается возможностей¹³. С моей точки зрения первый пункт критики верен, но относится к осуществимости, а не к самому проекту. Второй подход не в состоянии провести разграничение и неправильно направлен. В это же время третий пункт критики непосредственно направлен против проекта и является верным и важным.

Критика анархии касается 1) эффективности конкурентного равновесия и 2) осуществимости бесплатного регулирования до состояния, в котором ожидания, при которых отдельные деятели принимают решения, одновременно выполняются¹⁴. Обе проблемы являются очень сложными.

Во-первых, в свете последних разработок неоклассической теории труд и капитал не используют-

ся в полной мере, и конечные рынки затовариваются в равновесии, потому что работодатели, кредиторы и потребители должны платить своего рода взносы, чтобы гарантировать, что продавцы поставляли товары и услуги заранее обговоренного качества¹⁵. Причиной является невозможность организовать «совершенный рынок», т.е. такой рынок, который точно обозначит требования пропорционально каждому возможному состоянию природы (Arrow, 1964). И, как показал Штиглиц, при таких условиях равновесие распределения не будет эффективным. Если бы наемные продавцы вели себя в интересах своего руководства, то некоторые бы могли получить прибыль и никто ничего не потерял бы¹⁶. Таким образом, капитализм неэффективен даже при конкурентном равновесии. Единственный способ увидеть это заключается в понимании, что, если наемные рабочие работали бы с полной отдачей, они бы не требовали дорогостоящего контроля, чтобы приложить тот же объем усилий¹⁷.

Во-вторых, даже если конкурентный баланс эффективен, как предполагает идеальный проект капитализма, бесплатное регулирование этого баланса может быть неосуществимым или по тому, что децентрализованные экономики никогда не находятся в равновесии, или потому, что регулирование осуществляется лишь частично. Кажется, даже сам Маркс имел сомнения по существу первого пункта и твердо придерживался второго. По первому пункту он допускал, что капиталистические рынки иногда не затовариваются, но только случайно¹⁸. Он разработал разветвленную теорию о «кризисах» перепроизводства и недопотребления, которая стала основной опорой экономических теорий его последователей. Во время этих кризисов труд и капитал не востребованы, и рынки продукции затовариваются. Следовательно, излишние траты относятся к уже имеющимся факторам производства и товаров.

Неоклассическая теория не преуспела в объяснении того, как происходит регуляция. Как Фишер авторитетно резюмирует состояние современной науки (Fischer, 1989: 36), «сама сила и элегантность анализа

баланса часто затевают тот факт, что он зиждется на шаткой основе. Мы не обладаем сходной элегантной теорией, что происходит за рамками баланса, как участники процесса ведут себя, когда их планы нарушаются. В результате, мы не имеем достаточного основания верить, что баланса можно достичь или баланс поддерживать, когда он нарушен». Чтобы доказать конвергенцию, модели должны опираться или на допущение централизованного «акционера», или на неразумные и несостоятельные предположения. Однако введение акционера нарушает, как отмечает Хан (Hahn, 1989: 64), само предположение, что информация децентрализована. Следовательно, неоклассические модели следуют удивительным характеристикам по Парето только потому, что они игнорируют проблемы регулирования. В свою очередь австрийские модели, которые предполагают, что торговля осуществляется из равновесия, не поддерживают выводы Парето¹⁹.

Отсюда видно, что критика анархии вытекает из последних разработок экономической теории. Однако, действительно ли доказывает эта критика иррациональность капитализма зависит от того, может ли избежать этого недостатка капитализма какая-либо альтернативная экономическая организация. А так как я сомневаюсь, что этого можно достигнуть, я не рассматриваю эту критику как решающую.

Заявление, что при капитализме отдельные рациональные действия ведут к коллективной иррациональности, запутанно по двум положениям: неверно по первому и неправильно ориентировано относительно второго. Маркс полагал, что конкуренция заставляет отдельные фирмы делать капиталовложения таким образом, что общий, т.е. их личный, уровень прибыли падает²⁰. Доказано, что этот довод неверен. Вообще, если потребители конкурируют и не имеется внешних факторов, увеличение не возводится в степень и никто не страдает близорукостью, то конфликт между отдельной и коллективной рациональностью не существует. Распределение благ в результате неограниченного обмена между отдельными деятелями является коллективно рациональным в

вышесказанном смысле. И только если какое-нибудь из этих условий нарушается, то рациональность отдельных поступков отклоняется от рациональности коллективных.

На самом деле в реальной экономике эти условия нарушаются, с этим никто не спорит. А вывод, который из этого можно сделать, заключается всего лишь в том, что любой умеренный проект капитализма должен обладать способностью справляться с такими ситуациями, при которых индивидуальный и социальный уровни дохода расходятся. И как раз последние проекты Пигу справляются с этой ситуацией. Один способ заключается во введении правильного фискального вмешательства; другой заключается в перераспределении прав на собственность. Следовательно, даже при капитализме рынки могут выполнять только то, что они хорошо выполняют, и государство может прийти на помощь там, где рынки бессильны.

По словам Эрроу (Arrow, 1971: 137), «если рынок не может достичь оптимального состояния, то общество может достичь, по крайней мере до некоторой степени; признайте существование пропасти, и появляются нерыночные общественные учреждения, которые сделают попытку перекинуть мостик через эту пропасть». Этот довод радует многих марксистов, которые с ликованием отмечают, что капитализм не может существовать без государственного вмешательства. На самом деле это притупляет марксистскую критику: капитализм не меньше и не больше, чем социализм, способен разрешать все ситуации, в которых уровень общественного дохода отклоняется от частного²¹.

Расчистив себе дорогу мы приходим к заявлению, что капитализм ведет к систематическому недоиспользованию производственного потенциала. Поскольку противоречие между производственными отношениями и производительными силами является предметом обсуждения огромного количества книг, большинство из которых связано с авторитетной реконструкцией Дж.А.Козном марксистской концепции истории, и так как тема, которую я собираюсь затронуть, достаточно узкая, я постараюсь избежать обсуждения других трактовок этого противоречия.

Моя версия исходит из того, что капитализм является иррациональным, потому что не имеет технически осуществимых способов распределения благ. Мы можем обладать технологическими и организационными средствами, чтобы накормить каждого на земле, и мы можем хотеть накормить каждого и все же мы не будем в состоянии сделать это при капитализме. Вот мои доводы.

Представьте себе экономику, в которой два участника — P и W . Если объем производства не зависит от уровня прибыли на вложения, которые контролируются этими участниками, то при данном состоянии технологии все распределения благ, которые прибавляются к этому уровню объема производства, являются достижимыми. Эти распределения представлены линией с наклоном при коэффициенте -1 на рисунке 3.1. Полностью равное распределение лежит в точке пересечения — E переднего края этой внешней возможности и линии, которая отходит от начала под углом в 45° .

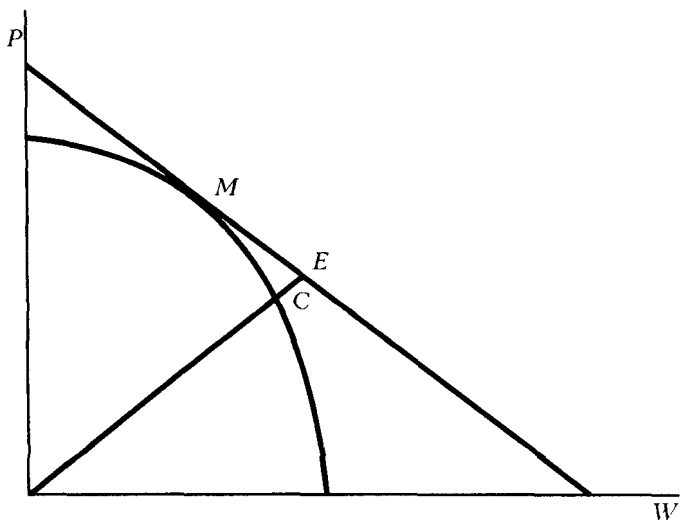

Рис. 3.1

При капитализме выпуск действительно зависит от уровня дохода на вложения. Если капиталисты получают всю прибыль от капитала, а рабочие — всю прибыль от труда, тогда ресурсы будут эффективно распределены, а распределение дохода будет отражать пограничную производительность этих двух факторов; это точка М. Но, если капиталисты или рабочие будут получать меньше, чем всю прибыль, т.е. если распределение дохода отклонится от конкурентного рынка, то они изымут свой капитал или труд, и ресурсы будут недоиспользованы.

При капитализме вложение — капитал или рабочая сила — является частной собственностью, и участники, которые решают использовать ли их и как использовать, заинтересованы в прибыли. Частная собственность предполагает, что собственники имеют право забрать свои вложения из производства, если не ожидают получить соответствующего уровня прибыли. Как пишут Ауманн и Курц (Aumann, Kurz, 1977: 1139), «каждый участник, если хочет, может разрушить часть или все вложение полностью». Предположим, что наемные рабочие имеют возможность поднять уровень зарплат выше конкурентного уровня или правительство облагает прибыль налогами и передает доход наемным рабочим так, чтобы уравнивать благосостояние, достигая точки на линии в 45° . Тогда владельцы прибыли уменьшат свои вложения, и выпуск продукции станет точкой С на внутренней (капиталистической) линии возможностей. Точки же Е невозможно достичь при капитализме. На самом деле никакая точка, кроме М, не может быть достигнута на внешней кривой²².

Отсюда, когда конечное распределение благ отклоняется от распределения, которое производится конкурентными рынками, граница возможностей падает быстрее, чем при коэффициенте -1. Владельцы прибыли будут использовать свои ресурсы в полной мере тогда и только тогда, когда они получают весь доход сверх предельного продукта наемных рабочих. Иначе они недопоставят свои вложения, ресурсы будут использованы не до конца, а капитализм приведет к неэффективному, т.е. со знаком

минус, коллективно иррациональному перераспределению.

Предположим, что вместо того чтобы выбросить уже произведенную пищу, мы распределим ее среди бедных. Тогда цена продуктов упадет, фермеры будут получать более низкий доход, и они будут производить меньше. Кроме того, некоторые люди, которые производят продукты питания для себя, сочтут более доходным какое-либо другое производство и станут получать бесплатные продукты. Или допустим, мы будем платить фермерам за производство, будем поддерживать цены на сельскохозяйственные продукты из налогов и распределять продукты между бедными. Но тогда уровень прибыли упадет во всей экономике, а выпуск других товаров потребления снизится. Фактически мы делаем и то и другое или из сострадания, или по другим причинам. Но при капитализме мы делаем это ценой уменьшения выпуска продукции ниже потенциального уровня²³.

Следовательно, капитализм является иррациональным в том смысле, что при этой системе мы не можем использовать весь производственный потенциал, не вознаграждая тех, кто контролирует производственные вложения. Даже если мы представим капиталистический проект со всеми улучшениями, то мы обнаружим, что технически возможное распределение благ является недоступным при капиталистической системе²⁴. Как прекрасно выразил это Эльсон (Elson, 1988: 18), при капитализме «выбор в малом не обеспечивает выбора в большом». Отдельные люди могут выбирать, но общество в целом не может.

Зачем же тогда противопоставлять отдельных людей обществу? Не является ли «выбор общества» выбором конкурирующих индивидов? Основание для заявления, что капитализм иррационален, проистекает из факта, что индивиды являются одновременно и участниками экономического процесса, и гражданами. Распределение ресурсов, которое они предпочитают как граждане в основном не совпадает с тем, к которому они приходят через рынок. Капитализм является системой, при которой ограничен-

ные ресурсы находятся в частном владении. Однако при капитализме собственность преднамеренно отделена от власти. В результате этого существуют два механизма распределения ресурсов для использования: рынок и государство. Рынок — это механизм, при котором отдельные люди голосуют за распределение их собственных ресурсов и при котором эти ресурсы распределяются неравномерно; государство является системой, которая распределяет ресурсы, которыми не владеет, с правами, распределенными независимо от рыночного результата. Оба механизма ведут к одинаковому результату только по случайной случайности.

Демократия в политической сфере обостряет это отклонение, уравнивая права влияния на распределение ресурсов. На самом деле распределение потребления через рынок и распределение, предпочитаемое гражданами общества, должны различаться, так как демократия предоставляет тем, кто беден, угнетен или несчастен, вследствие первоначального распределения вложений, возможность исправить положение посредством вмешательства государства.

Отсюда, если «народ» (в понимании XVIII века) является повелителем, то он предпочитает такое распределение и перераспределение ресурсов, которое отличается от результатов рыночного. Именно этого предпочтения невозможно достичь, когда капиталовложения находятся в частном владении и распределяются децентрализованным образом. Даже если отдельные люди как граждане общества выражают свое коллективное предпочтение определенному распределению, когда существуют все материальные условия для осуществления этого предпочтения, при капитализме недостижимо демократически выбранное распределение²⁵.

Предполагает ли данная критика капитализма, что внешняя возможная граница будет достижима при социализме в случае, если бы ресурсы распределялись разумно для удовлетворения человеческих потребностей? Можем ли мы достичь точки Е — полного использования производственного потенциала и уравнительного распределения благ? Я не

могу придумать такой критики проекта социализма, которая опровергла бы эту возможность. Если бы отдельные люди правдиво называли свои потребности и свой производственный потенциал, если бы они прилагали усилия, независимо от вознаграждения, если бы планирующие действовали как идеальные участники экономики и разрешали проблемы распределения оптимальным образом, то социализм реализовал бы все свои чудесные свойства, которые рекламируют его сторонники²⁶. Но все, что отсюда следует, это то, что умеренная критика социализма направлена не на его проект, а на осуществимость этого проекта и его реальные воплощения.

Осуществимость

Споры об осуществимости наиболее ожесточены потому, что аргументы здесь наименее убедительны. Как только все предположения приняты, обсуждения проектов обязывают только к логическим выводам. Но заключения по поводу осуществимости призывают к суждениям. Поэтому они оставляют больше места для разногласий.

Существует три пункта социалистической критики подхода к проекту капитализма: 1) капитализм невозможен без государственного вмешательства, 2) капитализм никогда не сможет, или сможет дорогой ценой, достичь такого равновесия, которому его сторонники приписывают все достоинства, и 3) капитализм — это саморазрушающаяся система, потому что неминуемо ведет к монополии. Я уже обсуждал первый пункт выше: полагаю, что от него можно отмахнуться вопросом: «Ну и что?» Второй пункт кажется верным. Трудно принять идею, что рынки постоянно пребывают в конкурентном равновесии; заявления, что регулирование влечет за собой потери, очень правдоподобны. Наконец довод о том, что конкурентные рынки являются саморазрушающимися, очевидно, до некоторой степени верен²⁷.

Аргументы относительно осуществимости, в свою очередь, вредят и социализму. Сначала позвольте мне обрисовать проект социализма.

Домашнее хозяйство имеет свои потребности. Фирмы обладают возможностями производить удовлетворяющие эти потребности предметы. Планирующий получает информацию о потребностях домашнего хозяйства и о производственных мощностях фирмы и рассчитывает, как распределить ресурсы между фирмами и как распределить конечную продукцию между хозяевами, чтобы удовлетворить потребности до возможной степени при данных ресурсах (рис. 3.2).

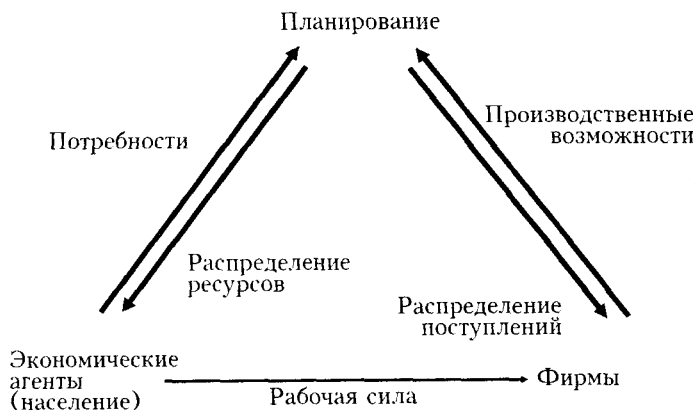

Рис. 3.2

Результатом является рациональное управление делами для удовлетворения потребностей²⁸.

Критика осуществимости социализма распадается на две категории: 1) Даже при точной информации планирующий не сможет решить проблему из-за ее сложности. 2) Если индивидуумы заинтересованы, то планирующий не сможет получить достоверную информацию о потребностях и возможностях фирм; кроме того, планирующий не действует в интересах общего благосостояния.

Спор о «социалистическом планировании» имеет собственную историю. Я не буду приводить здесь основные ее положения. Заявление, что планирующие

обязательно не справятся с явной сложностью проблемы, приобрело новое значение в неоклассическом обрамлении и в австрийском подходе²⁹. Даже если проблема планирующих могла бы быть в принципе решена, все равно стоящая перед ними задача была бы грандиозна. Пару лет назад советские экономисты планировали, что при реформированной системе Госплан будет устанавливать между 1500 и 2000 цен на основные продукты, еще от 20 000 до 30 000 цен будет контролироваться специальными агентствами, а оставшиеся цены будут определяться контрактами между поставщиками и потребителями (Петраков, Ясин, 1988). Трудно представить, как такое огромное количество цен можно правильно регулировать даже при использовании компьютеров³⁰.

Даже если планирующий способен разрешить проблему вычислений, вопрос об осуществимости социализма зависит от предположения, что отдельные люди — и в хозяйствах, и фирмах, и планирующие — становятся совладельцами произведенного богатства, что они действуют спонтанно в поддержку коллективного благосостояния³¹. Характерно то, что хозяйства правдиво информируют планирующего о своих потребностях, фирмы — о своих производственных мощностях, а планирующие действуют как идеальные агенты для общества.

Ни одно из этих допущений не работало в реальных социалистических системах. Это не может быть решающим аргументом, так как легко заявлять, что недемократичная природа принятия экономических решений в социалистических странах разрушила саму идею социалистического владения собственностью³². Но очевидно, что это понятие игнорирует проблему свободных выводов. «Собственность всех людей (государственная собственность), основная форма социалистической собственности», как гласит каноническая советская фраза, не является ничьей собственностью. В своем анализе Бутенко (Бутенко, 1988: гл. 5) указывал, что отдельные производители не являются собственниками средств производства, а только совладельцами, благодаря их участию в управляющей общей собственностью организации.

Этот факт влечет за собой несколько последствий. С одной стороны, воровство у самого себя является индивидуально рациональным, так как «отчужденная» для себя часть больше, чем доля отдельного человека в общей потере. С другой стороны, в контексте воспоминаний Карла Коша Бутенко показывает, что национализация средств производства не является достаточным условием для социализации этих средств, так как отношения между ролью индивидумов как сопроизводителей с их ролью как совладельцев затрагивают всю экономическую и политическую систему в целом.

Во-первых, если индивидумы обладают частными интересами, даже когда они совместно владеют производственными средствами, то хозяйства будут преувеличивать их потребности. Конечно, планирующий не обязан полагаться на изъятые потребности, предпочтения, чтобы решить, что производить и как распределять. В бедной стране срочность некоторых потребностей очевидна любому наблюдателю. Планирующий может полагаться на некоторую теорию потребностей для решения о минимальном рационе калорий, который должен быть в первую очередь гарантирован каждому, за которым следуют потребности в жилье, медицинской помощи, образовании и т.д. Или планирующий может полагаться на анонимные исследования хозяйств и действовать на основе обобщенных ответов. В этом и заключалась изначальная идея планирования. Однако эти методы не сработают, как только потребности станут более дифференцированными. А если планирующий полагается на выраженные потребности, хозяйства обладают тенденцией неадекватно излагать свои потребности³³.

Во-вторых, фирмы имеют много причин не афишировать все свои производственные возможности. Если фирмы поощряются (или наказываются) в зависимости от решения задач, зафиксированных в плане, то они нуждаются в защите от непредвиденных событий.

В-третьих, отдельные люди могут увиливать от производства³⁴. Наконец, если люди, осуществляющие планирование, заинтересованы и если они не

конкурируют³⁵, то они ведут себя как бюрократы, т.е. согласно любимой цитате Нова из Троцкого: «Они никогда не забывают о себе, когда им надо что либо распределять».

Если верить основной идее статьи Гурвича (Hurwicz, 1973), то было сделано несколько попыток изобрести механизм, который бы обеспечивал планирующего достоверной информацией, даже если отдельные личности имеют собственный интерес и их знание — их тайна³⁶. Однако все такие механизмы или слишком сложны для претворения на практике или нарушают одно из допущений³⁷. Отсюда по крайней мере аргументы в пользу осуществимости социализма должны основываться на предположении, что обобществление средств производства заставляет индивидуумов принять социалистические предпочтения, а это предположение нереально. Коллективная собственность действительно создает дополнительные проблемы, и надежда, что предпочтения изменятся, ничтожна. Правда заключается в том, что единственным известным на сегодня механизмом, с помощью которого люди могут информировать друг друга о своих потребностях, является ценовой механизм. И этот механизм работает, только когда отдельные лица отвечают за последствия своих решений своим материальным благосостоянием. Отсюда следует, что социализм неосуществим.

Некоторые могут спорить, что неразумно приходить к такому заключению из суждения о «первой самой лучшей» социалистической системе. Допустим, что хозяйства слегка преувеличивают свои потребности, что фирмы преуменьшают свои производительные мощности, рабочие иногда отлынивают от работы, а планирующие заботятся о своих личных интересах прежде, чем об общих. Даже если социализм на земле не совсем соответствует своему проекту, неужели необходимо признать, что он неосуществим?

Проблема заключается в том, что второе самое лучшее воплощение социализма не является стабильным государством. Планирующий распределяет входящие и исходящие директивы, которые предположительно должны обеспечивать выполнение до-

стижения целей. Но если план несостоятелен (некоторые фирмы не могут выполнить задачи при данных исходных условиях) или если произойдет нечто экзогенно неожиданное, или если какая-либо фирма отклонится от плана, то некоторые фирмы оказываются без необходимых условий на начало производства, и тогда весь план распадается. Отсюда планы, которые сформулированы в физических терминах и параметрах, всегда нарушаются³⁸. А планы, сформулированные в показателях, требуют взвешенности, т.е. цен. Поэтому социалистические экономики фактически не спланированы³⁹. Они работают только потому, что изначально спланированное распределение постоянно корректируется постфактум фирмами, которые ищут поддерживающие мощности сами, и планирующими, которые пытаются вернуть себе контроль над процессом распределения⁴⁰.

Планирование поэтому лучше всего определяется как постоянная игра между планирующим и фирмами. И игра не приводит к стабильному распределению, даже если не существует экзогенных событий и технологических изменений. Планирующий видит, что фирмы нашли способ обойти план, и реагирует директивами, которые замыкают порочный круг. В свою очередь фирмы пытаются обеспечить себе необходимые поддерживающие мощности и избежать контроля планирующего. Планирующий издает новые директивы, фирмы находят новые способы и т.д. Следовательно, система планирования постоянно усложняется, даже если экономика остается такой же. И однажды фирмы окажутся в таком положении, что не смогут действовать соответственно с планом — всей системой директив и распределения, даже если они этого хотят.

Когда планирующие дезинформированы и блюдут собственные интересы, а производители отлынивают, результаты производства могут быть меньше, чем при капитализме, при любом распределении благ. Результаты социалистического производства могут быть меньше капиталистического: при социализме мы, возможно, не сможем накормить каждого, потому что мы не сможем производить достаточно.

Действительность

Невозможно сказать, какая из моделей, капиталистическая или социалистическая, была более успешной на практике. Расхождения в условиях и в весе, в соответствии с которыми сводятся (т.е. как бы суммируются) различные результаты производства, поразительное несоответствие в использовании мощностей на входе, различия в начальных позициях и в сравнительных преимуществах делают данное суждение почти бессмысленным. Детальные сравнения отдельных аспектов функционирования экономики и материального благосостояния приводят к заключениям, которые зависят от рассматриваемых размера и периода⁴¹. Не существует даже причин для споров о том, что капиталистическая система более эффективна, а социалистическая гарантирует работу, равноправие и надежность. С одной стороны, в течение длительного периода суммарная скорость роста социалистических стран соответствовала скорости роста наиболее быстро развивающихся капиталистических экономик. С другой стороны, накапливаются доказательства неравенства доходов в Советском Союзе и Восточной Европе и ухудшения функционирования социальных служб⁴².

Если систематическое наблюдение не подтверждает даже предварительных выводов, согласие, что социалистическая модель просто потерпела неудачу, ставит в тупик. И это согласие широко распространено. Национализация средств производства больше не оживляет социалистических движений на Западе и даже на капиталистическом Юге, в то же время в нескольких восточноевропейских странах центральное планирование приобрело самую дурную славу. Чувство лишения очень остро; но опыт нищеты не является специфической особенностью социалистических стран. Поразительно, но в то время как в Бразилии люди считают свои лишения результатом несправедливости, в Польше респонденты склонны считать лишения результатом нерациональности социалистической системы⁴³.

Одним из объяснений этого загадочного явления может быть то, что доступные источники систематически переоценивают социалистическое производство. Структура социалистической экономики на входе — выходе неэффективна, она использует в 1,8 раза больше энергии и более чем вдвое больше стали, чем капиталистические страны для производства одинакового количества продукции⁴⁴. Иллюстрации иррациональности имеются в большом количестве: говорят, что половина сельскохозяйственной продукции в Советском Союзе пропадает, прежде чем достигнет потребительского рынка; зимой дети катаются с покрытых снегом гор удобрений, которые окружают железнодорожные станции в ожидании доставки в сельские хозяйства; стоимость товаров, которые никто не хочет брать даже бесплатно, в чешских магазинах равняется стоимости экономического прироста за два года; соотношение мощностей на входе и произведенных товаров на венгерских фабриках в пять раз ниже, чем на Западе и т.д. Показатели уровня благосостояния так же удивительны: социалистические страны имеют больше врачей на душу населения, выше число поступающих в высшие учебные заведения, больше ведется строительства — и в тоже время меньше продолжительность жизни, выше общая смертность, ниже производительность труда и ниже строительные стандарты.

Возможно, наиболее сложной проблемой в сравнении функционирования социалистической и капиталистической экономики является вопрос о единице измерения. В сравнении с какими странами нужно измерять прогресс Советского Союза, Польши, Китая? Хрущев сделал целью соревнования обогнать Великобританию, но многие сопоставляли Советский Союз и Соединенные Штаты, так как они находились в военном противостоянии. Сегодня многие советские и западные наблюдатели относят Советский Союз к странам третьего мира. Однако Восточная Европа находится все же в Европе; ссылка на развитый капиталистический Запад неизбежно делается ежедневной демонстрацией жизненного уровня на Западе в средствах массовой информации

и подкрепляется личными наблюдениями путешественников по миру людей. А эти сравнения неутешительны и болезненны. Почему не может Восточная Германия быть, как Западная? Я думаю, что на этот вопрос ответ кроется в существовании «экономической системы».

Наконец необходимо принять во внимание тщетные ожидания. Сталинизм предполагал, что развитие социализма беспредельно. Когда я жил в детстве в Польше, каждая стена там была оклеена красными графиками, которые росли и росли в то, что Александр Зиновьев назвал «лучезарным будущим». Социализм победит природу; он построит все — дамбы, сталелитейные заводы, небоскребы — больше, чем при капитализме; он приведет общество в царство порядка и разума. Но природа все же взяла свое. Сегодня в Европе самым экологически неблагоприятным местом является область, где граничат Чехословакия, Восточная Германия и Польша. «Больше» теперь также относится к ошибкам: после обширной ирригации на Украине снизилась урожайность на гектар пашни из-за засоления почвы⁴⁵. Нерациональность социализма была настолько всеобъемлюща, что люди проводили большую часть жизни, пытаясь бороться с ней.

Поэтому есть веские причины не доверять общим цифрам. Но что наиболее важно, так это то, что ни капитализм, ни социализм не преуспели в искоренении нищеты. Более того, обе системы потерпели неудачу в обеспечении постоянного роста.

Послевоенный опыт социалистического Востока и нескольких стран капиталистического Юга представляет собой две разных попытки преодолеть свое слабое развитие и установить экономическую независимость. Восточноевропейская модель представляет государственную собственность на производственные ресурсы, распределяющиеся централизованным командным методом, и авторитарную стратегию развития, определяемую производством средств производства. Капиталистический образец, часто называемый «объединенное зависимое капиталистическое развитие», представляет собой частную соб-

ственность, активную роль государства и значительную долю протекционизма, направленного на индустриализацию типа импорт — замена.

Обе стратегии были успешны длительный период, и несколько стран создали уникальную производственную базу. С 1960-го по 1980 год валовый национальный продукт латиноамериканских стран вырос в целом до 5,2%, а в Восточной Европе уровень роста превысил 6%. Несколько стран пережили периоды, когда промышленное производство возросло вдвое.

Но что поражает сегодня, так это то, что развитие просто остановилось и на капиталистическом Юге, и на социалистическом Востоке в 1970-х годах. Между 1980 и 1985 годами. Средний рост ВВП в Латинской Америке составил 0,0%. В эти годы три страны, по данным МВФ, — Венгрия, Польша и Югославия — имели средний прирост в 1,0%. Потребление на душу населения упало во многих странах⁴⁶. Ни одна из моделей не обеспечивала роста⁴⁷. В самом деле, экономический кризис в Аргентине, Бразилии и Мексике, а также в Венгрии, Польше и Югославии был беспрецедентным в истории этих стран.

Отсюда следует, что реальность ничуть нам не поможет. В реальном мире люди голодают, тогда как производственный потенциал недоиспользуется или недоразвит.

Что возможно реформировать?

Капитализм — иррационален; социализм — неосуществим; в реальном мире люди голодают — эти умозаключения не вдохновляют. Но возможно, в мире можно удовлетворить основные человеческие потребности, даже если экономические системы, в которых мы живем, останутся несовершенными по сравнению с утопиями XIX века; даже если они грешат некоторой иррациональностью и несправедливостью. Может ли быть частично реформирован социализм или капитализм, чтобы накормить каждого?

Реформирование социализма

Реформа являлась эндемическим феноменом при социализме. Так как экономика, основанная на центральном планировании, не содержит автоматического механизма саморегулирования, реформу необходимо было проводить каждый раз, когда результаты ее деятельности были ужасающими. Следовательно, реформы — территориального управления, экономического управления, планирования, системы стимулирования — были обычным ритуалом в социалистических странах⁴⁸. Однако сегодня широко распространено мнение, что частичные реформы не могут быть эффективны; дефект кроется в самой системе.

Цели реформирования по большей мере были одинаковы везде. Они заключались в попытке рационализировать процесс вложений и сбалансировать потребительские рынки. Но как бы ни совпадали цели, методы радикально различались. Некоторые реформы начинались для «усовершенствования» существующей командной системы; другие вводили рыночные отношения. К первым относились реформы 1963—1970 годов в Восточной Германии; ко вторым — реформы в Венгрии после 1968 года.

Может ли социализм быть реформирован? Давайте рассмотрим усилия Советского Союза сохранить основные черты социалистической системы: реформы конца 1980-х годов, начатые, чтобы обеспечить производителям финансовую автономию и ответственность, но не рынки. В программном тезисе архитектор этих реформ, Л.Абалкин (Абалкин, 1988: 44, 47), отвергал все экономические механизмы, «которые чужды социалистической собственности, то есть все те, что провоцируют кризисы, анархию производства, безработицу и разделение общества на классы». Он продолжал утверждать, что при социалистической системе производства ценовые механизмы функционируют по-другому, чем при капитализме, и «становятся инструментами планового экономического управления». Два разработавших детали этого проекта экономиста говорили

об «интегрировании ценовой политики в процесс планирования» и распределяли ответственность за управление ценами между центральным планирующим органом, промежуточными уровнями бюрократии, ассоциациями производителей и потребителей (Петраков, Ясин, 1988: 64).

Общими усилиями эти реформы должны были бы увеличить роль экономического стимулирования, усовершенствовать административный контроль над инвестициями и переориентировать приоритеты — смесь, которая потерпела неудачу в достижении результатов в прошлом⁴⁹.

Эта неудача имеет две хорошо известные достаточные причины: 1) прибыльность является бесполезным критерием для распределения ресурсов, если прибыль является всего лишь разницей между ценами мощностей на входе, установленными сидящими в одной комнате бюрократами, и установленными в соседней комнате ценами на произведенную продукцию; 2) требование о децентрализации распределения ресурсов идет снизу, так как руководители не имеют другого способа получения необходимых мощностей на входе, кроме как через команды сверху⁵⁰. Следовательно, не включающие рыночные механизмы реформы не могут рационализировать распределение ресурсов и спонтанно рушатся даже без сопротивления бюрократов. В свою очередь, идея о внедрении частичных рынков, использования рыночных цен в качестве инструмента планирования является непоследовательной. Как указывает Нов в отношении к модели Ланжа, невозможно иметь рынок товаров народного потребления без механизма, который бы заставлял сектор средств производства реагировать на этот рынок. Этим механизмом может быть или рынок средств производства, или центральное бюро планирования, единственной задачей планирующих в котором будет задача угадывать, как будет реагировать рынок⁵¹.

Следовательно, я не верю, что социалистическая командная система распределения ресурсов может быть реформирована.

Рыночный социализм

До сих пор мой анализ выражался в терминах механизмов распределения ресурсов и распределения доходов. Это по той причине, что я не верю, что мы знаем, 1) играют ли формы собственности роль в работе фирм и 2) является ли наблюдаемое распределение форм собственности, особенно малочисленные частные кооперативы, зависимым от их функционирования. Несмотря на популярность идеи рыночного социализма, у нас все еще нет теории фирм для оправдания этого предпочтения⁵².

Во-первых, несколько вопросов определения. Если рыночный социализм является системой, которая узаконивает почти все формы собственности и распределяет большую часть ресурсов через рынки, то тогда она идентична с капитализмом. Все капиталистические страны резервируют для государства собственность некоторых предприятий, не только тюрьмы и налоговые службы, но часто и естественные монополии (отрасли промышленности, которые имеют увеличивающийся доход или внешние факторы потребления), а временами даже добычу соли, производство спичек или продажу алкогольных напитков. Фактически все капиталистические экономики «смешанные». Общественный сектор может быть от 6% в Швеции до 50% в Австрии. А за пределами не зарезервированных для государства секторов кооперативы не являются запрещенными при капитализме; просто так происходит — по не вполне понятным причинам, — что когда люди могут создать любой тип фирмы, то подавляющее большинство фирм основывается на частном капитале и наемном труде⁵³.

Отсюда если рыночный социализм есть отдельная система, то он должен узаконивать привилегированное положение кооперативов рабочих, как в проекте осуществимого социализма Нова. Во многих капиталистических странах централизованные государственные корпорации доставляют почту, общественные предприятия производят легковые автомобили, небольшие частные фирмы управляют рестора-

нами, а частные водопроводчики устраняют течь. Разница между капитализмом и рыночным социализмом заключается в том, что при капитализме есть большие частные фирмы, которые доставляют почту и производят машины; Нов ((Nove, 1983: 200), а также (Putterman, 1986: 328)), запретил бы их и оставил поле деятельности для кооперативов.

Но кто может решить, что будет кооперативным, а что будет частным, капиталистическим? Элстер указывает, что децентрализованный выбор производителей может и в основном приводит к лучшим результатам, чем при голосовании. При наличии внешних факторов люди могут проголосовать за экономику с 70% кооперативов, но они могут свободно образовать только 30%⁵⁴. Как я понимаю, эта ситуация представляет собой важную дилемму: результаты демократического выбора могут быть не оптимальны, тогда как свободные децентрализованные решения в прошлом привели к капитализму.

Если не принимать во внимание эти сомнения, два довода часто используются для доказательства превосходства кооперативов над капиталистическими фирмами: эффективность, заметно большая производительность труда, и лучшее распределение. Так как первый из этих доводов был недавно рассмотрен Элстером ((Elster, 1989), а также (Elster, Moene, 1989), (Putterman, 1986)), я предлагаю только несколько незначительных комментариев.

Во-первых, Элстер прав в том, когда подчеркивает важность внешних факторов: кооперативы могут по-разному функционировать в разных условиях. Это верно не только при капитализме, но и при социализме. Кооперативы потому так бросались в глаза и были вызывающе рентабельны в Польше и Советском Союзе, что централизованная система распределения была столь неэффективна, что предпринимательский и даже «чистый» австрийский доход падал как манна небесная на каждого, кому было позволено заниматься этим делом⁵⁵. А если функционирование кооперативов зависит от наличия централизованных государственных фирм, общественных предприятий и частных компаний, то

оптимальная экономическая система может быть смешанной⁵⁶.

Во-вторых, хотя по Элстеру и Моэну (Elster, Moene, 1989: 27) эмпирические исследования постоянно показывают, что производительность труда выше в нескольких кооперативах, которые существуют при капитализме, они отмечают, что «теоретические дискуссии обычно приводят к заключению, что его влияние негативно». По-моему, результаты теоретического анализа зависят от 1) модели процесса труда, приписываемой капиталистическим фирмам, и 2) допущения, которые принимаются в связи со взаимным руководством. Если предположить как Баулес и Гинтис в своих последних статьях, что при капитализме рабочие прилежно трудятся потому, что за каждым из них следит фирма (и потому, что потерять работу дороже), и если предположить, что взаимоконтроль будет стратегией равновесия на принадлежащей рабочим фирме, тогда кооперативы трудящихся будут более производительны; рабочие будут работать по меньшей мере также много, но фирма выиграет на стоимости контроля⁵⁷. Это было традиционным социалистическим микроаргументом за обобществление средств производства. Но оба этих предположения были раскритикованы Буравым (Burawoy, 1979), который писал, что 1) на самом деле рабочие при капитализме тоже контролируют друг друга и 2) организация производства на деле больше зависит от размера фирмы, а не типа собственности. Кажется, Буравой предполагает, что на деле капиталистическая фирма заключает субдоговор с группами рабочих, оговаривая при этом параметры выполняемых ими работ, и что эти группы решают, до какой степени эти параметры должны выполняться и их выполнение контролироваться⁵⁸. Похоже, его сравнения США и Венгрии показывают, что размер фирмы является решающим фактором в организации производства.

Споры о рабочих кооперативах касаются также и производительности труда, их влияния на занятость, инвестиции, склонность воспринимать технологические усовершенствования и состояние риска. Их

влияние на занятость наиболее противоречиво. Ранние модели приходили к такому положению потому, что они не вполне учитывали рабочих, увеличивая средний, а не общий доход — (Ward, 1957), но это заключение больше не соответствует истине. Последняя статья Моена (Моене, 1989: 87, 93), в частности, очень показательна, так как он правильно сравнивает кооператив не с «чисто» капиталистической фирмой, но с такой, в которой сильны профсоюзы. Он приходит к следующим заключениям: 1) «капиталистическая фирма имеет тенденцию устанавливать фиксированную зарплату и непостоянную занятость, тогда как кооператив стремится устанавливать фиксированную занятость и непостоянный доход» и 2) «недоинвестирование кажется одной из основных проблем капиталистических фирм с объединенным в профсоюзы общим фондом рабочих». В основном кажется, что достигаемые выводы по одной из этих тем очень зависят от проблем организации: от правил управления членством и финансированием кооперативов.

При всех неясностях в отношении кооперативов Элстер (Elster, 1989: 110) приходит к выводу, что при всех основаниях эффективности «нет причин для экспериментов с этой формой собственности. В конце концов существует множество реформ, которые по большому счету могут иметь хорошие качества — даже если срабатывают плохо в мелочах, — но общество не может продолжать пробовать их только на основании возможности». Но затем он совершает фокус и заявляет, что он бы продолжил, так как «основным доводом за кооперативы является их экономическая справедливость».

Я специально избегал темы справедливости, так как полагаю, что легче согласиться, что накормить каждого — хорошо, чем согласиться почему. Некоторые люди захотели бы искоренить нищету на основании идеи кантианской справедливости («я мог быть ими»); другие просто из сострадания. Но как же тогда традиционное социалистическое заявление, что капитализм не только иррационален, но и несправедлив и что только социалистическая собствен-

ность обеспечивает каждому право на все плоды его или ее труда?

Сначала заметьте, что размышления о распределении в прошлом обеспечивали и продолжают обеспечивать в некоторых странах важный импульс к движению к социализму некоторого рода. Одним из способов для работающих узнать стоимость распределения при капитализме, давно предложенным Полом Самуэльсоном, является рассмотрение пропорций всего потребляемого владельцами капитала дохода. Вся выпускаемая продукция в любой капиталистической экономике может быть разделена на потребление работающих за зарплату и инвестиции и потребление капиталистов. Последняя часть навсегда потеряна для рабочих; это цена, которую они платят за частную собственность на средства производства. И эта цена значительно разнится в разных капиталистических странах: в 1985 году на каждый вложенный в производство доллар потребление капиталистов варьировалось от десяти центов в Австрии и Норвегии до сорока центов в Великобритании и Соединенных Штатах, до шестидесяти центов в Бразилии и семидесяти центов в Аргентине⁵⁹. Следовательно, в терминах распределения австрийские и норвежские рабочие мало что выиграют от национализации и социализации⁶⁰. Так как национализация имеет свои неизбежные издержки, им лучше полагаться на власть рынка и влияние избирателей. Британские рабочие и рабочие Соединенных Штатов больше выиграют от передела доходов и прямого владения средствами производства: это и приводит к частым забастовкам. А влияние национализации на распределение в Аргентине и Бразилии было бы огромным. Если бы разница доходов между верхними и нижними слоями населения была ограничена в пять раз в социалистической Бразилии, то доход 20% беднейших жителей увеличился бы в десять раз. Следовательно, в Аргентине и Бразилии национализация привлекательна для работающих только по причинам распределения.

Однако парадокс заключается в том, что те рабочие движения, которые могли бы привести некото-

рую форму социализма законодательно, не хотят этого делать, а те движения, которые много выиграли бы от передачи средств производства в общественную собственность, не имеют возможности сделать это. Следовательно, социализм как программа общественной собственности на средства производства является политической целью только тех движений, которые не могут ее осуществить.

И наконец, рыночный социализм действительно кажется привлекательным с точки зрения распределения. Даже если мы не можем точно осознать его влияние на занятость, инвестиции и производительность труда, соединение кооперативов с рынками превосходило бы капитализм в уравнивающем распределении доходов. Если мы представляем рыночный социализм как систему, в которой существует рынок труда и капитала, т.е. если будучи акционером в кооперативе возможно и одновременно обязательно работать в нем и эти права — обязательства могут поменяться местами, то при равновесии уровень прибыли на всю сумму вложений будет одинаковым во всей экономике. Распределение связанных с этим равновесием доходов будет более уравнивающим, чем при капитализме, так как наемные трудящиеся получают полный доход фирмы⁶¹.

В свою очередь заявление, что рыночный социализм может быть системой индустриальной демократии в том смысле, что процесс производства будет демократичным, кажется необоснованным. Если находящиеся в собственности рабочих фирмы участвуют в конкуренции и если какой-то способ организации производства увеличивает до максимума прибыль, то они будут вынуждены избрать этот способ организации. В свою очередь, если несколько способов организации производства увеличивают прибыль до максимума, то капиталистам будет все равно, и если рабочие предпочтут какой-нибудь один, то капиталисты примут его. Следовательно, рабочим кооперативам будет нечего менять.

Кроме того, так как при рыночном социализме использование ресурсов будет зависеть от уровня прибыли, эта система пострадает от социальной не-

доступности технически осуществимого распределения богатства — нами отмечавшаяся характерная иррациональность капитализма. Даже если инструменты производства находятся в кооперативном владении, окончательное распределение доходов между кооператорами будет зависеть от их начального вклада, и попытки перераспределить доходы приведут к уменьшению выпуска продукции⁶².

Следовательно, рыночный социализм будет все же не в ладу с демократией. Принцип, что каждый имеет равные экономические права, недостаточен для демократии ни в производстве, ни в экономике в целом. Рыночный социализм не является полным осуществлением демократии в сфере экономики⁶³.

Социал-демократия

Может ли быть реформирован капитализм? Ответ будет очевидно положительным: некоторые капиталистические страны преуспели в обеспечении основной материальной защищенности для каждого, хотя даже в этих странах капитализм можно критиковать по некоторым позициям⁶⁴. Искоренение нищеты является достаточным критерием успеха в мире, где миллиарды людей страдают от бедности. Когда около тридцати миллионов людей в Соединенных Штатах и около сорока миллионов в Советском Союзе живут в условиях абсолютной бедности — не говоря уже о Китае, Индии или Бразилии — материальным условиям в Швеции, Норвегии и Франции можно позавидовать.

Капиталистические экономики крайне разнородны. Они существенно отличаются по уровню развития, распределению дохода и роли государства в гарантировании материального благосостояния. В наиболее развитых капиталистических странах доход на душу населения в двадцать раз больше, чем в беднейших⁶⁵. Рожденный в Бангладеш или Заире человек может прожить на тридцать лет меньше, чем кто-нибудь в Западной Европе. Занятый на производстве рабочий приносит домой менее 20% прибавочной стоимости в большинстве южноамерикан-

ских стран и более 60% в Нидерландах и Австрии. Человек из 20% верхушки домашних хозяйств в Бразилии или Перу обладает доходом в тридцать раз большим, чем кто-либо из низших 20%, тогда как в нескольких западноевропейских странах и Японии эта диспропорция уменьшена больше, чем в пять раз. Наконец центральные правительства распределяют менее 2% своих трат на жилищное строительство, социальные гарантии и благосостояние в Индонезии и Эквадоре, но более половины — в Испании, Швейцарии, Швеции и Западной Германии⁶⁶. Таким образом, для многих людей капитализм олицетворяет крайнюю нищету, в то время как для других он генерирует изобилие.

В поиске стран, которые искоренили нищету, — богатых стран, с уравнительным распределением заработанных доходов и развитой системой благосостояния, — наталкиваешься на трудные проблемы и множество неизвестных. 1) Все страны, где нет бедных, капиталистические⁶⁷. 2) Статистический анализ развитых капиталистических стран постоянно показывает, что лучшее функционирование экономики, меньшее неравенство доходов, расширенные социальные службы можно найти только в развитых капиталистических странах, которые объединяют сильные профсоюзы и социал-демократический контроль правительства (см.: Lange, Gargett, 1985; Hicks, 1988). 3) Ни одна комплексная теория не может объяснить экономическое развитие⁶⁸. 4) Остается неясным влияние демократии в политической сфере на экономическое развитие. 5) Кажется неверным утверждение, что развитие некоторых капиталистических стран стало возможным потому, что они эксплуатировали другие страны.

Понятно, что тот факт, что капитализм был реформирован в Швеции, не предполагает, будто его можно реформировать в Перу, даже если скандинавское изобилие не является результатом эксплуатации нищеты Южной Америки. Но в некоторых странах капитализм можно реформировать: накормить каждого. Как это возможно?

Основная посылка социал-демократии состоит в том, что национализация средств производства не обязательна для преодоления иррациональности капитализма, т.е. для снижения уровня благосостояния, причиной которых являются унаследованные от частной собственности на средства производства права. Эта посылка противоречит и реконструированному выше марксистскому анализу, и (идентичным) взглядам неолибералов⁶⁹. В соответствии с этими взглядами каждая попытка перераспределения доходов ведет к «потерям», т.е. изъятию ресурсов из производственного использования. Налоги на заработанный доход вызывают уменьшение обеспечения трудящихся; налоги на прибыль вызывают снижение накоплений и инвестиций. В свою очередь перевод удешевляет свободное время и усугубляет влияние налогов, заставляя бедных людей работать меньше. Однако, несмотря на свою кажущуюся непогрешимость, этот довод не подтверждается эмпирическим анализом. По крайней мере в рассматриваемом диапазоне уровня налогов обеспечение работой взрослых мужчин и уровень накопления и вложения, кажется, не зависят от налогообложения⁷⁰. Одной из причин является то, что относительно малое количество людей имеет возможность решать, сколько часов в день работать; большинство должно работать полный день или не работать вообще. Но более важно для нас то, что разные формы налогов и переводов имеют различное влияние на решения владельцев по использованию их вложений. По крайней мере на бумаге налоги на потенциальные заработки и на потребление с прибыли являются нейтральными по отношению к уровню занятости и инвестициям⁷¹. Даже если возможны полностью нейтральные налоги, различные комбинации налогов и переводов являются причиной различных размеров потерь общей доли (Becker, 1976). Страны с сильными профсоюзами и с длительным опытом социал-демократии показывают лучшую зависимость между безработицей и инфляцией, а также между долей труда и инвестиций.

Следовательно, правительства, которые хотят искоренить нищету с минимальными потерями эффективности, беспомощны в капиталистических экономиках: социально демократическая модель является теоретически жизнеспособной. Правительства могут поощрять технологический прогресс; они могут противодействовать экономическим отклонениям; они могут управлять инвестициями; они могут обеспечить мобильность трудовых ресурсов; они могут создавать социальные службы и поддерживать уровень доходов. Степень иррациональности при капитализме не является данностью. Правительства, избранные с правом гарантировать материальную надежность, обладают инструментами для достижения этих целей.

Могли бы мы накормить каждого?

Таким образом мы пришли к следующим заключениям. Социалистическая критика иррациональности капитализма верна, но социалистическая альтернатива неосуществима. В свою очередь, социал-демократия — система, в которой не запрещены никакие формы собственности и в которой государство играет активную роль в регулировании рынков и перераспределении доходов (рыночный социализм) или система, в которой большие фирмы принадлежат работающим в них людям или обществу и государство играет ту же роль по отношению к рынкам — обе предлагают разумную альтернативу. Обе могут гарантировать эффективное функционирование рынков и обе могут создавать человеческое распределение благосостояния.

Я не вижу оснований, по которым следует выбирать между социал-демократией и рыночным социализмом. Владение, понимаемое как право на остаточный доход и на принятие решений по поводу распределения ресурсов, не влияет на эффективность. Если государство соответственно организует и управляет рынками, то они гарантируют, что управляющие фирм — частных, кооперативных, общественных ли — увеличивают прибыль до максимума. В

свою очередь, если государство выберет соответствующие инструменты налогообложения и эффективные способы предоставления социальных услуг и гарантирования доходов, то оно может гарантировать каждому минимум благосостояния.

Правда, поддержание рынков сохранит некоторые особенности, которые социалисты считают вредными. Они по-прежнему будут иррациональными в том смысле, что всеобщая сытость может быть гарантирована только ценой недоиспользования производственного потенциала. Более того, они все еще будут вести к изрядной доле неравенства; условием эффективности является то, что владельцы более производительных фабрик получают большую прибыль. А так как даже рынки с государственным вмешательством являются хорошей альтернативой, современное разочарование в центральном планировании не может остановить нас от поисков лучшего варианта системы, которая позволит согласовать экономику с выраженными через демократический процесс коллективными предпочтениями не сопровождаясь ее неэффективностью.

Можем ли мы тогда накормить каждого? Эта проблема имеет два аспекта. Во-первых, каковы гипотетические условия, при которых это будет возможно? Во-вторых, могут ли быть эти условия реализованы? И если в поисках ответа мы были вынуждены обратиться к капитализму и социализму в их утопической, исторически реализованной форме, то только для того, чтобы исключить те ответы, которые не обеспечивают достаточных условий или кажутся неосуществимыми. То, что остается, звучит так: можем ли мы накормить каждого при системах, опирающихся на рынки, несмотря на их иррациональность?

Необходимым условием для того, чтобы накормить каждого, является «значительное изобилие», т.е. есть уровень развития производственных мощностей, способный гарантировать всеобщую сытость даже тогда, когда необходимое для удовлетворения всеобщих потребностей перераспределение доходов вызывает потери выпуска продукции⁷². Я представ-

ляю себе такую мировую экономику, в которой большинство решений по использованию капиталовложений является частными и ориентированными на уровень прибыли, и предполагаю, что их владельцы — частные, общественные или кооперативные — имеют право изъять ресурсы из производства, когда прибыльность снижается или большей стоимостью зарплаты, или налогообложением. Следовательно, необходимая для наших целей производственная мощность не определяется уровнем выпуска продукции, который будет создан без перераспределения доходов. Этот выпуск продукции может быть достаточен для удовлетворения основных потребностей каждого, но он не будет достигнут, если потребности каждого не будут удовлетворены: в этом вся иррациональность капитализма. Большая производственная мощность может быть нужна для обеспечения всеобщей сытости.

Достигнуто ли уже значительное изобилие? Ответ зависит от 1) стоимости удовлетворения основных потребностей каждого, 2) настоящего технологического и организационного уровня производства и 3) степени, до которой этот уровень может быть недоиспользован, если бы уровень прибыльности снизился из-за перераспределения дохода. Я не знаю ответа; он зависит от большого числа технических проблем. Но я подозреваю, что мы где-то близко подошли к нему.

Следовательно, даже если рыночные экономики сохраняют иррациональность и несправедливость, при достаточном изобилии правительство, облеченное народом властью по искоренению нищеты и избравшее политику, которая снижает до минимума потери общей доли, может проследить, чтобы основные потребности каждого были удовлетворены. Все, что необходимо, — это такое государство, которое организует эффективные рынки, обложит налогами тех, кто может это себе позволить, и использует годовой доход для обеспечения материального благосостояния каждого. Однако государства почти нигде не преуспевают в решении этой простой проблемы.

Примечания

¹ Я полагаю, что люди знают или способны понять, что им необходимо. Отсюда я понимаю под потребностями субъективно определенное желание или выбор из всех произведенных товаров, свободного времени и затрат труда.

² Сходная таблица имеется у Элстера (Elster, 1986). Марксистская литература 1960-х и 1970-х годов полна доводов о «неаутентичных потребностях». В этих рассказах люди, живущие при капитализме, предпочитают его только потому, что он создает искусственные потребительские потребности и удовлетворяет их. Если бы людям было позволено иметь настоящие человеческие, а не эти отчужденные потребности, то они выбрали бы социализм.

⁴ См. информацию о Бразилии у Уэффорта (Weffort, 1989) сравнение подходов молодых и пожилых людей во Франции, Моатти (1989), обзор данных по Великобритании относительно подхода к национализации (Kalyvas, 1989).

⁵ Джон Элстер указывал мне, что такие сравнения были бы верны, если бы мы хотели провести межличностное сравнение или допустить фактические контраргументы о тех же индивидах, живущих при разных системах. Но эти предположения слишком героичны.

⁶ Как рабочий вариант это определение, возможно, не отличается от того, что использовал Алек Нов (Nove, 1983: 11), для которого «осуществимый социализм» это тот, который реализуем на протяжении жизни одного поколения... при этом не делая экстремальных, утопических или притянутых за уши предположений».

⁷ Буханан (Buchanan, 1985: 44—45) представляет довод в пользу проведения сравнений реальности на основе оценочных проектов. Он приписывает этот довод Дэвиду Фридману и утверждает, что «любой теоретический довод лучше, чем отсутствие теоретического довода». Он выглядит следующим образом: «Предположим, что вы хотите выстрелить из пушки по удаленной цели. Вы прошли курс элементарной физики, который включает теорию траектории идеального снаряда — путь, который точечная масса пройдет в вакууме в однородном гравитационном поле. Конечно же, пушечное ядро не является точечной массой (оно обладает протяженностью), а путь, который оно пролетит, не будет в вакууме... Однако будет более разумно нацеливать пушку под тем углом, который вы вычислили

в соответствии с идеальной теорией, чем выбрать угол наугад! Так и в нашем случае, наиболее эффективно будет выбрать систему, для которой существует теория, способная создать теорию эффективности, — а не ту систему, для которой не существует такой теории».

Любопытно, однако, будет ли данный довод также убедителен, если сочетать его с доводом Вильгельма Телля. Трудность состоит в том, что второй, лучший в мире, может быть ужасным: невозможно сделать вывод о предпочтении вторых лучших из предпочтения первых лучших в мире.

⁸ См.: Kolarska-Bobinska, 1988 — исследования свидетельств относительно Польши; Bruszt, 1988 — относительно Венгрии; Заславская, 1988 — анализ Советского Союза.

⁹ Классическим пособием по этой теме является книга Добба (Dobb, 1969).

¹⁰ Дюркгейм вспоминает в одной из своих работ, что его толкнуло стать социологом удивление, вызванное тем, что он открывал дверь своей квартиры каждое утро в 5:30 и находил бутылку молока, при этом даже не зная молочника. Социалисты были, а многие продолжают быть, убеждены, что бутылки там не могло бы быть без централизованного планирования. Но выяснилось, что при централизованном планировании неизбежен дефицит или молока, или бутылки.

¹¹ Буханан (Buchanan, 1985: ch. 2) предлагает хорошее нетехническое резюме данного проекта. Учебник Кэмпбелла (Campbell, 1987) является техничным.

¹² Другая критика заключается в том, что 1) конкуренция основана на зависти и 2) что капиталистическое производство ориентировано на получение прибыли, не на пользу или удовольствие. Заметьте, что я касаюсь только критики относительно нерациональности капитализма, а не несправедливости (о которой ниже).

¹³ Пользуясь языком Шумпетера, это различие между статической и динамической неэффективностью.

¹⁴ Исключительно четкое положение этой критики предложено О'Нилом (O'Neill, 1989: 209): «Информация, которая необходима экономическим деятелям, чтобы они могли скоординировать свою деятельность, недоступна и... не существует какого-либо механизма для достижения обоюдной корректировки планов. Рынок при всех достоинствах природы конкуренции блокирует передачу информации и не может помочь скоординировать планы экономических действий».

¹⁵ Этим абзацем я обязан Жиюаню Куи.

Заметьте, что у экономистов наблюдается тенденция использовать термин «равновесие» самым запутывающим образом. Так как до недавнего времени они были уверены, что рынки никогда не затовариваются, они используют этот термин в интуитивном смысле для обозначения баланса. Они говорят о «дисбалансе», когда рынки затовариваются. Но дисбаланс является балансом в математическом смысле: это состояние, которое не будет изменено, пока не изменятся экзогенные условия. Это просто баланс, при котором рынки затовариваются.

¹⁶ «При неполном наборе рынков пограничный уровень замены различных индивидуумов будет различным; фермеры (или производители вообще), выбирая технику производства, принимают во внимание только цену распределения и свои собственные пограничные уровни замены, которые могут значительно отличаться от других фермеров и потребителей. Когда они делают так, результирующее равновесие может не быть эффективным по Парето; существует некоторый альтернативный выбор техники и перераспределения доходов, который может сделать всех отдельных людей богаче» (Newbery, Stiglitz, 1981: 209).

¹⁷ Этот смысл особенно подчеркивался Баулзом (Bowles, 1985). Я вернусь к нему ниже.

¹⁸ Маркс подчеркивал, что и акт продажи при капитализме, и акт покупки не равнозначны из-за посредничества денег. Следовательно, предложение и спрос не обязательно совпадают не только для конкретного конечного продукта, но для всех конечных продуктов. Кажется, Маркс временами верил, что волюнтаристский децентрализованный обмен действительно ведет экономику к незатовариваемому равновесию рынка (Marx, 1967: I, 355—356), но в других местах он утверждает, что «благодаря спонтанной природе этого (капиталистического) производства, сам баланс является случайностью» (Marx, 1967: II, 494—495). Отсюда видно, что Маркс полагал, что капитализм генерирует такие ситуации, при которых рынки затовариваются, происходят кризисы перепроизводства и кризисы недопотребления. Этот анализ позволял социалистам постоянно говорить об анархии и хаосе капиталистического производства, которые выражаются в кризисах.

¹⁹ Гейнер Гансман обратил мое внимание на этот довод.

²⁰ Каким-то образом для Маркса было очевидно, что, поскольку рыночное распределение отвечает интересам

отдельных лиц, а не общественным, то любое распределение в результате децентрализованных действий будет коллективно иррациональным. Более того, конкуренция является механизмом, ответственным за коллективную неэффективность, потому что она работает не понятным для отдельных людей способом, за спиной участников экономической деятельности. Отсюда следует, что результаты конкуренции непознаваемы. А отсюда — скачок к заключению, что они также коллективно нежелательны. Это, однако, не довод. Не существовало каких-либо дедуктивных рамок, в которые укладывался бы этот аргумент.

²¹ Этот аргумент не предполагает, что социализм обязательно сможет справиться с такими ситуациями таким же путем или с теми же распределительными последствиями, что и капитализм.

²² Это не довод в защиту уравнивания. Точка Е, когда доходы поровну распределяются между двумя участниками, используется только как иллюстрация. Это общее соображение.

²³ Вот что пишут два экономиста о ситуации с продуктами питания в мире: «Все явственнее видно, что неспособность выбрать и следовать... наилучшей стратегии привела к пессимистическим прогнозам о перспективах уменьшения голодающих посредством дополнительного продукта. Это заставляет обратить внимание главным образом на прямые ориентированные на получение благ подходы, которые, кажется, оказывают неблагоприятное воздействие на усилия достигнуть быстрого и широкомасштабного развития» (Mellor, Johnston, 1984: 533).

²⁴ Сходный способ достичь того же самого результата заключается в том, что без навязанных извне долгосрочных контрактов совместная эксплуатация имущества ведет к неэффективным результатам. Интересно, что, когда и капиталисты и рабочие имеют возможность влиять на распределение потребления, уровень инвестиций будет ниже, чем тогда, когда только один класс деятелей получал бы всю прибыль (сверх следующей лучшей возможности или средств к существованию). Конструктивная формулировка предложена (Lancaster, 1973); см. (Levhari, Mirman, 1980), (Przeworski, Wallerstein, 1982).

²⁵ Определение иррациональности капитализма является предметом двусторонней критики. Во-первых, как отметил Алессандро Пиццорно (в частной беседе), согласно этому определению не капитализм иррационален, а является соединением капитализма с автономным государст-

вом. Во-вторых, это понятие уязвимо с точки зрения социальных проблем выбора: в соответствии с переформулировкой моего определения экономической системы как иррациональной, Джошуа Коэн писал, «что она иррациональна, если закрывает доступ к распределению, то есть в таких условиях распределения, на которые могут согласиться равноправные граждане» (в частной беседе). Однако последний вид распределения не может существовать или может быть коллективно неприемлем (по теореме МакКелви). Другими словами, если рациональность экономических систем определять как полное использование производственного потенциала, то рациональность не обязательно есть коллективное предпочтение суверенных граждан. Если же ее определять как осуществление коллективного предпочтения, то она не обязательно состоит в полном использовании производственных ресурсов.

Мой ответ заключается в следующем. Во-первых, капитализм, при котором государство не имеет власти распределять или, по меньшей мере, косвенно влиять на распределение частных ресурсов (через налоги, регулирующие механизмы, и т. д.), вообразить нельзя, несмотря на все призывы к конституционному самоограничению. Поскольку невозможно организовать конкуренцию без регулирующей роли государства, то возможность выбора государством нерыночного распределения объяснима только самим проектом капитализма. Во-вторых, даже если люди могут и не использовать полностью производственный потенциал, то они также могут сознательно выбрать эту возможность, а если они ее выберут, то они не смогут реализовать это предпочтение при капитализме.

²⁶ Или если бы мы могли создать учреждения, которые осуществляли бы децентрализованным способом руководство общественной собственностью, предложенное Реме-ром (Roemer, 1989 a, b).

²⁷ Один из вариантов таких доводов, предложенный еще Энгельсом, выглядит следующим образом: большинство принимаемых при капитализме решений является не рыночными, а внутрифирменными, а внутрифирменное принятие решений — это то же, что и плановое социалистическое распределение, только по неполной шкале. Отсюда капитализм был значительно «социализирован» благодаря собственной динамике, и все, что остается, — это завершить этот процесс. В этом заключается центральный аргумент Эрнеста Манделя в пользу социализма. Исторически капитализм зарекомендовал себя как неосуществи-

мый. См. дискуссию в нескольких изданиях «New Left Review» (Mandel, 1988; Elson, 1988).

По моему мнению, принятие решений внутри больших капиталистических фирм значительно отличается от социалистического планирования, и решающее различие не заключается в принципах внутренней организации. На самом деле Польша в 1970-е годы обладала экономикой размером с «Дженерал моторс». Но «Дженерал моторс» использовала рыночные цены для принятия решений и увольняла с работы рабочих как необходимое условие существования. А Польша не делала этого.

Если я не уделяю этим доводам много внимания, то не потому, что считаю их неважными, а потому, что мне кажется, что они мало что прибавляют к центральному вопросу. Если капиталистический проект неосуществим, то возможно капитализм не способен выполнить даже те обещания, которые делает. Но социалистическая критика капитализма, по-моему, направлена против самого проекта и его наиболее идеального воплощения. Социалисты отвергали бы капитализм, даже если бы он наиболее полно реализовал свой потенциал. Отсюда следует, что аргументы против осуществимости постоянного конкурентного равновесия играют второстепенную роль в социалистической критике.

²⁸ Предположим, что капитализм стал «организованным» в духе Гильфердинга и успешно избежал периодических кризисов. Тогда анархии не будет: нет статической неэффективности. Но динамическая эффективность может быть достигнута, только если распределение благ следовало бы каждый раз за начальным распределением ресурсов. Все попытки изменить распределение потребления и свободного времени создают потери. Отсюда следует, что капитализм все же был бы иррациональным, даже если его сторонники гарантировали бы все допущения. Поэтому я полагаю, что статические потери менее важны для социалистической критики капитализма — но я не полностью в этом уверен.

²⁹ В модели Тейлора—Ланжа—Лернера планирующий может начать работу с любого случайного набора цен, отметить, какие рынки затовариваются, корректировать цены и восстановить баланс. Это возможно, потому что согласно их неоклассическому подходу существует такой набор цен, который очищает рынок, и рынок стремится к такому набору цен. Но теперь мы знаем, что первые шаги ведут к балансу только или при нерациональных или при весьма специфичных предположениях. В теории австрий-

ской школы движение цен происходит, потому что торговля фактически доведена до совершенства. Отсюда планирующий никогда не сможет централизовать частные знания, которые заставляют изменяться цены. По крайней мере, в этом заключаются заявления последователей Хайека, утверждающих, что Ланж неправильно понял возражения австрийской школы по поводу социализма. (См.: Lavoie, 1985, Kirzner, 1988, Shapiro, 1989 — о мнениях австрийцев.)

³⁰ Я отдаю себе отчет, что это субъективное суждение, и не уверен в том, как могут быть сняты противоречия, касающиеся осуществимости социалистического планирования. А. Нов, например, полагает, что «непостижимо математизировать сложность текущего операционного планирования производства и поставок, а следовательно, обеспечить надежность более эффективного функционирования централизованной системы» (Nove, 1983: 105). Он подчеркивает, что никакая технологически развитая система планирования не может справиться с многообразием задач. Однако мне любопытно: неужели советская экономика сложнее, чем мировая система предварительных заказов авиабилетов?

³¹ Я специально сформулировал это предположение на языке агностика. Обычно говорят, что индивиды становятся альтруистами, что они будут руководствоваться в своих действиях солидарностью или что они будут сотрудничать. Однако, если мы под «альтруизмом» понимаем общественно полезную функцию, которая в качестве довода принимает потребление или благосостояние других, то могут существовать различные виды стратегических проблем, включая коллективную иррациональность в альтруистическом обществе (см.: Collard, 1978). В самом деле, совершенно не очевидно, что альтруистически настроенные люди правдиво информируют о своих потребностях. То же самое верно о солидарности: как отдельные участники экономики смогут узнать, какое поведение будет солидарным в различных обстоятельствах? Если управляющий завода, которому я произвожу поставки, просит меня уклониться от поставок на другую фирму и предоставить их ему, так как иначе его фирма не сможет выполнить план, то должен ли я уступить? «Сотрудничество» — тоже запутанный термин. В теории игр сотрудничество иногда обозначает сообщение, иногда внешнее влияние на принятие взятки, иногда союзничество, иногда объединенный выбор стратегии, а в ситуациях выбора заключенных — любая стратегия, которая поддерживает оптимальный вы-

пуск по Парето. В разговорном языке «сотрудничество» означает «помощь», «взаимная помощь».

³² Когда Бухарин критиковал проект первого пятилетнего плана в опубликованной в «Правде» статье (30 сентября 1928 года), политбюро Коммунистической партии немедленно постановило, что «подобные проблемы должны сначала обсуждаться узким кругом партийных представителей» (Wilk, 1988: 78—9).

Мы не знаем, информировали бы отдельные участники экономики правдиво о своих потребностях при демократическом планировании. В середине 1960-х в Польше подготовленный Бюро планирования проект плана обсуждался на всех уровнях, вплоть до отделов на фабриках. Участвовало несколько миллионов человек. Полученный после этого массового обсуждения результат был больше, чем изначально предложенный, хотя доля потребления в национальном продукте тоже была несколько выше. Большинство корректив были рационализаторского плана: рабочие предлагали производить больше, если бы им гарантировали использование всех необходимых мощностей. Однако партия решила не принимать во внимание параметры откорректированного плана, потому что посчитала уровень вложений недостаточным. Насколько мне известно, этот эксперимент больше никогда не повторялся (см.: Ostrowski, Przeworski, 1965).

³³ См. исключительно ясную формулировку Ремера (Roemer, 1989 b).

Во-вторых, фирмы имеют некоторые веские причины для того, чтобы утаивать свои производительные мощности. Если фирмы вознаграждаются и наказываются, исходя из выполнения плана, то им необходимо защитить себя от экзогенных условий, которые могли бы воспрепятствовать им полностью использовать их настоящие возможности. Если фирма знает, что планирующий распределяет задания в зависимости от прошлого выполнения плана, то у нее есть веская причина недовыполнить задания.

³⁴ Этот аргумент против социализма кажется мне наиболее слабым. Во-первых, по немногочисленным имеющимся у нас свидетельствам, рабочие трудятся так же много при социализме, как и при капитализме, если даже не больше. Во-вторых, мы до сих пор не пришли к соглашению, почему они много работают при капитализме.

³⁵ Можно придумать систему, при которой планирование будет демократическим в том смысле, что политические партии будут предлагать конкурирующие планы (Cas-

troriadis, 1979). Например, их кампании могут предлагать уровни предпочтения периода времени (или уровни инвестиций); умеренная платформа бы выигрывала, и это был бы план, который выигравшая партия бы реализовывала. Трудность с этим предложением заключается в том же, в чем и с любыми избирательными платформами: только элементарный план может быть понятен широким слоям населения, и проблемы социального выбора снова поднимут головы. Нов (Nove, 1983: 179) фокусирует внимание на сложности проблемы, он утверждает, что «невозможно изобрести какое-либо средство демократизации этого процесса (планирования), если всерьез полагать, что необходимо голосовать по поводу распределения 10 тонн металла, 1000 метров полотна или электросхем». Бек (Beck, 1978) показывает, что социальный выбор относительно уровня предпочтения периода времени будет образовывать замкнутый круг, если будут предлагаться неоптимальные планы.

³⁶ Понятие механизмов может быть выработано с помощью теории игр. Предположим, что главный планирующий ищет возможности максимизировать некоторую утилитарную функцию благосостояния. Если бы планирующий знал утилитарные функции всех хозяйств и функции производства всех фирм, то решение проблемы планирования составило бы вектор $y^*(x)$ конечного потребления товаров и свободного времени, где x является вектором подводимых мощностей. Экономический механизм осуществляет решение планирующего, если оно составляет децентрализованную игру, решением которой является распределение $y^*(x)$, когда информация о функциях общественной полезности и производства является закрытой.

³⁷ Джон Ремер доказывает, что допущения и пессимистические заключения теории осуществимости очень убедительны, так как эта теория допускает, что планирующий ничего не знает. Фактически, планирующим необязательно знать об особенностях отдельных индивидов; может быть, достаточно, чтобы они знали направления статистического распределения. Однако до сих пор он не может найти тот децентрализованный механизм, который был бы возможен на практике и не нарушал бы одну из аксиом, которые он связывает с особенностями любого децентрализованного воплощения общественной собственности. (См. новейшие его работы, особенно «Децентрализация, двуличность и минимальная справедливость» Roemer, 1989 b.)

³⁸ Как отмечал Асселен (Asselain, 1984: 35), «все основные неудачи функционирования советской экономики могут быть приписаны нарушению фундаментальных принципов централизованной модели: абсолютное первенство целей централизованной системы».

³⁹ Залески (Zaleski, 1984: 615) заключает, что «существование единого центрального плана, последовательного и совершенного, который был бы распределен и затем выполнен на всех уровнях, фактически является мифом. При любой командной экономике мы найдем наличие бесчисленного количества планов, в постоянном развитии, которые определенно координируются только постфактум, после того как выпущены в жизнь».

⁴⁰ См. Roland, 1989 — обзор механизмов балансирования постфактум.

⁴¹ См. Bideleux, 1985 — новый обзор таких исследований и понятный набор статистических сведений.

⁴² Неравенство доходов в Советском Союзе и Венгрии несколько меньше, чем в развитых капиталистических странах, но, возможно, не отличается от Швеции и Японии. (Данные по Советскому Союзу см.: Bergson, 1984; по Венгрии — Kornai, 1986; по Польше — Wnuk-Lipinski, 1989.)

Один советский экономист недавно проговорился, что доля труда (в валовом национальном продукте) в Советском Союзе составляет 37%: значительно ниже, чем в развитых капиталистических странах, и почти равняется показателю в Венесуэле и Мексике. Заславская приводит данные (Заславская, 1987—1988: 35), по которым половина банковских вкладов в Советском Союзе приходится на 3 % счетов. В интервью «Ле нувель обсерватор» (15—21 июня 1989 года, стр. 99) говорится, что расход на одного пациента в спецбольницах для номенклатуры составил 111 рублей в день, в обычных больницах — 24 рубля. Обратите, что Советский Союз и Польша являются единственными странами в мире, где жизненные ожидания упали за последние несколько лет.

⁴³ См. несколько таблиц в книге «Поляки 88: Динамика конфликта и шансы реформ».

⁴⁴ Военные расходы могут помочь разобраться с этой головоломкой, хотя оценки заведомо ненадежны. По верхним данным, Советский Союз тратит на 8% больше ВВП, чем США. При соотношении капитал — выпуск равном четырем это оставляет два процента от уровня роста.

⁴⁵ См.: Zalyguine, 1987 — о «гигантомании».

⁴⁶ Между 1977 и 1983 годами ВВП на душу населения в Уругвае упал до 16%, в Аргентине — на 12%, в Чили — на 11%, в Бразилии — на 9% (по данным CEPAL, приведенным в Weffort, 1989). Между 1978 и 1985 годами доход на душу населения в Польше упал на 8%. В Советском Союзе гражданское строительство в 1985 году было на уровне 1960 года, а производство сельскохозяйственной продукции на душу населения не выросло с 1978 года. Общий уровень смертности увеличился с 6,7 на тысячу в 1960-е годы до 10,6 на тысячу в 1985-м, продолжительность жизни упала с 70 до 68 лет, а уровень детской смертности увеличился (Аганбегян, 1988). Между 1973 и 1984 годами уровень производительности падал в год со средней скоростью в 1,58 в Аргентине, 1,97 в Бразилии, 0,92 в Чили, 0,64 в Мексике и 1,40 в Советском Союзе (Madison, 1989: 91).

⁴⁷ Я не знаю, почему это произошло приблизительно в одно и то же время на капиталистическом Юге и социалистическом Востоке. Одним из возможных объяснений являются долги, но только этого недостаточно. Как отмечает Комиссо (Comisso, 1989), описывая экономические ляпсусы, «даже если финансовый капитал позаботился о веревке, кто-то еще должен был позаботиться о кандидатуре на повешение». Более того, я не видел таких исследований, которые бы сопоставляли цифры долга и роста. Комиссо приписывает ответственность за препятствия конкуренции в социалистических странах централизованному распределению, а в капиталистических странах — монополистической позиции государственных фирм. Однако одновременность кризиса указывает на общую причину.

⁴⁸ Наиболее полно этот аргумент приведен Станисзким (Staniszki, 1984), но те же доводы можно найти и у Виатра (Wiatr, 1989), и у Абалкина (Абалкин, 1988).

⁴⁹ Прекрасный анализ таких реформ и причины, по которым они потерпят неудачу, предлагается Асселеном (Asselain, 1984). (См. также: Nove, 1983: гл. 4; Kornai, 1986.)

⁵⁰ Как отметил один польский руководитель предприятия, «мы знаем, что мы независимы, но кто будет указывать нам, что производить?» (Roger Thurow, «Польша узнает, что экономические реформы необязательно приносят результаты», «Уолл стрит джорнал», 27 февраля 1986 года).

⁵¹ Я не спорю, что планирующий не может иметь отличающихся от распределения производственных товаров приоритетов, которые необходимы для сбалансированного

потребительского рынка. Если социалистические граждане проголосовали демократическим путем за распределение потребительских товаров, отличное от того, которое они потребовали своими действиями на рынке, планирующий будет прав, если попытается реализовать эту цель. Но пока распределение на потребительском рынке не смягчается косвенным вмешательством государства, экономика в целом не будет сбалансирована, когда потребительские товары распределяются рынком, а производственные товары распределяются планирующими.

⁵² См. Hansmann, 1988 — о наиболее поздней попытке создать эндогенную теорию фирм.

⁵³ Одним из аргументов против осуществимости рыночного социализма может быть довод Лейджонхувуда (Leijonhufvud, 1986: 219), что из-за того, что машины более специализированы, чем умения, объединяющие в общий фонд капитал и нанимающие рабочих, фирмы более эффективны, чем фирмы, объединяющие в общий фонд рабочих и нанимающие машины. «Рабочие не могут объединять в общий фонд свою физическую работоспособность, как капиталисты объединяют свой физический капитал, — продолжает он, — чтобы нанять машины за такую плату, которая оставит объединенную плату рабочим управляемой рабочими фирмы. Труд не будет принадлежать кому-либо, а специализированные станки не предназначены для найма. Кооператив производителей является возможной компромиссной формой, но в целом успешные предприятия, начинающиеся как партнерство рабочих, окончат капиталовладением и наемным трудом, то есть как капиталистические фирмы». В такой ситуации объединение в профсоюзы капиталистических фирм является лучшим решением для рабочих.

Однако доводов Лейджонхувуда недостаточно для объяснения, почему богатые люди берут на себя ответственность владения фирмами. Большая часть объяснений, почему капитал нанимает рабочих, основано на моральных посылах: люди с деньгами становятся собственниками производства, потому что, если бы они просто давали капитал займы непосредственным производителям, последние принимали бы рискованные решения. Литература по этой теме обширна и не требует обсуждения здесь; наилучшее резюме, на мой взгляд, представил Куи (Cui, 1990).

Я в большом долгу перед Жиюанем Куи за его комментарии и неистощимые источники информации.

⁵⁴ Его опасения подтверждаются последними исследованиями в Польше, где 72,2% респондентов поддерживают

приватизацию государственных предприятий, 52,3% предпочитают работать на государственных фирмах («Жиче Варшави», 25 июня 1990 года, стр. 4).

⁵⁵ Бауер (Bauer, 1989), однако, указывает, что частные предприниматели в системе административного распределения опасаются получать полную прибыль, потому что назначаемые ими цены и получаемый ими доход могут вызвать политическую реакцию. И они правы в своих опасениях: бывший польский министр экономики Владислав Бака (Вака, 1986: 130) и архитектор «второй стадии» экономических реформ, предупреждал, что «никто не потерпит состояний, заработанных на использовании неэффективности решений системы (т.е. государства)».

⁵⁶ Это утверждение не предполагает обратного утверждения. Некоторые смешанные системы могут быть ужасающими.

⁵⁷ Не уверен, что «производительный» означает то же, что и «эффективный», в данном контексте. Рассуждения об эффективности должны принимать во внимание тот факт, что рабочие выводят невыгодность из усилий, включая усилия по контролю. Баулс и Гинтис допускают, что взаимоконтроль ничего не стоит для рабочих.

⁵⁸ Жиюань Куи указывал мне на то, что модель Холмstroma (Holmstrom, 1982) обеспечит основания для тезиса Буравого. По этой модели схема оплаты такова, что каждый член команды несет полную ответственность за стоимость недоработок. Следовательно, недоработки вычитаются.

⁵⁹ Есть данные из Мирового банка только по производственному сектору. Цифры приблизительные; они получены при вычитании из 100% доли труда и части инвестиций, где эта предположительная часть варьируется от 50% в Норвегии и Австрии до нуля — в Аргентине и Бразилии.

⁶⁰ Заметьте, что доход с собственности и самообеспечения работой не составляет основную часть дохода домашнего хозяйства верхних слоев развитых капиталистических стран. Эта доля составляет 17,3% в США (а верхние слои получают 35,9% всего дохода), 7,5% в Великобритании (31,9%), 4,8% в Швеции (27,1%), 16,3% в Канаде (33,2% всех доходов) и 22,4% — по большей части от самообеспечения работой — в Норвегии (30,3%). Данные из (Rainwater, Torrey, Smeeding, 1989).

⁶¹ Однако соображения эффективности могут оказать-ся против такой системы. Как указывает Комиссо

(Comisso, 1989), «разнообразие форм владения имуществом является в равной мере критическим для распределения капитала и рационального управления». Она также указывает, что увязывание права получения местного дохода с занятостью ведет к инвестициям за границей.

⁶² Более того, О'Нил (O'Neill, 1989: 209—210) указывает, что «защитники рыночного социализма не могут решить проблем кооперации. В частности проблемы координации, которые возникают в рыночных экономиках, не решаются преобразованием частных предприятий в рабочие кооперативы. Кооперация внутри предприятий не влечет за собой и в условиях рыночной экономики не приводит к кооперации между предприятиями.»

⁶³ К представителям противоположной точки зрения относятся Дал (Dahl, 1985), Баулз и Гинтис (Bowles, Gintis, 1986).

⁶⁴ Такая критика содержится в Эпilogue Пшеворского, (Przeworski, 1985).

⁶⁵ На основании ВВП, вычисленного в соответствии с покупательной способностью. Он в семьдесят пять раз выше в соответствии с цифрами условного ВВП, представленными Всемирным банком.

⁶⁶ Вся эта информация взята из «Отчета о развитии» Всемирного банка (1987 год. Компьютерная версия). За исключением распределения доходов домашних хозяйств, все данные 1985 года.

⁶⁷ Среди стран, по которым имеются доступные данные, уровень абсолютной бедности до налогов и переводов (используя определение США, переведенное в национальные валюты при учитывающем покупательную способность обмена) равняется 5,6% в Швеции, 5,8% в Швейцарии, 7,4% в Канаде, 8,3% в Западной Германии, 11,8% в Великобритании, 12,7% в США и 13,2% в Австралии (Rainwater et al, 1989). Я вынужден приводить эти данные, так как имеется мало данных о нищете в социалистических странах. Маттьюз (Matthews, 1986) свидетельствует, что в Венгрии, Польше, Советском Союзе нищета не редкость, но невозможно найти данные по Восточной Германии.

⁶⁸ Насколько я понимаю, особенную сложность составляет проблема создания такой теории, которая сделает разумные предположения о технологическом и техническом прогрессе и в то же время объяснит устойчивые различия между странами. Когда по меньшей мере один фактор неустойчив, технология постоянных коэффициентов

ведет к заключению, что одна страна должна быть богатой, а все другие — бедными; неравномерно развитая технология ведет к заключению, что разрывы между странами должны исчезнуть; увеличение прибыли на определенные вложения, по свидетельствам, несущественны. Отсюда Лукас (Lucas, 1988), например, приходит к полной уверенности в увеличении прибыли, которое зависит от внешних факторов в человеческом капитале: или определенные индивиды работают более продуктивно, когда работают в присутствии лучше образованных партнеров, или определенные процессы более эффективны, когда восприняты в присутствии других эффективных процессов.

⁶⁹ Наиболее полную версию того, что последует, можно найти в Przeworski, 1990, ch. 1.

⁷⁰ При последнем обзоре свидетельств Сондерс и Клау (Saunders, Klau, 1985: 166, 174, 177, 185) не смогли найти ясного факта тому, что налоги влияют на налоговую основу. Они отмечают, что «подтверждение данных о влиянии налогообложения на оценки обеспечения занятости ни достаточно убедительны, ни многочисленны»; что влияние налогов на спрос на работу не виден на поперечном разрезе стран Организации экономического сотрудничества и развития; что «на основе этих данных нельзя утверждать, что страны с относительно высокими налогами являются теми, которые обладают незначительным накоплением»; и что влияние налогообложения на инвестиции не может быть оценено в сводных цифрах.

⁷¹ См. в Przeworski, Wallerstein, 1988 — доводы о том, что государство обладает инструментами управления распределением доходов.

⁷² Этот ответ приближается к взглядам Ван Дер Веена и Ван Парийса (van der Veen, van Parijs, 1986). Фактически, то, что отсюда вытекает, опирается на мои прежние комментарии к их утверждению (Przeworski, 1986 a), хотя там я полагал, что необходимое изобилие было скорее недостаточным, чем достаточным. Необходим скорее не уровень развития, который позволит удовлетворить основные потребности каждого, если полностью использовать все вложения; это было бы недостаточным изобилием.

Глава 4

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ

ВВЕДЕНИЕ

Целью современных экономических реформ, проводимых в нескольких странах мира, является создание такой экономики, которая рационально распределяла бы ресурсы и в которой государство было бы платежеспособно.

Эти реформы ориентированы на создание рынка. Рациональное распределение ресурсов требует создания новых рынков, отмены регулирования цен государством, ослабления монополий и снижения протекционизма. Создание платежеспособного государства связано со снижением общественных затрат, увеличением государственных доходов и временами, продажей государственных активов.

Такие реформы обязательно оказываются причиной временного спада всеобщего потребления. Они дорого обходятся в социальном отношении и являются рискованными с политической точки зрения. Возможно, в конечном итоге реформы достигают всего того, чего, как объявил один бывший министр экономики Польши, они должны достичь: создания мотивации, появления клиринговых рынков, достижения социальной справедливости (Вака 1986: 46). Между тем они пока ущемляют интересы больших социальных групп и вызывают противодействие со стороны важных политических сил. И если это происходит, то демократия может быть подорвана, реформы прерваны или и то и другое вместе.

Даже если правительства, которые начинают реформы, часто не хотят признать этого, временное экономическое ухудшение неизбежно. Уровень инфляции должен возрасти, если цены не регулируются государством.

Незанятость капитала и труда должна увеличиться, когда усиливается конкуренция. Когда вся экономическая структура находится в процессе перемен, эффективность распределения должна временно снизиться. За структурные преобразования экономических систем приходится дорого платить.

Могут ли такие преобразования быть завершены при демократических условиях?¹ Вопрос об отношениях демократического государства и реформ касается результатов процесса перехода к демократии. Причина в следующем: даже если постреформенная система была бы более действенна — более того, даже если новое стабильное государство было бы выше статус-кво по Парето, то есть уровень жизни при новой системе был бы ниже, а у некоторых выше, — временное ухудшение материальных условий может быть достаточным для того, чтобы либо разрушить демократическое государство, либо прервать процесс реформ.

Изучите рисунок 4.1, на котором вертикальная ось означает уровень благосостояния, на достижение которого надеются люди, а горизонтальная ось указывает время в равных отрезках влево и вправо от происходящего (S).

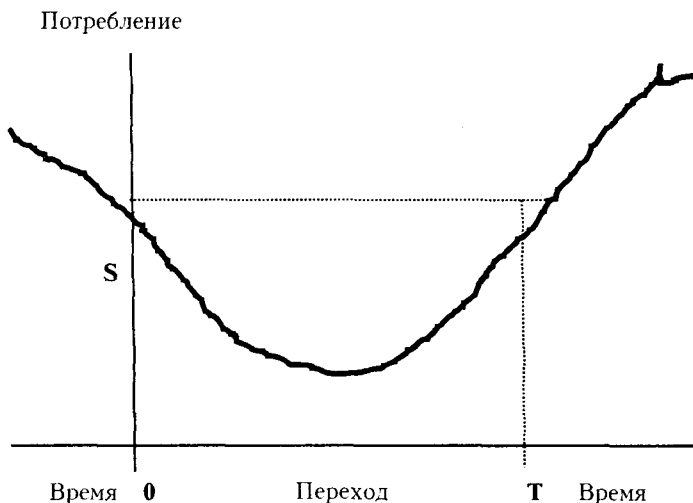

Рис. 4.1

Следовательно, снижение кривой вправо вниз от точки S означает изменение благосостояния в ближайшем будущем, а высшие точки означают уровень благосостояния, относящийся к периоду стабильности экономики. Предположим, что верхняя точка справа выше верхней точки слева, но статус-кво находится на кривой слева. Тогда движение вправо вызывает временное ухудшение, которое длится в течение переходного периода. Эта «впадина перехода» должна быть пройдена до того, как мы поднимемся по кривой выше².

Структурные экономические преобразования имеют место во многих странах юга и востока под влиянием образующихся демократических институтов. При таких условиях возможны четыре исхода:

- 1) реформы могут продвинуться в условиях демократического государства;
- 2) реформы могут быть навязаны диктатурой;
- 3) демократическое государство может выжить, отказавшись от реформ;
- 4) и реформы, и демократическое государство могут быть разрушены.

Экономические реформы, ориентированные на создание рынка, проводились авторитарными правительствами Чили и Мексики, в то время как в Советском Союзе некоторые экономисты разработали программу перехода к рыночной экономике «от тоталитаризма через авторитаризм» (Мигранян, 1988). В свою очередь, в условиях демократического государства, в котором недовольство может найти политическое выражение во время выборов, можно отказаться даже от самых обещающих методов преобразования. Либо политики обеспокоены поддержкой избирателей и круто меняют политику, которая привела бы их к поражению на выборах, либо они проигрывают более приспособленным к политическим результатам структурных преобразований соперникам. И в некоторых случаях как против демократии, так и против реформ может быть мобилизована эгалитарная идеология с явными популистскими и националистическими оттенками.

Может ли структурное экономическое преобразование быть поддержано при демократических условиях или должны ли быть принесены в жертву либо реформы, либо демократия? Этот вопрос состоит из трех частей:

- 1) Каковы экономические издержки таких преобразований?
- 2) При каких политических условиях народ вероятнее всего перенесет такие издержки?
- 3) Каково влияние преобразований на демократические институты? Эти вопросы являются предметом соответственно трех следующих разделов.

Дальнейший анализ показывает периоды перехода от командной экономики к рыночной в свете опыта латиноамериканских стран. Этот анализ — есть не что иное, как предположение, основанное, с одной стороны, на экономической теории, и с другой, — на достаточно скудном историческом опыте, которым мы располагаем. Ни один из этих двух источников не является исчерпывающим: у нас нет теории структурного преобразования и слишком мало эмпирических данных. Реформы, ориентированные на рынок, — это погружение в неизвестное, рискованный исторический эксперимент, на который идут от отчаяния, движимые надеждой, а не обосновывают необходимость этого шага возможностью получения выгоды.

Издержки реформ переходного периода

Цель данного раздела заключается в том, чтобы рассмотреть экономические издержки реформ, проводимых в Восточной Европе, опираясь на опыт Латинской Америки. Во-первых, сравнивается то, что было унаследовано вновь образованными демократическими правительствами двух континентов.

Во-вторых, последующие два раздела обращают внимание на соответственно совокупные и дистрибутивные издержки реформ.

Условия и стратегии

Студенты, проживающие в странах с командной экономикой, имеют тенденцию рассматривать содержащиеся в экономических реформах стран Восточной Европы трудности как более сложные, чем те трудности, которые наблюдаются в менее развитых капиталистических странах, конкретнее, в странах Латинской Америки. Типичная оценка по этой проблеме была четко дана Бруштом (Bruszt, 1989: 716): «Перемены, происходящие в Восточной Европе, часто сравниваются с процессами демократизации, которые имеют место в Южной Америке и Южной Европе. Несмотря на очевидные сходства, один фактор существенно отличает перемены, происходящие в Восточной Европе..., а именно то, что в этих странах переход к политической демократии достигается путем радикальных изменений экономической системы. Проблемы экономического и политического перехода не могут быть отделены друг от друга. Все в большей степени нарастающие в экономике конфликты представляют прямую угрозу процессу политического перехода».

Я рассматриваю эти проблемы при таких условиях, поскольку рассматриваю экономические преобразования, происходящие в Латинской Америке, как радикальные: в некоторой степени отличные, но все же радикальные. В Латинской Америке переход к демократическому обществу сопровождался попытками радикально изменить экономическую систему, а напряженность в экономике представляет угрозу демократии. И не случайно, что заголовок в одной польской газете гласил «Менем как Бальцерович»³.

Одного взгляда на показатели состояния макроэкономики в период демократического перехода достаточно для того, чтобы мы сделали вывод, что латиноамериканские страны не находятся в более легкой ситуации, нежели восточноевропейские страны. Добавив Боливию и Перу, с одной стороны, Румынию и Югославию — с другой, мы не изменили бы эту картину. Демократические правительства стран

Латинской Америки, за исключением Чили, приняли дела в разгар острого экономического кризиса; то же самое было в странах Восточной Европы, за исключением, пожалуй, Чехословакии. Но, судя по макропоказателям, ситуация в Латинской Америке была тяжелее (табл. 4.1).

Кое-кто, однако, может возразить, что данные показатели не представляют действительного состояния соответствующих экономик. Возможно, экономика восточноевропейских стран в действительности находится в худшем состоянии, но ее кризис еще не наступил. Либо эти экономики находятся в худшем состоянии потому, что им предстоит пройти намного больший путь, прежде чем они опять начнут расти: хотя их кризис не так остр, как кризис Латинской Америки, их сегодняшнюю экономическую структуру изменить сложнее.

В то время как кризис роста в Латинской Америке является соединяющим феноменом благодаря изменению в международном распределении труда, в Восточной Европе данный кризис имеет характер структурного феномена благодаря экономической системе. Следовательно, экономические реформы в Латинской Америке — это вопрос, в большинстве случаев, «структурного приспособления», в то время как в Восточной Европе реформы требуют перехода от одной системы к другой, от социализма к капитализму.

Теперь давайте посмотрим, какая сущность скрывается под яркой поверхностью⁴. Как латиноамериканские, так и восточноевропейские страны испытали: 1) незащищенность государств от давления крупных фирм, 2) высокий уровень монополизма и протекционизма, 3) чрезмерно разбухший бюрократический аппарат, 4) слабые системы, отвечающие за сбор налогов, и 5) устаревшие и фрагментарные системы, ответственные за увеличение доходов и рост благосостояния.

Однако между этими группами стран постоянно существовали различия: 1) централизованное распределение физических ресурсов и установление цен

Таблица 4.1

Экономические показатели	Уругвай 1984	Чили 1989	Бразилия 1983	Аргентина 1983	Польша 1989	Венгрия 1989	Чехословакия 1989
ВНП/чел. ¹	2,710	2,370	1,590	1,650	1,520	2,210	—
Δ Вал. Внутр. Прод. %	-3,9	10,5	-1,3	2,6	0,5	0,8	3,0
Δ3 Вал. Внутр. Прод. %	-24,8	26,4	-9,1	-13,3	11,1	4,8	8,0
Инфляция %	66,1	21,1	179,2	433,7	180	17	0,2
Долг/чел. (\$)²	1,128	1,539	750	1,556	1,112	1,656	
Долг/внеш. %	520	—	—	485	540	293	87
Расх. Правит. / ВНП%	65	27,2	28,8	24,5	76	32	16
Деф. Бюдж. / ВНП%	18,8	33,4	23,2	26,8	40,4	58,3	
Доля труда %	21	15,4	19	19,2	23,4	34,9	
ΔW/период %	-50/10	-28/5	—	-23/10	-10/7	—	—
Безработица %	14,3	11,0	6,7	4,0	0,0		

Замечание: Большинство данных взято из *Мировых таблиц (World Bank, 1989)*.

Δ3 Вал. Внутр. Прод. — кумулятивные изменения в валовом внутреннем продукте, отнесенном к человеку за последние три года.

¹ 1980 год — в долларах США (по методу Мирового банка).

² В долларах США.

правительством было более широко распространено в Восточной Европе, чем в капиталистических странах, и 2) распределение доходов было более неравномерным в Латинской Америке, нежели в Восточной Европе.

С моей точки зрения государство как организация было слабым как в Восточной Европе, так и в большинстве стран Латинской Америки: оно было неспособным противостоять давлению крупных фирм, требующих субсидий и протекционизма, неспособным добиться получения налогов от этих фирм (или их владельцев) и заставить их считаться с общими правилами и нормами. Образ «тоталитарного» государства, приказы которого вызывают согласие экономических субъектов, является в лучшем случае идеологическим пережитком периода сталинизма. Хотя детали различаются, существует всеобщее согласие в том, что центрально-командные системы были в действительности не плановыми экономиками, а экономиками торговых сделок, заключенных между центральными правительствами и определенными отраслями и фирмами, так же, как и непосредственно между фирмами, стремящимися избежать государственного контроля. По ряду причин, и экономического, и политического свойства, правительства были не защищены от давления крупных фирм как в замыслах, так и в осуществлении политики. В этой связи ситуация в Венгрии или Польше не отличалась от ситуации в Аргентине или Бразилии, где правительства также подчинились требованиям крупных фирм, как государственных, так и частных, в планировании и претворении в жизнь экономической политики. В результате, правительства Юга и Востока были склонны субсидировать и защищать крупные, часто монополистические, фирмы⁵.

В Восточной Европе монополия, вероятно, развита в большей степени по сравнению с Латинской Америкой; промышленные заводы Восточной Европы отличаются своими огромными размерами, а сети продающих свою продукцию магазинов моно-

полизированы государством или псевдокооперативами⁶.

Степень защищенности определить очень сложно, но я подозреваю, что она отличается лишь слегка. В Латинской Америке номинальные тарифные ставки были очень высокими, когда демократическое правительство пришло к власти, но ограничения на импорт были введены в основном из-за лицензирования: те импортные товары, которые были лицензированы, подлежали налогообложению по фактическим ставкам (см.: Cardoso, Dantas, 1990 — о ситуации в Бразилии). В этом отношении данная ситуация не отличается от ситуации в Восточной Европе.

Огромный государственный аппарат чиновников, вместе со слабыми системами по сбору налогов, порождает общественный дефицит. В нескольких латиноамериканских странах государство настолько неплатежеспособно, что единственным путем его выживания является заем денег у потенциальных налогоплательщиков. При таких условиях государство не может собрать налоги нигде, кроме как на границе, если оно вообще может их собрать; были времена, когда в Боливии было собрано налогов на сумму 1% от ВВП, а в Перу — 2%⁷. За исключением Чили, все демократические государства Латинской Америки унаследовали не только огромный внутренний и внешний долг, но и структуру доходов и расходов, приводящую к огромному все возрастающему дефициту. Ситуация в Восточной Европе не такая критическая, хотя в 1988 году в Польше имел место дефицит в 4%. Положение может ухудшиться, если не будет введена эффективная система налогообложения.

И наконец, необходимо прокомментировать состояние систем социального обслуживания населения. Может показаться, что ситуация в Восточной Европе намного лучше, и в какой-то степени так оно и есть. Но важно осознать, что, даже если на протяжении 1960-х годов уровень социального обеспечения в Восточной Европе был относительно

высок, в государствах с командной экономикой системы социального обеспечения не существовало. Услуги по социальному обеспечению предоставлялись так же, как и все остальное: плановик распределял сталь, мебель, мясо, медицинское обслуживание, места в школах, пособия по выходу на пенсию. Эта система распалась вместе с централизованным планированием. Восточноевропейские государства все еще далеки от того, чтобы иметь большие секторы населения, целиком находящиеся за пределами сети социального обеспечения, но им предстоит заново выстроить эту систему, начав на пустом месте.

Главным различием между Восточной Европой и Латинской Америкой были способ распределения ресурсов и в меньшей степени частотность установления монопольных цен. Заметьте, что это не связано только лишь с размером государственного сектора: цифра в 55,2 % в Польше возможно не намного больше, чем в Бразилии или Мексике⁸. Регулирование цен было, возможно, более распространенным явлением в Восточной Европе, за исключением Венгрии, где в результате реформ после 1968 года был отменен государственный контроль над ценами. В самом деле, регулирование цен оказалось камнем преткновения для реформ, проводимых при коммунистических системах⁹. Однако регулирование цен — на продукты питания, коммунальные услуги и множество других товаров, в частности бензин, — было повсеместным явлением в Латинской Америке¹⁰.

Другое важное отличие — разница в размере дохода. Как показано в таблице 4.2 различия между Восточной Европой и Дальним Востоком, с одной стороны, и Латинской Америкой и Турцией — с другой, на самом деле очень значительные.

Это, таким образом, является основной структурой латиноамериканской и восточноевропейской экономик во время перехода к демократии. Нужно ли восточноевропейским странам идти дальше, прежде чем они достигнут уровня экономического развития конкурирующих экономик, в которых го-

Таблица 4.2

Отношение доходов 20% самых богатых и бедных граждан

Страна	Доля труда в добавленной стоимости в производстве			Доля труда в добавленной стоимости в производстве		
	Год	Источник	Отношение	Год	Источник	Отношение
Аргентина	1970	WB	11,4	1985	WB	19
Бразилия	1983	WB	26,1	1985	WB	19
Мексика	1977	WB	19,9	1985	WB	25
Перу	1972	WB	32,1	1985	WB	15
Венгрия	1987	WB	3,0	1985	WB	32
Польша	1987	WB	3,6	1984	WB	24
СССР	1972	В	4,4 ^А	1988	А	37 ^В
Югославия	1978	WB	5,9	1985	WB	29
Южная Корея	1976	WB	7,9	1985	WB	27
Япония	1979	WB	4,3	1985	WB	35
Турция	1973	WB	16,1	1985	WB	23
Португалия	1973	WB	9,4	1985	WB	44
Испания	1980	WB	5,8	1985	WB	41
Бельгия	1980	WB	4,6	1985	WB	50

8

Страна	Доля труда в добавленной стоимости в производстве			Доля труда в добавленной стоимости в производстве		
	Год	Источник	Отношение	Год	Источник	Отношение
Франция	1975	WB	7,7			
Италия	1977	WB	7,1	1984	WB	38
Швеция	1981	WB	5,6	1985	WB	35
Зап. Германия	1978	WB	5,0	1985	WB	47
США	1980	WB	7,5	1985	WB	40

^А город, после сбора налогов.^В доля труда в добавленной стоимости.

Источники: WB — World Bank Development Report (1987); В — Bergson, 1984; А — по Н.Шмелеву (New York Times, 17 October, 1989).

сударство платежеспособно и где каждый обеспечен минимальной социальной защищенностью? Являются ли изменения, ожидающие их, более радикальными по сравнению с теми, с которыми столкнулась Латинская Америка? Если этот краткий обзор точен, то ответ на такие вопросы, конечно, вовсе неочевиден. Путь может быть разным, но он долг на обоих континентах.

Существует еще один подход к данному вопросу; необходимо рассмотреть то, что должно быть сделано. Поэтому давайте изучим реформы, которые были проведены или которые проводятся в настоящее время. Одним из путей рассмотрения реформ является рассмотрение их в терминах, используемых международными финансовыми институтами¹¹. Это предполагает выделение периода стабилизации, структурного урегулирования и приватизации. Стабилизация включает краткосрочные меры, призванные снизить темп инфляции, уменьшить дефицит платежного баланса и сократить государственный дефицит. Структурное урегулирование — это ряд мер, разработанных с целью сделать экономику конкурентноспособной. Это самая неоднородная категория, включающая все, начиная с либерализации торговли путем отмены регулирования цен государством и заканчивая налоговой реформой. Понятие приватизации не требует разъяснения. В этих условиях перед латиноамериканскими странами, кроме Чили, как и перед Польшей, стояла проблема стабилизации экономики во время перехода, в то время как другие страны не пострадали от инфляции. В свою очередь Восточной Европе предстоит приватизировать больше собственности, если она найдет покупателей. И в каком бы состоянии ни был государственный сектор экономики, обоим континентам придется реорганизоваться.

Другой путь рассмотрения реформ был предложен Уильямсоном (Williamson, 1990), который изучил развитие нескольких латиноамериканских стран в отношении девяти категорий мер, ориентированных на 1) фискальную дисциплину, 2) изменение

приоритетов в государственных расходах, 3) налоговую реформу, 4) либерализацию финансов, 5) конкурентноспособный валютный курс, 6) либерализацию торговли, 7) прямые иностранные инвестиции, 8) приватизацию и 9) дерегулирование. Новые демократические государства Латинской Америки столкнулись со всеми этими реформами и многие из них последовали. Жители Восточной Европы тоже сталкиваются с такими реформами.

Но существуют ли какие-либо другие шаги, которые жители Восточной Европы должны предпринять и которые делают их задачу более радикальной? Реформы, которые уже реализуются, о которых объявлено или проведение которых ожидается в нескольких восточноевропейских странах, включают комбинацию следующих шагов:

1. Рационализацию процесса инвестирования путем а) придания фирмам финансовой независимости и ответственности и б) установления истинных цен на средства производства, что на практике означает снижение степени протекционизма.

2. Уравновешивание рынков потребительских товаров путем а) дерегулирования большинства цен и б) отмены или снижения субсидий на товары и услуги.

3. Создание механизмов для ликвидации малопроизводительных фирм и процессов: а) признание безработицы и банкротства, б) организацию финансовых рынков, в) организацию рынков труда и программы переквалификации рабочих и г) антимонопольные меры, включая меры против государственных (и естественных) монополий.

4. Снижение дефицита бюджета путем а) снижения затрат или б) увеличения сбора налогов и в) продажи государственных предприятий.

5. Реорганизацию сети социального обеспечения и поддержания дохода включая страхование от безработицы.

Сравнение данного перечня мер с мерами, принятыми в Латинской Америке и перечисленными Уильямсоном, ведет к четырем вопросам:

1) Будет ли инфляция, вызванная разбалансированием цен в командной экономике, феноменом переходного периода *sui generis*, или она примет инертный характер, как в Латинской Америке? 2) Не окажется ли безработица феноменом переходного периода, исчезающим, когда организовываются финансовые рынки и рынки труда и происходит перераспределение капитала и труда? 3) Не заменит ли частное предпринимательство государственную систему ведения хозяйства, спустя короткий период обучения рынку? 4) Не окажутся ли дистрибутивные последствия реформ переходными, или не приведут ли они к долговременному увеличению неравенства? Эти вопросы по порядку рассматриваются в следующих разделах.

Совокупные последствия

Анализируя сущность реформ, можно выделить две категории последствий. Некоторые последствия долговременны, характерны для стабильного государства с уже преобразованной системой. Другие последствия — промежуточные, присущие процессу преобразования. Некоторые последствия, в частности те, которые касаются эффективности, являются совокупными; другие — дистрибутивными. В результате сочетания этих отличительных черт можно выделить четыре типа последствий: 1) долговременные совокупные последствия являются преимущественно позитивными. Реформы проводятся потому, что настоящая структура экономики недействительна или же нежелательна, ее недостатки могут быть устранены путем изменения экономической системы. 2) Некоторые перманентные последствия — дистрибутивны. Те группы, чьи интересы защищаются при старой системе, могут оказаться полностью или относительно менее состоятельными в после реформенной экономике. 3) Процесс реформ вызывает временную инфляцию, безработицу, неэффективность распределения. Следовательно, он приводит к общим издержкам переходного периода. И наконец, 4) про-

цесс реформ может привести к дистрибутивным последствиям переходного периода: постоянным изменениям относительных доходов.

Совокупные издержки переходного периода могут включать инфляцию, незанятость капитала и рабочей силы и временное неоптимальное распределение ресурсов. Я рассматриваю эти издержки в контексте реализации стратегии «горькой пилюли», в которой все делается немедленно. Эта стратегия основана на признании того, что издержки переходного периода будут значительными. Чем основательнее и решительнее реформы, тем более краткосрочными будут негативные последствия переходного периода. Согласно этой стратегии, люди готовы подвергнуться неприятной процедуре, но только если она длится недолго.

ИНФЛЯЦИЯ. Инфляция является наиболее сложной проблемой. Центральный вопрос здесь в том, возможно ли пережить инфляцию переходного периода не породив инерцию этого процесса. Рассмотрим инфляцию, которая наступает с отменой государственного регулирования цен: моментальный переход от регулируемых государством цен к ценам рыночным. В качестве примера я привожу данные по Польше, но эта закономерность характерна для всех ситуаций, связанных с освобождением цен. Представьте экономику, в которой цены устанавливаются государством и в которой спрос по этим ценам превышает предложение. Это есть статус-кво¹².

Возьмите Польшу, где 31 декабря 1989 года на каждую тысячу злотых, имевшихся в наличии у населения, в магазинах имелось товаров и услуг на 333 злотых. В такой системе денег недостаточно для приобретения товаров и получения услуг, которые распространяются в очередях или неофициальным бартером. Обратите внимание на то, что простаивание в очереди является главной ценой достижения благосостояния: 1 кг апельсинов стоит 222 злотых и

1 час в очереди; 1 кг мяса — 111 злотых и 2 часа в очереди¹³.

Теперь предположим, что 1 января отменено государственное регулирование цен¹⁴, появляется идеальная конкуренция, не происходит накопления денег и объем денежной массы в обращении не изменяется, номинальные доходы остаются постоянными, объем производства прежний. Спустя короткий период «нащупывания» все цены останавливаются на том уровне, который отражает востребованность дефицитных товаров и товаров, рынок получает прибыль и стабилизируется. Сейчас апельсины стоят 333 злотых за 1 кг, мясо — 667 злотых за 1 кг, нет избыточного спроса. В следующем месяце поставка товаров и денег остается прежней, рынок вновь получает прибыль, а цены остаются неизменными на своем новом уровне. Операция по освождению цен завершена.

Цены возросли втрое, то, что раньше стоило 333 злотых сейчас стоит 1000 злотых. Таким образом, за 1 месяц инфляция достигла 333%, но она была всего лишь последствием переходного периода. Поскольку работа была завершена, цены остались неизменными. Более того, в совокупных условиях уровень благосостояния населения вырос. 666 злотых избыточной денежной массы, находящейся в обращении, оказались ненужными; перед проведением реформ, для того чтобы выиграть приз, надо было иметь три лотерейных билета, а сейчас каждый получит приз наверняка. Но издержки переходного периода сократились благодаря тому количеству часов, которое люди вынуждены были выстаивать в очередях, а время это доходило до нескольких часов в день на одну семью. Кроме того, новые цены рациональны; отношение цены на апельсины к цене на мясо отражает вкусы и относительную нехватку товаров¹⁵. Для будущего анализа важно обратить внимание на результат распределения: люди с более низким доходом, меньше ценящие время, в частности пенсионеры, возможно испытают снижение потребления, в то время как люди с большим количе-

ством денег и меньшим количеством времени увеличили объем потребления.

Кроме того, обратите внимание на роль субсидий, выплачиваемых государством на регулирование цен. При старой системе некоторые цены субсидировались; государство платило производителям более высокие цены, чем те, которые оно устанавливало на потребительские товары¹⁶. Предположим, что эти субсидии целиком отменены. Тогда номинальные заработки упадут, то же самое произойдет со спросом; после того, как начальные избыточные заработки будут истрачены, цены упадут.

Следовательно, инфляция оказалась всего лишь временной. Сначала был отмечен ее рост, затем она прекратилась. Таким образом, на этой стадии будет неправильным проводить аналогию с инфляцией, царящей в Латинской Америке, называя это явление инфляцией спроса. Это название предполагает, что у явления — постоянные причины, а это как раз то, что нужно определить. Что может подорвать успех работы по переходу? Реформа цен будет успешной, если она не породит инерцию; если она не создаст механизмов, которые продолжают поднимать цены. Четырьмя такими механизмами могут быть: 1) требования повышения зарплаты, 2) монополизм, 3) правительственный дефицит, 4) влияние конкуренции на предложение.

Наиболее сложной, вероятно, является проблема, связанная с требованиями повышения зарплаты; возникает ли она — зависит от ряда политических условий. Я рассмотрю данный механизм в следующем разделе. Монополизм представляет явную угрозу. Он является одним из двух центральных механизмов, способствующих инфляции в Латинской Америке, где степень защищенности и степень концентрации очень высоки. Экономика восточноевропейских стран является даже более монопольной. Следовательно, реформы цен должны сопровождаться радикальными антимонопольными мерами¹⁷.

Тем не менее заметьте, что в Латинской Америке антимонопольные меры были неуверенными и совершенно неудачными. Националистические идеологии ведут работу против расширения иностранной конкуренции, что особенно странно, принимая во внимание тот факт, что подавляющее большинство монополий все равно является многонациональными. Часто слабые попытки проведения нового экономического курса заканчивались формированием новой монополистической структуры. Опасность борьбы с монополиями путем снижения защищенности заключается в том, что она приводит к массовой безработице, в то время как борьба с монополиями путем принятия законов оказывается неэффективной, поскольку монополии, кажется, сохраняются даже без тайных сговоров. Отсюда, монополистическая структура экономики, унаследованная от дореформной системы, вероятно, будет способствовать подъему цен. На мой взгляд дефицит бюджета представляет собой еще большую угрозу.

Вновь он играет решающую роль в росте инфляции в Латинской Америке. Случай с Аргентиной является крайностью, но он заставляет нас помнить об этом. В Аргентине государство вот уже несколько лет находится на грани банкротства. Оно выживает финансово только путем непрекращающегося рефинансирования своего долга, и единственный путь, благодаря которому государство может найти кредиторов, заключается в выплате более высоких процентных ставок. Каждые несколько месяцев оно заявляет о впечатляющих мерах, выработанных в целях прекращения движения по этой спирали, но оно не в состоянии воздействовать на скрытые причины. Основная причина несостоятельности государства в том, что оно не может собрать налоги; вместо налогообложения оно занимает деньги у тех, кого оно могло бы обложить налогами. В свою очередь, как считает Лопез (Lopez, 1990), предоставление кредитов государству является самым прибыльным делом в Аргентине.

Могут ли страны, не затянутые в этот порочный цикл, избежать такой ситуации? На мой взгляд,

ответ в значительной степени неизвестен. Бюджетные расчеты, которые правительства могут провести в момент принятия стратегии горькой пилюли, могут быть лишь весьма приблизительными. Правительства не могут вычислить ни доходы, на расходы, на которые они могут официально рассчитывать. Доходы — от налогообложения, не облагаемых налогом начислений и их собственной деятельности — зависят от уровня спроса и эффективности сбора налогов. Уровень спроса наиболее неопределен при проведении структурных реформ. Расходы — в основном на поддержание доходов — зависят от влияния, которое реформы оказывают на уровень доходов и их распределение, и они опять не могут быть предсказанными в тот момент, когда инфляция достигает нескольких сотен процентов, и фирмы закрываются под давлением конкуренции. Рассмотрим пример. Польское правительство связало себя обязательствами выплатить компенсацию по безработице в размере 70% от прежней зарплаты. Но расчеты того, каким будет уровень безработицы спустя несколько месяцев проведения реформ, составляли от 300 000 до 4 000 000 человек, с коэффициентом 13. В действительности, никто не знал, каким будет уровень безработицы. Это также означает, что никто не знал, какую сумму дохода могло собрать правительство. Отсюда следует, что вероятнее всего правительство обнаружит, что для выполнения своих установленных законом обязательств оно должно иметь дефицит, превышающий контрольные цифры, и что в результате оно должно поднять процентные ставки и напечатать деньги¹⁸.

Роль зарубежной помощи, таким образом, кажется решающей. Фонды стабилизации нейтрализуют инерционные действия, оказываемые дефицитом. Однако вопрос, «достаточно ли суммы», остается открытым. Если появляется дефицит и фондов стабилизации недостаточно, единственный путь прекратить инерционную инфляцию — это сократить расходы. Является ли это политически выполнимым — обсуждается ниже.

Предположим, тогда, что цены освобождены и социальная защищенность снижена для того, чтобы добиться роста конкуренции. Тогда положение и деятельность многих фирм ухудшится. И предложение, и спрос будут временно снижаться. Влияние на динамику цен не может быть выражено общими понятиями; оно зависит от структуры и международной конкурентноспособности определенной экономики. Если предложение падает быстрее, чем спрос, будет иметь место инерционный механизм.

И в заключение, решающий вопрос, касающийся освобождения цен: возможно ли избежать инерционных механизмов? Эти механизмы могут состоять из требования повышения зарплаты, монопольного ценообразования, дефицита бюджета и отставания предложения от спроса. Латиноамериканский опыт подводит к пессимистическим выводам. Антимонопольные меры оказываются политически трудновыполнимыми — правительства не защищены от давления крупных фирм; их требования дорого обходятся в социальном отношении — они могут потребовать увеличить степень протекционизма, который служит причиной безработицы. Избежать дефицита бюджета трудно, поскольку снижение затрат зачастую неосуществимо политически. В общем, как давно отметил Хиршман, инфляция — это политическое явление. Можно ли поддержать стабильный уровень умеренной инфляции, зависит в основном от желания политических сил переждать издержки переходного периода.

Если инерционные механизмы начинают действовать, то правительства могут вернуться к антиинфляционным «ударам»: замораживанию цен, зарплат или прибыли. Опыт таких действий смешался: ни «план Аустраль», ни его детище «план Крузадо», ни последующие расcotes не продержались более нескольких месяцев, и сдерживаемые тенденции вырывались наружу всякий раз с удвоенной силой. Такие действия задумываются как выигрыш времени для структурных реформ, но в Аргентине и Бразилии они в действительности реформами не сопровождались. В Мексике и Боливии и по особым причинам

в Израиле антиинфляционные удары были эффективными. В контексте стратегии горькой пилюли они могут быть нужными, но политически очень дорогостоящими: поскольку стратегия должна как можно быстрее перейти от системы контролируемых цен к системе цен рыночных, замораживание цен означает временное прекращение реформ. Более того, замораживание цен и зарплат приводит к неэффективности распределения и вновь вводит механизмы политического заключения сделок. С экономической точки зрения замораживание цен есть не что иное, как полумера. Политически оно может отвечать требованию населения замедлить реформы, но оно также ослабляет стремление перетерпеть период адаптации.

Инфляция, таким образом, с политической точки зрения пагубна. Начальный взрыв не уменьшает, он может даже увеличить благосостояние. Хотя если установится инерция инфляции, то она затянется. И если правительство отвечает удерживанием инфляции на одном (высоком) уровне, политическое доверие реформам может быть подорванным.

НЕЗАНЯТОСТЬ КАПИТАЛА И РАБОЧЕЙ СИЛЫ.

Целью реформ является преобразование административно управляемой, монополистической, находящейся под протекторатом экономической структуры в такую экономическую структуру, которая отражает внутренние предпочтения, а также внутренние и внешние альтернативные издержки. Если эти две структуры отличаются — а они отличаются, в противном случае реформы были бы излишни, — то переход к рыночным механизмам должен вызвать некую активность, которая достигнет определенного масштаба, вызвать появление акционерного капитала, который не обесценился полностью, чтобы от него совершенно отказались, а также некоторые услуги труда, которые необходимо изъять из текущей безработицы. Если это урегулирование не произойдет незамедлительно, то результатом этого должны

быть временная незанятость капитала и труда и снижение уровня производства.

Почему наступает временная безработица? Во-первых, в монополистических и находящихся под защитой государства экономиках единственный путь рационализации распределения товаров производственного плана состоит в том, что они позволяют мировому рынку определить относительные цены. Использование мировых цен как внутренних цен недостаточно, в другом месте эти цены могут отражать альтернативные издержки, но если эти возможности не используются, то распределение ресурсов остается иррациональным. Сталь может быть дешевле алюминия на мировом рынке, но нет смысла назначать более низкую цену на сталь в той стране, которая никогда не покупает сталь и не продает алюминий. Следовательно, нужно построить действительный рынок средств производства, а это значит, что должны быть снижены тарифные барьеры и отменены другие методы протекционизма. И поскольку некая деятельность и некоторые вовлеченные в нее фирмы малопроизводительны по международным стандартам, то деятельность будет прекращена, а положение фирм ухудшится.

Во-вторых, результат внутренней конкуренции и результат внезапных изменений относительных цен будут одинаковыми. В управляемой экономике предпринимаются некоторые действия только потому, что эти экономики являются подмандатными или субсидируются и фирмы живут не по средствам. Отмена субсидий замедлит процесс.

Сельское хозяйство — это случай, который заслуживает особого внимания. Стратегия горькой пилюли, понимаемая в том смысле, который придается ей в Польше, рискует разрушить этот сектор. По разным причинам ставки доходов от сельского хозяйства во всем мире ниже ставок дохода, получаемых от промышленности и сферы услуг. Во всех развитых капиталистических странах сельское хозяйство постоянно контролируется и интенсивно субсидируется. Поэтому отмена субсидий на сельскохозяйственную продукцию в период появления конкурентных

рынков сельхозпродукции создает серьезную угрозу всему сектору. Более того, эта опасность увеличивается в результате получения продовольственной помощи из-за рубежа. Такая помощь может быть необходима для того, чтобы защитить городское население в период перехода, она помогает противодействовать инерционной инфляции, но она навязывает конкуренцию внутреннему сектору сельского хозяйства, которую он может и не вынести.

В-третьих, незанятость капитала и труда может возникнуть в результате требования повышения зарплаты. Однако это не является конкретно результатом переходного периода. Более того, вопрос, появится ли безработица в результате требований повышения зарплаты, продолжает оставаться дискуссионным вопросом даже при развитом капитализме.

И наконец, один источник незанятости рабочей силы в переходный период является характерным для командных экономик. Хорошо известно, что эти экономики нанимают лишние рабочие руки. Поскольку снабжение фирм происходит аритмично и фирмы заинтересованы в выполнении плана, то они имеют тенденцию накапливать рабочую силу. Если они прекратят это делать, то снизят занятость.

Снижение защищенности, введение конкуренции, уступки требованиям повышения зарплаты и прекращение накопления рабочей силы приведут к тому, что акционерный капитал не будет контролироваться, некоторая экономическая деятельность будет идти более низкими темпами и некоторые рабочие будут уволены. Размеры этих последствий зависят от структуры определенной экономики и от международных экономических условий, в которых проводятся реформы. С практической точки зрения эти размеры, возможно, непредсказуемы. Подсчеты того, что ВВП на душу населения упадет до 20% в Венгрии и Польше в 1990 году, были не чем иным, как догадкой¹⁹. Единственный путь продолжить — это начать и посмотреть, что из этого выйдет.

Центральный вопрос опять состоит в том, будет ли безработица переходным явлением, но сейчас обсуждается вопрос не об инерции, а о новых источ-

никах капитала и о новых действиях, заменяющих старые. В управляемых экономиках, в частности в Восточной Европе, особенно слабо развит сектор услуг и фактически отсутствует малое предпринимательство. Монополия государства распространялась на автомехаников, а государственное регулирование сметало продавцов с улиц. Следовательно, имеется большой запас инициативы и занятости, и он может быть высвобожден для замены деятельности, от которой отказались. Тем не менее этого недостаточно.

Предположим, что финансовые рынки существуют, так что разорившиеся фирмы покупаются кем-то еще, и акционерный капитал, имеющий большую стоимость, чем стоимость лома, используется вновь. Предположим, что рынки труда действуют с небольшим трением и программы по обеспечению занятости быстро переподготавливают уволенных рабочих. И наконец, предположим, что увеличение безработицы приводит к возрастанию производительности труда и демократизация кредита стимулирует появление малого предпринимательства.

При таких условиях экономическая структура быстро регулируется и уровень безработицы быстро снижается.

Очевидно, что рынки играют решающую роль в определении того, произойдет ли регулирование. Без поддержки финансовых рынков не приносящие доходы фирмы могут только закрываться, а их акционерный капитал может лишь обесцениться. Без кредитных рынков образование новых фирм будет крайне редким. Без рынков труда и программ по обеспечению занятости рабочей силы структурная безработица достигнет огромных размеров. Однако даже это еще не все, поскольку последствия структурных реформ не могут быть отделены от изменений форм собственности. Необходимо задать два вопроса: 1) Какие формы собственности вероятно появятся? 2) Каково будет их влияние на занятость, инвестиции и производительность труда? Позвольте мне тут же предостеречь, что ответ ни на один вопрос не является очевидным ввиду причин, рассмотренных в предыдущей главе. Даже если кто-нибудь

смог бы предположить, что формы собственности действительно оказывают влияние на работу фирм, мы далеки от понятия эндогенной теории фирмы, теории, которая объясняла бы, почему, в частности, определенные виды фирм возникают в условиях их относительной деятельности.

Единственным изменением собственности, связанным с проведением реформ в нескольких различных странах, является приватизация государственных предприятий, включая некоторые коммунальные предприятия. Движимая международными финансовыми институтами, приватизация являлась и является почти универсальным компонентом проводимых в последнее время реформ. Я не думаю, что продажа государственных фирм может быть оправдана критерием эффективности; эффективность может быть увеличена введением конкуренции среди государственных фирм без приватизации. Необходимость приватизации в том, чтобы пополнить государственную казну, и поэтому приватизация является тем шагом, который привлекает любое государство, страдающее от дефицита бюджета²⁰.

Но что же означает приватизировать? Предположим, государство продает все или большинство своего производительного капитала; появления какой структуры собственности можно ожидать? Обратите сначала, что может появиться много форм собственности. Поскольку решения о распределении ресурсов децентрализованы, а материальное вознаграждение связано с деятельностью, то вопрос собственности состоит из трех частей: кто решает, кто производит и кто извлекает выгоду? Ответы на эти вопросы больше не дают только две или даже три формы собственности: государственную, кооперативную и частную. Позвольте мне перечислить некоторые варианты²¹.

1. Государственная фирма, выплачивающая зарплату в соответствии с некоей центрально установленной шкалой и не имеющая права инвестировать из своего собственного дохода или занимать на рынках долгосрочного ссудного капитала. Это традици-

онная социалистическая фирма как в Китае сегодня, так и в Польше до 1982 года.

2. Государственная фирма, принимающая самостоятельные решения. Она принадлежит государству, которое несет за нее финансовую ответственность (такая фирма может быть закрыта, но не может обанкротиться). Она может либо платить налоги, либо не платить их.

3. Государственная фирма, самостоятельно принимающая решения и принадлежащая государству, но являющаяся финансово автономной, т.е. способная обанкротиться и платящая налоги так же, как и частные фирмы²².

4. Корпорации, которые могут владеть друг другом. Это венгерский вариант, согласно которому государственные корпорации будут принадлежать друг другу.

5. Корпорации «общественных органов». Это еще одно венгерское предложение, согласно которому все организации и ассоциации, до сих пор находившиеся на госбюджете, станут владельцами предприятий, направленных на получение прибыли.

6. «Социальные» корпорации. Такой фирмой управляет совет директоров, в состав которого входят представители служащих, правительства, общественности. Она должна тратить весь остаток дохода.

7. Кооператив, в котором все служащие и только служащие являются его членами. Его члены не могут быть исключены или временно отстранены.

8. Кооператив, который нанимает неявляющихся его членами, получающих зарплату, но не участвующих в разделе прибыли.

9. Кооператив, в котором все его служащие являются его членами, но некоторые пайщики не работают на эту фирму²³.

10. Фирма, являющаяся государственной собственностью инвестора.

11. Фирма, являющаяся частной собственностью инвестора.

12. Смешанные формы.

Теперь отметим, что одна характерная черта реформ заключается в том, что, пока реформы прово-

дятся по высоко идеализированным планам создания конкурирующих рынков, структура собственности возникает спонтанно, не руководствуясь каким-либо планом. Фактически, правительства пытаются продать государственные предприятия всем, кто сможет их купить.

Действительно, процесс до сих пор содержал значительную долю случаев коррупции. В последние месяцы пребывания в должности чилийская диктатура продала несколько фирм представителям военных кругов и гражданским политическим деятелям на условиях, вызывающих подозрения. В Польше развернутый процесс «аппроприации» номенклатуры расширился, когда управляющие заводами и другие члены бюрократического аппарата разработали способы наложить руки на государственную собственность. Как считает Тарковский (Tarkowski, 1989), они превратились из «аппаратчиков» в «предпринимательчиков».

Какая бы структура собственности не появилась в результате приватизации, она появится целиком из-за бездействия. Планы оптовой продажи государственной собственности попросту нереальны. Личные сбережения и сбережения национальных частных фирм малы по сравнению с каким-либо разумным подсчетом стоимости государственного сектора. В Польше личные сбережения составляли около $\frac{1}{3}$ от ВВП, или около 8% основных фондов к концу 1989 года, и эти цифры не могут сильно отличаться от цифр в какой-нибудь другой стране. С экономической точки зрения привлечение иностранных покупателей кажется заманчивым, но при этом быстро появляется националистическое противодействие. Слова «Вы распродаете страну иностранцам» являются обвинением, которому ни одно правительство не может противостоять.

Следовательно, большой сектор экономики может остаться в руках государства, поскольку нет покупателей.

Альтернативой такой распродаже является своего рода свободное, субсидированное или финансово кредитное распределение работникам, управляющим

или населению. Один венгерский проект, например, заключался в передаче того, чем владели государственные фирмы, всем органам, которые теперь субсидируются государственным бюджетом: местным властям, университетам, общественным ассоциациям и т.д. В Чехословакии известное предложение заключалось в том, чтобы распределить среди всех граждан акции взаимных фондов, которые будут включать акции приватизированных компаний. Еще одна альтернатива, которая получила достаточно широкую поддержку в Польше, состояла в том, чтобы продать некоторые акции работникам в кредит. В любом случае, вероятным кажется то, что появится большой сектор, принадлежащий работникам, в частности в промышленности.

Спонтанный характер изменения форм собственности хорошо проиллюстрирован происшедшим с верфью им. Ленина в Гданьске, колыбелью «Солидарности». Последнее коммунистическое правительство поняло, что фирма не приносила прибыли, и решило попросту ее закрыть. В защиту своих интересов рабочие начали искать частного покупателя и нашли кандидата в лице миллионерши — американки польского происхождения. Но группа немецких экспертов, которых она наняла для установления стоимости верфи, установила, что верфь почти ничего не стоила, и сделка не состоялась. На данной стадии рабочие оказали давление на новое, посткоммунистическое правительство с целью превратить верфь в фирму, являющуюся собственностью рабочих, и продлить кредит на продажу собственности. Именно таким остается положение дел в момент написания этих строк (в конце концов верфь все-таки была закрыта. — *Прим. ред.*).

Если верфь не будет собственностью рабочих, штат будет сокращен до 60%, некоторые цеха закроются, и будут вестись поиски новых клиентов.

Случилось бы это, если бы владельцем осталось государство? Что если фирма была бы продана американской миллионерше? Система, которая, вероятно, появится в результате приватизации, будет по-прежнему объединять большой государственный

сектор, возможно огромный сектор, являющийся собственностью работников, и смесь крупных и маленьких частных фирм. Будет ли такое смешивание действовать иначе по сравнению со смешанными экономиками, которые нам известны, — остается лишь догадываться; мы до сих пор не знаем достаточно о влиянии, оказываемом собственностью на работу фирм.

Поскольку структура собственности остается неопределенной и поскольку мы мало знаем о влиянии различных смешанных форм собственности на работу фирм, то все прогнозы, касающиеся динамики инвестирования, занятости рабочей силы и технологического новшества, остаются несущественными. Даже если мы предположим, что новые структуры собственности будут функционировать так же, как и смешанные экономики, о которых мы знаем из опыта, остается много непредсказуемого, касающегося осуществимости создания рынков. Нелегко создать финансовые рынки, когда нет сбережений; рынки труда не будут действовать, когда нет рынка жилья. Кредитные рынки повсюду предвзято относятся к предпринимателям, поскольку те ничем толком не располагают в качестве обеспечения кредита.

Однако если стратегия горькой пилюли в действительности реализуется, то траектория объема производства и занятости рабочей силы, вероятно, будет соответствовать политически более допустимой модели резкого спада и постепенного экономического подъема. Если снижение протекционизма и освобождения цен является теми жестокими мерами, с которых можно начать, то их последствия должны проявиться немедленно. Впоследствии, до тех пор пока правительство не будет способствовать спаду производства, чтобы побороть инфляцию, должен наступить экономический подъем, даже если он будет медленным.

Неэффективность распределения ресурсов

Даже если в конечном итоге реформы прекратили бы рост эффективности распределения ресурсов, они привели бы к неправильному распределению в

переходный период. Как возразила Комиссо (Comisso, 1988) комментируя опыт Венгрии, «проблема заключалась не просто в плохо спланированной или неправильно осуществляемой реформе, а в состоянии промышленной структуры, которая развилась раньше реформы». Она указала, что при монополиях, отсутствии финансовых рынков и нечеткой структуре собственности начало реформ может увеличить неправильное распределение ресурсов.

Одна из причин в том, что реформы увеличивают неопределенность: все постоянно меняется и никто не знает, что произойдет. При таких условиях фирмы все больше будут предпочитать ликвидность (см.: Vickers, 1987), и инвестиции снизятся²⁴. Другая причина в том, что нет некоторых рынков, в частности, фьючерных.

Мое единственное примечание касается идеологического кредо, которое направляет современные реформы. Заметьте, что сам термин «реформы» за несколько последних лет стал синонимичным переходу от управляемой экономики к рыночной. Двадцать лет назад при упоминании этого термина появлялась мысль о распределении земли между крестьянами в Латинской Америке или о попытке поправить плановую систему в Восточной Европе. Сегодня этот термин означает власть рынков.

Рынки являются единственным действенным механизмом для распределения ресурсов, который нам известен. Но положение о том, что в случае, если индивидуумы усвоят издержки и выгоды своего решения и каждый отреагирует на влияние цен, является ничем иным, как предметом доверия. Мощные культурные барьеры должны быть разрушены, и устоявшиеся привычки должны быть искоренены, если людям придется действовать в качестве активных субъектов в рыночных отношениях. Приведем в качестве доказательства лишь один пример: на то, чтобы убедить крестьян обмениваться урожаем (Shapiro, Taylor, 1989: 12), уходит 20—30-процентная разница в ожидаемых ставках дохода плюс некоторые другие условия. На модернизацию, процесс,

благодаря которому индивидуумам прививались рыночные отношения, в Восточной Европе ушли десятилетия или даже больше. Более того, несмотря на то, что, как однажды заметил Ленин, каждую кухарку можно научить управлять социалистической экономикой, рыночная экономика — это мир бухгалтеров, биржевых маклеров, плановиков по капиталовложению и финансовых магов. На то, чтобы кухарки получили степень магистра экономики управления, уходит много времени.

Одной структурной помехой польской плановой экономики является перерабатывающая промышленность. Каждый июнь поставки клубники почти нескончаемы; несколькими неделями позже ягоды, которые не были съедены или обработаны домашними хозяйствами, портятся. Цена на клубнику в июне очень низкая; зимой спрос на замороженные или законсервированные фрукты высокий.

Отреагируют ли индивидуальные предприниматели на эту возможность, движимые рациональной системой цен? Возможно, они отреагируют, если они смогут транспортировать клубнику с фермерских хозяйств на заводы, если они смогут сохранить продукт, если они смогут связаться с потенциальными покупателями.

Сейчас они этого не могут: существует мало дорог, мало грузовиков, нет развитой телефонной сети. Будет ли все это в наличии в результате поведения индивидуумов, направленного на максимальное извлечение выгоды? Это как раз то, веру во что нам внушает кредо сторонников доктрины монетаризма. Но массовое перераспределение ресурсов нигде не проходило спонтанно; к нему приводило государство.

В нескольких капиталистических странах, в которых частное предпринимательство было развито слабо, — в Бразилии, во Франции, Мексике, Южной Корее — государство не только привело к накоплению капитала, но и со временем создало местную буржуазию. В странах Восточной Европы нет своей буржуазии, и преобладающее настроение настолько

склонно к переменам, что государство не может играть ту же роль в ближайшем будущем. В условиях рыночной экономики ожидается быстрый рост числа капиталистов.

Более того, одно отличие в пользу латиноамериканских стран заключается в том, что они длительное время подвергались воздействию рыночных отношений и что там существует ряд динамичных современных капиталистических фирм, которые могут послужить примером. В Восточной Европе данный опыт ограничен, и знания о рынке скудны. В 1970-х годах поляки пытались продать потребительские товары длительного пользования на Западе, не предлагая каких-либо услуг после продажи товаров, и они, как и ожидалось, потерпели неудачу. Из неофициальных разговоров я узнал, что сегодня они готовы сделать то же самое; они до сих пор верят в то, что, если товар конкурентноспособен, он будет продан.

Это не является аргументом против реформ, ориентированных на создание рынка. Но необходимо учитывать, что неэффективность распределения в период перехода будет результатом действия неуловимых факторов: отсутствия рынков, отсутствия знания, как действуют рынки, слабой изученности механизмов трансформаций собственности, отсутствие местных капиталистов.

Последствия распределения

Переход к другой системе был бы единогласно поддержан, если бы каждый верил, что при новой системе он будет более обеспеченным, или если бы у каждого было сильное нормативное обязательство. Если индивидуумы заботятся лишь о своем благосостоянии, то достаточными являются два условия: 1) новая система более продуктивна и 2) распределение благосостояния при новой системе сохраняет относительные различия старой системы²⁵. Если у людей есть понятия справедливости, которые ведут их к тому, чтобы иметь предпочтения над механизмами распределения независимо от их результатов,

они могут единогласно проголосовать за систему, которая более продуктивна и которая удовлетворяет некоторым нормам беспристрастности, честности или справедливости, нарушаемых при настоящей системе²⁶. Однако, хотя революции и выдвигают универсальные лозунги, они изменяют распределение доходов и благосостояния. Если положение какой-либо группы в условиях новой системы ухудшится, вероятнее всего эта группа выступит против перехода. И то, что нормативные обязательства всегда действуют в поддержку структурных преобразований, не является очевидным.

Проблема в том, не разрушат ли результаты распределения процесс реформ, даже если стабильное государство постреформной системы будет лучшим по Парето, чем старое, и даже если не будет места зависти. Есть все основания полагать, что будут объявлены результаты распределения переходного периода и что изменения в уровне абсолютного потребления будут неустойчивыми и, возможно, даже будут угрожать жизни. Многие из этих изменений легко предсказуемы; другие предугадать нельзя.

Некоторые последствия распределения легко предугадать, как и социальные основы оппозиции. Многие бюрократы высшего уровня занимают свои посты из-за номенклатурной системы — политического контроля над большинством важных административных постов. Если у них нет профессиональных умений, которые могут быть прибыльно использованы в рыночной экономике, и если они не используют свои общественные посты в целях накопления личного состояния, они оказываются выброшенными на улицу.

Конечно, наиболее вероятным является то, что от наступления безработицы пострадают неквалифицированные рабочие. В свою очередь служащие, занятые в государственном секторе, теряют работу в результате снижения общественных затрат и модернизации правительственной бюрократии. Заметьте, что в Латинской Америке профсоюзы государственного сектора выступают в первых рядах сопротивле-

ния, оказываемого рыночным реформам. Следовательно, антиреформная коалиция, вероятно, состоит из бюрократов, не получивших профессионального образования или не имеющих частных доходов, неквалифицированных рабочих, государственных служащих, и это действительно то, что показал анализ опыта Восточной Европы (Bruszt 1988, Kolarska-Bo-binska 1988, Заславская, 1988)²⁷.

Тем не менее тот, кто проглотит пилюлю, зависит от отношений между политическими силами. Отмена субсидий неизбежно коснется больших фирм, и увольнения затронут неквалифицированных рабочих и госслужащих; этого не избежать. Но можно добиться снижения государственного дефицита двумя путями: ограничением расходов или сбором доходов через налогообложение.

Важный вопрос заключается в том, в состоянии ли определенное государство политически или административно собрать доход от налогов с тех, кто может платить налоги, и предоставить услуги по улучшению бытовых условий или поднять доходы тех, кто пострадал от рыночной экономики. Не нужно объявлять о регрессивных последствиях реформ, если государство может собрать налоги, эффективно предоставить услуги по улучшению бытовых условий и увеличить доходы²⁸.

Система по обеспечению благосостояния и увеличению дохода должна быть построена с нуля. Система по улучшению благосостояния в рыночных экономиках разработана для того, чтобы защищать людей от неудач, которые они терпят при рыночной экономике. Рыночные доходы оцениваются для обложения налогом, доходы облагаются налогом или удерживаются иными способами, предоставляются услуги по обеспечению благосостояния и повышаются некоторые минимальные доходы. Следовательно, в Восточной Европе должна быть построена совершенно новая система; бюрократия, которая управляла экономикой, должна за одну ночь превратиться в ту, что собирает налоги и распределяет доходы государства. Огромный танкер необходимо развернуть одним махом. При таких условиях большие

категории людей могут оказаться за бортом; может оказаться так, что реформы будут угрожать жизни тех, у кого нет трудовых доходов или доходов от собственности и кому государство пока еще не оказывает помощи. Такие люди не могут ждать, когда реформы заработают.

Правда, они могут обладать малой политической властью, в частности поскольку это пожилые люди, крестьяне, которые изолированы в силу географических условий, и люди с минимумом образования. Но они являются социальным союзником для других групп, страдавших от дистрибутивных последствий реформ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Какими бы ни были долгосрочные последствия, в конце концов реформы, вероятно, вызовут инфляцию, безработицу, неправильное распределение ресурсов, а также приведут к колебаниям в относительных доходах. Эти последствия не являются популярными с политической точки зрения. А при таких условиях демократия в политическом государстве действует против экономических реформ. По словам Комиссо (Comisso, 1988), старая социальная иерархия может возродиться по причине того, что рыночная экономика не смогла достичь эффективных результатов.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА РЕФОРМ: МОДЕЛЬ

И политические реакции на реформы, и возможный успех или провал реформ зависят не только от экономических последствий, но и от политических условий. В ноябре 1987 года программа реформ не смогла получить поддержку большинства голосов на референдуме, проводимом коммунистическим правительством в Польше. Однако экономические реформы, проводимые посткоммунистическим

правительством, нашли едва ли не всеобщую поддержку.

Программа была почти такой же; что изменилось, так это правительство. Следовательно, вопрос не только в том, как глубока и широка впадина перехода, но также и в том, какие политические силы вероятнее всего ее пройдут. Это вопрос, рассматриваемый здесь.

Три несколько стилизованных факта составляют данные этого анализа. Во-первых, кажется, реформы всегда начинаются неожиданно. Во-вторых, они часто вызывают широкую начальную поддержку, исчезающую по мере того, как возникают социальные издержки. И наконец, реформы имеют тенденцию к колебаниям: они то останавливаются, то продолжают.

Выбор стратегий

Для того чтобы рассмотреть, как выбираются стратегии реформ, сравните сначала три траектории потребления, изображенные на рисунке 4.2. В условиях стратегии радикальных изменений, траектория R, потребление быстро и значительно падает и быстро восстанавливается. Эта радикальная стратегия носит название «горькой пилюли», принятая с убеждением, что все такое неприятное на вкус должно быть полезно²⁹. При стратегии последовательных изменений, траектория G, потребление снижается медленно, но оно не уменьшается настолько, насколько уменьшается при радикальной стратегии, и возвращается к начальному уровню позже³⁰. Поскольку был снова достигнут начальный уровень, указывающий на конец перехода, экономика растет с одинаковой скоростью при этих двух стратегиях. Эти траектории намеренно созданы таким образом, что при радикальной стратегии социальные расходы выше, при этом социальные издержки определяются совокупным спадом в потреблении в течение переходного периода³¹. Если не проводится ни одна из этих реформ, то потребление остается на уровне статус-кво, S³².

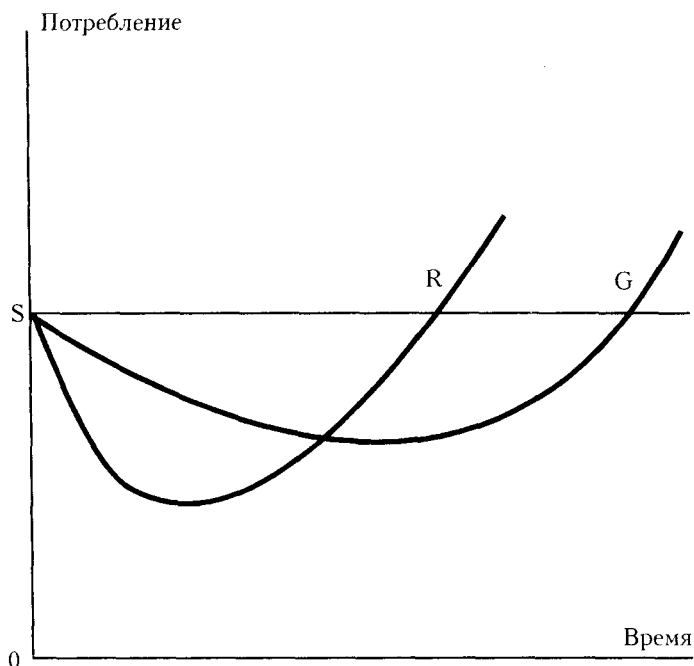

Рис. 4.2

Выбор среди этих альтернатив зависит от отношения трех действующих лиц: технократов, занимающих официальные посты политиков и населения. Я предполагаю, что людям хочется есть, технократам — преуспеть в делах, а политикам — получить поддержку³³. Давайте рассмотрим их предпочтения, касающиеся реформ. Начнем с народа. Согласятся ли когда-нибудь люди добровольно перетерпеть издержки переходного периода; будут ли они когда-нибудь голосовать за партию, предлагающую снизить уровень их потребления? И выберут ли они когда-нибудь стратегию, порождающую более высокие издержки, чем ее более умеренные альтернативы?

Есть несколько причин, по которым при некоторых условиях люди могут поддержать радикальную программу. Стандартных предположений достаточно для того, чтобы определить такие условия. Предположим, что индивидуумы максимизируют сегодняшнюю ценность их будущего потребления, не принимая во внимание будущее по соображениям риска³⁴. Избиратели изучают уровень потребления, с которым они столкнутся при каждой стратегии: статус-кво, постепенной и радикальной. Если они уверены в успехе определенной стратегии, то они оценивают уровень потребления, которого они достигнут спустя длительное время, почти так же высоко, как и их сегодняшний уровень потребления. Если они недостаточно уверены в стратегии, то они придают малую ценность отдаленным результатам и сосредотачивают внимание на самых ближайших результатах. Они выбирают стратегию, которую они ценят больше, обусловленную предполагаемым уровнем потребления и их уверенностью в будущем при данной стратегии³⁵.

Исходя из данных предположений, люди проголосуют за партию, предлагающую пересечь впадину, если они верят, что их будущее после реформ будет выше статус-кво, чтобы компенсировать временное ухудшение. И если избиратели глубоко уверены в будущем, то они выбирают стратегию радикальных изменений, несмотря на то, что она влечет за собой более высокие социальные расходы, чем стратегия постепенных изменений. Если решительный избиратель уверен в том, что реформы будут успешными, то расстановка стратегий по степени важности будет следующей: $R > G > S$ ³⁶. Если этот избиратель менее уверен в будущем, то расстановка будет — $G > R > S$. Если уверенность продолжает снижаться, порядок предпочтений проходит от $G > S > R$ к $S > G > R$: если у избирателей нет уверенности в реформах, они выберут статус-кво.

Следовательно, радикальные реформы, хотя и влекут за собой высокие социальные издержки, не всегда обязательно навязываются населению технократами или политиками. Если люди доверяют пра-

вительству, избиратели могут выбрать «лошадиную терапию» — так поляки описали план Бальцеровича. Действительно, данные ряда стран, включая Польшу (план Бальцеровича), Бразилию (Plano Collor), Аргентину (при Менеме) и даже Перу (при Фудзимори), показывают, что программы реформ получают поддержку, когда их начинают, даже если они вызывают снижение уровня жизни³⁷.

Но предположим, что избиратели выбирают любую из двух программ реформ вместо статус-кво, но предпочитают постепенную радикальной. Будет ли выбрана постепенная программа?

У экономистов успех определяется выполнением плана по преобразованиям экономики, достижением своих целей — стабильности, платежеспособности и эффективности. Команде нужны результаты, она не особенно озабочена социальными издержками. Следовательно, она предпочтет статус-кво и постепенным реформам радикальные. Если экономисты и озабочены политической реакцией, то все равно хотят продвинуться как можно дальше, прежде чем наступит реакция. Согласно заявлению Организации по экономическому сотрудничеству и развитию «Переход от командной к рыночной экономике», «хотя постепенный переход и может означать меньшую социальную напряженность, долгий период умеренных реформ влечет за собой опасность того, что как реформаторы, так и население "устанет от реформ", так как те не приносят видимых перемен. А кроме того в течение долгого периода реформ различные антиреформные и другие лобби могут мобилизовать свои силы и постепенно задушить процесс реформ». Или как заметила Нельсон (Nelson, 1984: 108), «защитники "шоковой терапии" убеждены, что готовность народа пожертвовать собой и потерпеть недолговечна и что, аналогично, смелость политиков ограничена. Если процесс урегулирования слишком постепенен, оппозиция объединится, и процесс сойдет с рельсов».

Избранные политики находятся в противоречивой ситуации. Они осознают неизбежность реформ, но предполагают, что народ будет против них. У по-

литиков ограниченное понимание программ реформ; это вопросы техники³⁸.

Они испытывают давление со стороны зарубежных кредиторов, опасение, что их страна останется вне международного разделения труда, и озабочены растущей бедностью. Следовательно, они понимают, что нужно предпринять нечто радикальное. При этом политики озабочены и социальным миром, и народной поддержкой. То, что они решат, значит, зависит, с одной стороны, от их уверенности в команде экономистов, и, с другой — от представлений о реакции народа. Я полагаю, что они думают следующим образом. Они знают, что определенные меры наверняка вызовут бурное сопротивление, и их они стараются избежать³⁹. С другой стороны, их больше всего беспокоит то, что кривая развития экономики должна пойти вверх до того, когда наступит момент следующих выборов; они считают, что, как только положение вещей изменится, избиратели будут более оптимистичными и забудут прошлые лишения.

Следовательно, политики готовы к радикальным стратегиям, если они верят заверениям технократов в том, что экономика изменится до следующих выборов.

Если политиков убедят в том, что реформы необходимо начать еще до выборов, то у них появится искушение манипулировать повесткой дня, сначала предлагая выбор между программой одной реформы и статус-кво, или, пока их не изберут на должность, будут касаться своих экономических планов расплывчато. Но, даже если победившие кандидаты вели кампанию против реформ, критикуя их за социальные издержки, они могут вдруг всех удивить, приняв радикальную стратегию, уже будучи в должности. В то время как различных доводов может быть недостаточно, чтобы подтолкнуть их на путь реформ, против одного невозможно устоять. Если правительство банкрот — если оно испытывает дефицит и не может занять денег, — все политики, независимо от своей идеологической ориентации, избирательных программ и социальных основ, будут

готовы сделать все, чтобы восстановить его кредитоспособность.

В Боливии в 1985 году Виктор Паз Эстенсоро считался кандидатом народа против Хьюго Банзера. Выборы состоялись 15 июля, ни один из кандидатов не набрал большинства голосов, и 6 августа Конгресс избрал Пазу. Двумя неделями позже в речи, озаглавленной «Боливия умирает», он объявил программу самых радикальных рыночных реформ в истории Латинской Америки. В Аргентине Карлос Менем туманно говорил о своей экономической политике в ходе своей президентской кампании 1989 года, создавая у всех впечатление, что он будет действовать как перонист. На самом деле он всем сердцем приветствовал традиционную антиперонистскую экономическую политику, включающую массовую денационализацию. В Бразилии все члены Конгресса, включая лидера большинства Фернандо Энрике Кардозо, узнали о плане Крузадо, только когда декрет президента попал в средства массовой информации (Sola, 1990: 21). В Польше правительство Мозавецкого пришло к власти в августе 1989 года в результате Мадленских соглашений в апреле и выборов в июне.

Первый намек на суть экономической программы был дан обществу 29 октября, а официально программа была представлена Бальцеровичем в ходе пресс-конференции 5 октября. Она сильно отличалась от апрельских соглашений (их тексты см. в *Porozumienia Okraglego Stolu*, 1989). Лидер «Солидарности» в Сейме, Бронислав Жиремек, пожаловался, что «неприемлемо, чтобы члены парламента из газет узнавали, какова экономическая программа правительства» (Domaranczyk, 1990: 93). В Венгрии партия, защищавшая радикальные реформы, SZDSZ, проиграла выборы MDF, которая занимала традиционную центристскую позицию. Теперь, кажется, MDF будет проводить рыночные реформы.

Следовательно, программы реформ принимаются независимо от того, поддерживаются ли они на выборах или нет. По позиции кандидатов в ходе избирательной кампании нельзя определить, что они будут делать, получив должность.

Динамика народной поддержки

Даже в тех случаях, когда народ сначала поддерживает радикальные решения, ограниченные данные, которыми мы располагаем, показывают, что такая поддержка уменьшается, причем часто резко, по мере того, как народ на собственной шкуре испытывает социальные издержки⁴⁰. Оппозиция отражается в вопросах общественного мнения, выборах, забастовках и иногда в бунтах.

Почему народ сначала поддерживает определенные реформы, а затем оказывается против них? Если предположить, что народ изначально поддерживал программу реформ на основании положения фон Неймана—Моргенштерна, т.е. он выбрал программу с максимально увеличенной ожидаемой общественной полезностью, то уменьшение поддержки можно объяснить только падением уверенности в успехе реформ.

Доверие играет важнейшую роль в формировании народной реакции. Оценка народом своего будущего уровня потребления зависит от того, насколько он уверен, что его потребление увеличится в результате сегодняшних жертв. Люди готовы потерпеть в ближайшее время, если они верят. Причина в том, что народ не знает, какую цену он заплатит в переходный период и как долго он будет длиться. Структурные трансформации экономики — это прыжок в омут: народ не знает, где дно и на сколько ему придется задержать дыхание.

Все, что люди знают, это то, что, как им сказали, произойдет, и то, что на самом деле происходит: погружаются ли они или уже всплывают, улучшилось ли положение вещей.

Доверие — это акции: их запас можно истощить и их можно накапливать.

Их можно потерять двумя способами: из-за колебаний в темпе проведения реформ и из-за ошибочных прогнозов.

Если политики обещают немедленные улучшения, но потребление все же падает, компетенция правительства ставится под вопрос, и даже, возмож-

но, его честные намерения и добросовестность. Отметим, что у технократов есть хорошая причина верить оптимистическим прогнозам: они должны убедить политиков, что переход не будет слишком долгим и дорогим. В свою очередь политикам трудно вести свою кампанию, обещая понижение дохода в случае их избрания; депрессии боятся в большинстве стран. В результате политики склонны давать нереалистические обещания о скорых результатах реформ, и народ вскоре осознает, что правительство было либо некомпетентным, либо нечестным⁴¹. Насколько мне известно, ни одно правительство в Латинской Америке, за исключением правительства Боливии в 1985 году, не подготовило население своих стран к падению доходов, объявляя программу реформ. Даже в Польше, где правительство ожидало предстоящие трудности, депрессия оказалась более глубокой, чем предполагалось. А когда народ учится не верить правительству, его уверенность в будущем снижается и вместе с ней — его поддержка реформ.

Колебания в темпе проведения реформ, возможно, являются еще более пагубными. Если правительство отказывается от определенной программы реформ и начинает новую программу, то народ, зная, что реформы провалились в прошлом, вряд ли поверит, что они будут успешными в будущем. В Бразилии, где народ испытал провал трех больших и нескольких меньших программ реформ, 75% респондентов считали, что инфляция увеличится или останется прежней, если начнется осуществление четвертой, Plano Collor (Folha de S. Paulo, 15 сентября 1990 года). Процесс образования влияет на поведение индивидуумов как экономических и как политических субъектов. Фирмы и потребители учатся действовать, исходя из ожидания того, что реформы провалятся; политические силы учатся не предавать гласности свою поддержку реформ. Однако у политиков нет другого выбора кроме колебаний. Как мы увидим позже, если они озабочены прогрессом проведения реформ, их лучшей ставкой будет принятие радикальной стратегии действий, полностью осознавая, что им придется ее смягчать под общественным

давлением. Оптимальная стратегия неустойчива. И в самом деле, подавление всеобщей забастовки в Боливии в 1985 году убедило общественность, что правительство настроено решительно, и партии, поддерживающие длительные реформы, получили 65,4% голосов на следующих выборах в мае 1989 года (Cariaga, 1990). Но такая решительность рискованна, и не только для политиков; она рискованна для демократического государства. Политики, заинтересованные в общественной поддержке, должны отказаться от своей первоначальной решительности, если они сталкиваются со слишком большим противодействием.

Если уверенность пропала, то радикальные программы нельзя проводить еще раз при демократических условиях. Правительство сначала должно вернуть уверенность, при таких условиях, обычно включающих увеличивающуюся инфляцию, можно предпринять только постепенные — точнее, частичные — реформы. Именно поэтому неортодоксальные программы стабилизации, даже часто сопровождаемые заявлениями о последующих структурных реформах, представляют собой попытки аккумулировать доверие, не подвергая людей издержкам, присущим проведению новой политики, уменьшению общественной занятости или увеличению налогообложения. Если программа стабилизации успешна, то открываются двери для продвижения дальше; если нет, то еще больше уменьшается желание перенести издержки переходного периода.

Падение доверия объясняет уменьшение поддержки реформ, если предполагается, что народ достиг максимума ожидаемой общественной полезности будущего потребления. Но некоторые альтернативные интерпретации его первоначальной приверженности радикальной стратегии ведут к заключению о том, что его поддержка исчезнет, даже если доверие останется прежним, только потому, что народ испытает настоящие издержки переходного периода.

Одно из объяснений состоит в том, что народ выбрал радикальную стратегию, пытаясь взять на

себя определенные обязательства. Предположим, что статус-кво — ужасно, люди сыты по горло настоящей системой либо из-за гиперинфляции, либо из-за нехватки чего-либо. При этом люди знают, что, когда их потребление будет ниже статус-кво, у них появится искушение вернуться к нему. Радикальной стратегии отдается предпочтение, потому что она создает необратимость; она предлагает полный разрыв с прошлым. (Этот вид рациональности был проанализирован Элстером (Elster, 1984).) Но когда люди на собственной шкуре ощущают издержки реформ, они хотят вернуться назад.

Второе объяснение состоит в том, что у людей может быть четкое отношение к риску и интертемпоральному замещению потребления (Kreps, Porteus, 1978, 1979a, 1979b). Предположим, люди знают, что их потребление будет идти по схеме $C, C, C, \dots C', C', C', \dots$, где C' — лотерея с той же ожидаемой ценностью, что и определенная ценность C , но они не знают, когда произойдет переключение с C на C' ⁴². Было показано (Weil, 1990: 32), что «лотереи, в которых неопределенность разрешается рано, менее рискованны, чем лотереи с поздним разрешением с тем же распределением призов».

Следовательно, не расположенные к риску личности предпочтут раннее разрешение. Они предпочитают как можно раньше увидеть, что с ними случится в результате реформ, и они выберут радикальные реформы. Но предположим, что однажды определенность достигнута, по крайней мере некоторые люди находят, что их условия резко ухудшились. Они предпочитают вернуться к определенному уровню C' , который они испытали ранее.

И, наконец, третья причина была предложена Лоуэнштейном (Loewenstein, 1987), который привел экспериментальные данные о том, что некоторые люди не любят ждать, пока произойдет какое-либо неприятное событие. Он утверждал, что люди оценивают потребление отдельно от предвосхищения. Когда событие само «скоротечно и ярко», предвосхищение преобладает при оценке путей потребления: некоторые люди предпочитают с этим покон-

чить. Кроме того, люди выбирают радикальные реформы, так как не любят ждать, зная, что им придется рано или поздно перенести трудности; но, не любят, когда их испытывают.

Эти положения ведут к выводу о том, что люди могут предпочесть значение R значению G , но если используется R и люди переносят издержки переходного периода, то их предпочтения меняются на G или даже на S . Следовательно, динамика, описанная ниже, имеет место, независимо от положения об общественной поддержке.

Динамика реформ

Даже если первоначальная стратегия была принята со всеобщего согласия, маловероятно, что проведение реформ будет проходить гладко, и остается неясным, будет ли пройдена впадина. Можно показать, что у радикальных программ большая вероятность продвинуться вперед, чем у постепенных, даже если избиратели предпочтут постепенные методы радикальным. Под «продвижением вперед» я имею в виду то, что больше реформ будет завершено; т.е. объявленные цели достигнуты и правительство продолжит реформы⁴³.

Предположим, что, в зависимости от решения правительства, начаты постепенные или радикальные реформы. В установленные сроки, скажем, каждый квартал, каким-либо путем определяется мнение народа (учитывая забастовки и бунты), чтобы увидеть, хотят ли люди продолжения данного пути реформ или его смены на другую программу.

Изучим ситуацию в конце первого периода, $t=1$. Путь GS (читается как «постепенный к статус-кво ante») на графике 4.3 представляет собой отказ от постепенных реформ в пользу возврата к статус-кво ante⁴⁴, путь GR показывает ускорение реформ (переход от G к R)⁴⁵, путь RS означает отказ от радикальных реформ в пользу возврата к статус-кво ante, и путь RG указывает результаты снижения темпа реформ (переход от R к G)⁴⁶.

Важным положением является то, что возврат к статус-кво *ante* постепенен, его скорость зависит от того, насколько уже была изменена старая система. Следующее может быть истинным:⁴⁷

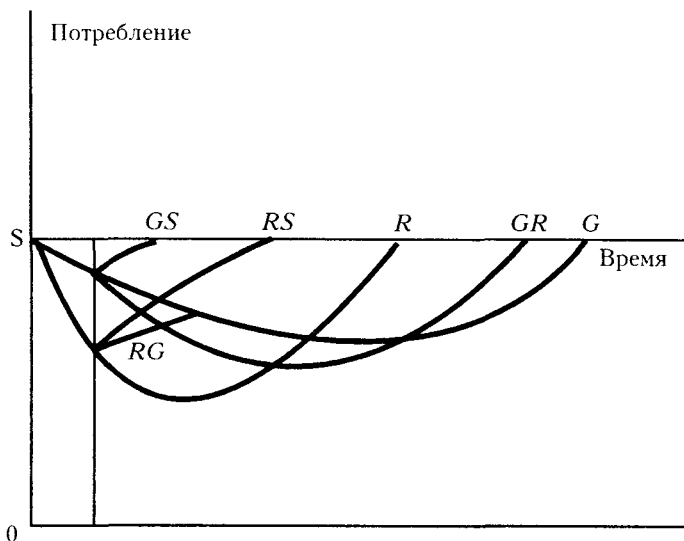

Рис. 4.3

1. Если при $t=0$ люди голосовали за G или R вместо S по причине приведения к максимуму ожидаемой общественной полезности и выбор предпочтений остается прежними, то возврат к статус-кво *ante* при $t=1$ выбран неслучайно. Но если уверенность в будущем будет подорвана чем-нибудь, случившимся за первый период, или если предпочтения людей изменятся по мере испытания издержек переходного периода, то избиратели могут предпочесть скорее отказаться от реформ, чем их продолжать. Но так как радикальные методы приводят к сильной трансформации экономики за первый период, то стоимость возврата назад выше, чем при проведении

постепенной программы. Следовательно, возможно, что при $t=1$ избиратели проголосуют за GS вместо продолжения G, но за продолжение R вместо RS. Мосты сожжены, их надо будет восстановить, чтобы вернуться той же дорогой⁴⁸.

2. Если избиратели предпочли G вместо R при $t=1$, но приняли R, люди захотят приостановить реформы при $t=1$: $RG(1) > R(1)$. Но даже если $S(0) > G(0) > R(0)$, они могут по-прежнему предпочесть $RG(1)$ вместо $RS(1)$.

Следовательно, если политики отреагируют на общественное мнение, реформы могут быть замедлены при $t=1$, но от них не нужно будет отказываться. Более того, даже если $GS(1) > G(1)$ и $RG(1) > R(1)$, то из этого не обязательно следует, что $GS(2) > G(2)$: при $t=2$, будущее постпереходного периода ближе и перспектива увеличения потребления может заслонить остающиеся издержки переходного периода. Реформы вновь замедляются при $t=2$, но от них не откажутся. И так далее.

3. Если реформы не повернуты вспять в какой-то момент, они не будут повернуты назад и позже. В определенный момент они пройдут точку, после которой станут необратимыми. Чем скорее возрастет потребление при радикальных мерах или, другими словами, чем скорее уровень потребления при радикальных мерах превысит (продолжая снижаться) уровень потребления при постепенных мерах, тем раньше достигнет точки необратимости.

Следовательно, напрашиваются следующие выводы:

1) Если у избирателей высокая степень уверенности в том, что они выиграют в будущем от принесенной ими в период перехода жертвы, и если эта уверенность остается непоколебимой во время переходного периода, они проголосуют за радикальные меры в самом начале реформ и каждый раз ратифицируют этот выбор. Если уверенность снизится или если первоначальное предпочтение не будет мотивировано ожидаемыми ценностями, реформы могут быть замедлены или временно повернуты вспять.

2) Если избиратели только в умеренной степени уверены в будущем, то радикальным мерам они предпочтут постепенные. Если при этих условиях выбраны постепенные меры, то от них можно отказаться, если уменьшится уверенность, тогда как, если начата радикальная программа, то она может быть только замедлена.

3) Если избиратели предпочтут постепенные реформы, а предлагаются и начаты радикальные реформы, то последние могут быть повернуты вспять при первом же голосовании. Если их не повернут назад в это время, то их не повернут назад и позже. В свою очередь избиратели предпочтут замедлить эти реформы до тех пор, пока потребление при радикальной программе резко падает.

Эти открытия являются удивительным результатом. Наиболее вероятным является успех стратегии, которая не сводит к минимуму социальные издержки. Более вероятным является продвижение реформ с помощью радикальных программ при демократических условиях, даже если избиратели предпочли бы начать с постепенных мер. Следовательно, если политики заинтересованы в прогрессе реформ, то у них есть стимул прибегнуть к радикальным мерам даже вопреки общественному выбору и даже если они знают, что эти меры придется смягчить под давлением общественности. Оптимальная стратегия неосуществима.

Результаты распределения доходов

Заметьте, однако, что до сих пор мы рассматривали всех избирателей как одинаковых. Предположим, что реформы идут справедливо, т.е. издержки перехода одинаковы для всех людей при каждой стратегии реформ: временные пути потребления определяются только первоначальным положением. Такие временные пути для трех человек изображены на рисунке 4.4а. Если у этих избирателей одинаковое предпочтение времени, тогда голосование будет еди-

ногласным в каждый определенный момент. Но очевидно, что выбор избирателей не будет одинаков, так как у каждого может быть разное предпочтение времени и различные временные отрезки потребления при каждой стратегии реформ. И если реформы будут продолжаться при демократических условиях, они должны периодически поддерживаться большинством голосов.

Одним из путей анализа динамики поддержки реформ было бы предположение, что графики потребления одинаковы для всех избирателей, не учитывая их первоначального уровня, но, что индивидуумы различаются по своему предпочтению времени. Предположим, что избиратель W (состоятельный) не уверен в любых реформах и предпочитает $S > G > R$; избиратель M достаточно уверен и его предпочтения — $G > R > S$; в то время как избирателю P (бедному) надоело ожидание и он предпочитает $R > G > S$. Затем, при $t=0$, либо G , либо R одержит верх над S в парном голосовании, и G одержит верх над R . Если стороны контролируют повестку дня таким образом, чтобы предложить выбрать или R , или S , R одержит верх над S , и начнутся радикальные реформы с последующей динамикой, проанализированной выше.

Но у реформ есть не только общие, но также глубокие последствия при распределении; они по-разному влияют на благосостояние различных категорий.

Предположим, что у избирателей одинаковое предпочтение времени, но графики их потребления при каждой стратегии различаются. Рассмотрим представленный на графике 4.4b случай, когда радикальные реформы увеличивают неравенство, а постепенные методы справедливы. Тогда W предпочтет радикальную программу постепенной; P сильно страдает от радикальных реформ и предпочтет постепенную, и результат правила большинства будет зависеть от избирателя M , находящегося посередине. И наоборот, если радикальные реформы справедливы, в то время как постепенные реформы увеличи-

вают неравенство, как на графике 4.4с, то W проголосует за постепенные реформы, Р проголосует за радикальные, а голос М опять будет решающим.

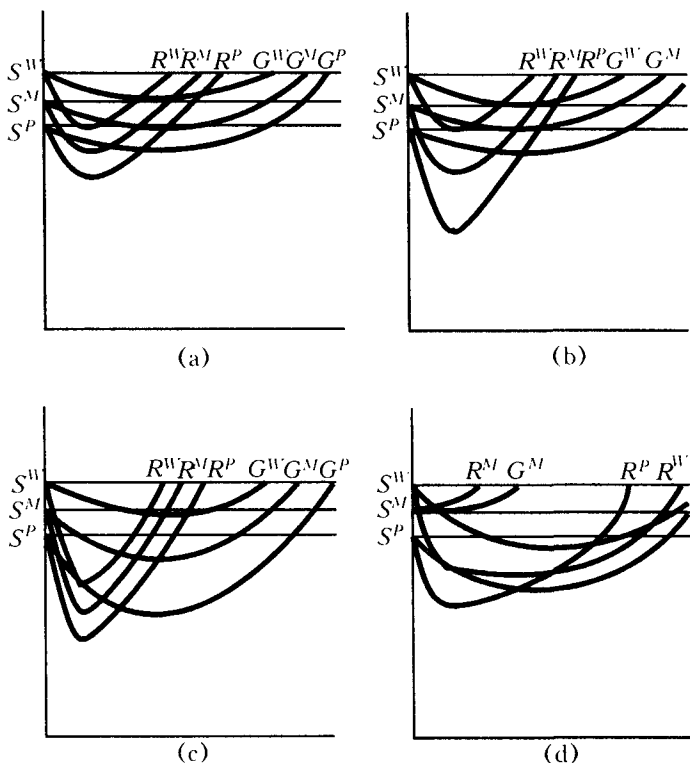

Рис. 4.4

Следовательно, последствия распределения при реформах имеют значение для политической динамики, независимо от общих издержек. К сожалению, попытки рассуждений вне этого тавтологии были бы пустой болтовней. Структурные реформы экономических систем изменяют классовые отношения. В зависимости от своего положения в старой системе,

некоторые люди имеют основания полагать, что в будущем, насколько они могут предвидеть, они будут жить хуже; другие — что они немедленно получат от реформ выгоду; а третьи — что их потребление будет идти по одному из путей, описанных выше. Следовательно, если имеет смысл считать, что будущее, которое будет у людей при разных программах реформ, зависит от их положения в структуре старой системы, группам со средним доходом при старой экономике не нужно делать тот выбор методов реформ, который находится посередине. Я привел доказательства того, что, по крайней мере в Восточной Европе, люди с самым высоким и самым низким доходом, вероятно, пострадают от радикальных реформ в большей степени, чем люди со средним доходом при старой системе. Позвольте мне просто предложить две догадки:

1) Если группы с самым высоким доходом пострадали в результате реформ, а секторы со средним доходом живут хорошо, как на рисунке 4.4d, решающий голос принадлежит самым бедным. В этом случае анализ предпочтений среднего избирателя, который мы и проводили имплицитно на рисунке 4.3, касается тех секторов населения, которые бедны при статус-кво ante. Так как они будут оставаться бедными, если продолжат жить при старой системе, то они поддержат программу реформ. Если разница в их графике потребления при радикальных и постепенных реформах не очень велика и если они доверяют правительству, первоначально они будут поддерживать радикальные реформы; в противном случае они будут поддерживать постепенные реформы с динамикой, проанализированной выше.

2) Таким образом, до сих пор весь анализ предполагал, что люди принимают будущее во внимание. Но реформы могут угрожать жизни некоторых слоев населения. Если потребление упадет ниже некоего минимального уровня, то люди не смогут ждать других рецептов, чтобы выбраться из этого положения. Следовательно, политическое воздействие должно допускать критический уровень: группы, которые попадают на уровень абсолютной нищеты из-за ре-

форм, должны им противиться, даже если будущее людей после реформ будет блестящим.

Проходят ли реформы политически легче или сложнее с более эгалитарным распределением дохода? Давайте проанализируем политическое воздействие реформ, сравнивая стилизованные случаи, где в качестве примера взяты Бразилия и Советский Союз — страны с одинаковым потреблением на душу населения и очень различным распределением дохода, и предполагая, что люди, только что оказавшиеся ниже уровня бедности, сразу же выступают против реформ, так как ждать они не могут. В Бразилии доход распределяется крайне неравно. Популярным словом для выражения этого образца потребления является «БелИндия»: «Бельгия» означает высший класс, окруженный «Индией» — остальной частью населения. В Советском Союзе существует примерное равенство дохода, но большинство населения находится на уровне бедности; подсчитано, что среднее потребление продуктов составляет всего 105% от объема минимальных требований в калориях (Matthews, 1986).

Предположим, во-первых, что реформы, ориентированные на рынок, только снижают всеобщее потребление; распределение остается прежним. Тогда обе кривые на рисунке 4.5 двигаются вниз. Количество бедных семей в Бразилии несколько увеличивается. Но в Советском Союзе все попадают под уровень бедности! По нашим предположениям, оппозиция реформам будет едва ли не всеобщей.

Результаты распределения, увеличивающие неравенство, несколько ослабляют этот контраст: в Бразилии больше людей оказывается ниже уровня бедности, в Советском Союзе — меньше. Но соотношение населения, оказавшегося в абсолютной бедности в результате реформ, все же выше в изначально более эгалитарной стране.

Более того, меры по перераспределению проводить намного легче в стране с более неравным распределением. В Бразилии обложение налогом верхней $\frac{1}{5}$ части получателей дохода с дополнительной 30% ставкой собрало бы 20% ВВП и увеличило в

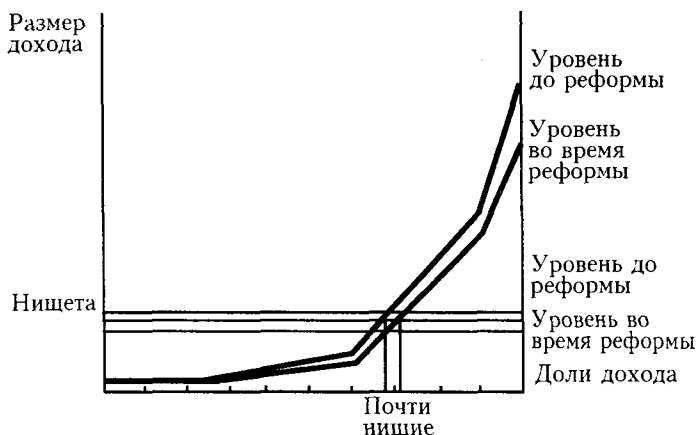

Рис. 4.5

4 раза уровень жизни нижних $2/5$ количества семей⁴⁹. В Советском Союзе обложение налогом более высоких доходов увеличило бы количество бедных среди населения.

Следовательно, если у реформ одинаковые общие издержки в двух странах, соотношение населения, которое окажется ниже уровня бедности в результате реформ переходного периода, было бы выше в изначально более эгалитарной стране. Этот анализ в высшей степени абстрактен, но он показывает, что, по крайней мере при этих *ceteris paribus*, реформы могут быть политически более приятными в Латинской Америке, чем в Восточной Европе.

Терпимость к неравенству важна для формирования отношения к реформам. Единственная ценность, которую успешно внушила социалистическая система, — это равенство, и эта ценность может подорвать рыночные реформы при условиях демократического государства. Однако наследие эгалитаризма — сложный вопрос, как показала Коларска-Бобинска (Kolarska-Bobinska, 1989) в своем анализе

данных опросов в Польше. Она считает, что польское общество было нетерпимо к неравенству только потому, что эти различия рассматривались как несправедливые. В действительности, как показывает автор, терпимость к неравенству и безработице сильно возросла с 1980 года. В 1980 году 70,6% респондентов приняли «безоговорочно» принцип ограничения самых высоких доходов. В 1981 году их доля упала до 50,7%, в 1984 году — до 29,6% и к 1988 году она достигла 27,5%. Отношение к равенству играет важную роль: производственные рабочие группы с низким доходом и невысоким уровнем образования и не занятые в системе управления являются самыми нетерпимыми к разнице доходов. Разница между группами стала больше; в 1981 году 68,8% специалистов с высшим образованием приняли этот принцип («с оговорками или без») против 71,6% квалифицированных рабочих, в то время как к 1988 году только 37% специалистов поддержали установление пределов на самые высокие доходы против 63,0% квалифицированных и 70,0% неквалифицированных. Более того, совсем не является очевидным факт, что у восточноевропейских обществ больше эгалитарных ценностей, чем у латиноамериканских. В ходе недавнего опроса 78% бразильцев согласились с утверждением, что «все, что производит общество, должно быть разделено между всеми как можно более поровну»⁵⁰, и 60% не согласились с тем, что «если страна была бы богатой, то и не имело бы значения социальное неравенство»⁵¹.

ВЫВОДЫ

Насколько далеко может продвинуться реформа при данной динамике?

Видно, что ход реформ не будет гладким. Наиболее вероятным является такой ход, при котором радикальные программы будут со временем замедлены или частично обращены назад, вновь начаты в более постепенной форме при меньшем доверии общества и опять замедлены и повернуты назад, пока не при-

дет новое правительство и пообещает полный разрыв с прошлым, и цикл начнется вновь.

И в самом деле, опыт Латинской Америки показывает, что политические силы выступают против радикальных реформ будучи в оппозиции, но проводят их, придя к власти, и наоборот. Таким образом, следует ожидать, что реформы не «будут иметь успех» и не «потерпят неудачу», а будут двигаться скачками: продвигаться вперед, спотыкаться, поворачивать назад и опять продвигаться вперед⁵². Данные, касающиеся реформ в Латинской Америке, — в отличие от данных экономических достижений — показывают, что реформы продвинулись в 1980-х годах, несмотря на все грубые ошибки, провалы и колебания (данные смотри у Вильямсона (Williamson, 1990)).

Каково воздействие прошлых неудач на новые попытки? По мнению Богданович-Биндерт (Bogdanowicz-Bindert, 1983), прошлые неудачи увеличивают шансы на успех. По мнению Диас Алехандро (Diaz-Alejandro, 1981: 120), однако, «чем дольше история неудавшихся планов стабилизации, тем меньше шансов на успех... любого нового плана». В отличие от Нельсон (Nelson, 1990: 360), эти положения не обязательно противоречат друг другу; они могут касаться разных субъектов. С одной стороны, верхушка учится на прошлых ошибках и создает лучшие программы. С другой, — индивидуумы — как экономические агенты и политические субъекты — учатся на прошлых ошибках и считают, что и новые реформы потерпят неудачу. Если это истинно, то следует ожидать, что более всесторонние и последовательные программы будут предлагаться каждый раз все более скептически настроенному населению. Но если экономические агенты не верят заявлениям о проводимой политике, то сама политика будет менее эффективной; как показал Кальво (Calvo, 1989: 217), «политика, которая была бы оптимальной при полном доверии, оказывается неоптимальной при неполном доверии». Следовательно, непостоянство должно увеличиваться с каждой новой попыткой: верхушка становится более самоуверенной в своих

проектах и хочет принять их независимо от общественного мнения, а индивидуумы становятся более склонными ждать, пока эти проекты потерпят неудачу, или сопротивляться им.

Могут ли демократические институты консолидироваться при таких условиях? Хаггард (Haggard, 1986: 164) считает, что «демократический тупик, таким образом, приводит к попыткам двигаться зигзагами или с остановками, чтобы разрешить проблему, но не обязательно приведет к политической дестабилизации, репрессиям или установлению авторитарности». Моя точка зрения отлична: несмотря на эти зигзаги, реформы могут продвинуться достаточно далеко при демократических условиях, но они политически дестабилизируют общество.

Политические последствия экономических реформ

Если реформы должны продолжаться при демократических условиях, противоречия при распределении должны быть институционированы: все группы должны направлять свои требования через демократические институты и не допускать каких-либо иных действий. Несмотря на то, насколько срочными могут быть их запросы, политически значимые группы должны быть готовыми подчинить свои интересы решению демократических институтов. Они должны быть готовы принять поражение и ждать, будучи уверенными, что эти институты продолжат предоставлять возможности впоследствии. Они должны принять конституционный календарь как временный горизонт своих действий, думая о предстоящих выборах, переговорах или по крайней мере о фискальных годах⁵³.

Они должны принять позицию, предложенную Джоном МакГерком (John McGurk), председателем Британской Лейбористской партии в 1919 году: «Мы — или сторонники конституционной формы правления, или нет. Если мы являемся сторонниками конституционной формы правления, если мы верим в эффективность политических мер (а мы

верим, иначе зачем нам Лейбористская партия?), тогда это как глупо, так и недемократично, так как нам не удастся получить большинство на выборах, чтобы повернуть назад и потребовать замены путей решения экономических конфликтов» (Miliband, 1975: 69).

Реформы могут прогрессировать при двух полярных условиях организации политических сил: последние должны быть очень сильными и поддерживать программу реформ или они должны быть очень слабыми и не в состоянии эффективно противиться ей. Наименее вероятным является продвижение реформ вперед, когда политические силы — особенно партии и союзы их противников — достаточно сильны, чтобы саботировать их, и недостаточно большие, чтобы покончить с ними. Как считали Хаггард и Кауфман (Haggård, Kaufman, 1989: 269), «наибольшую трудность представляют промежуточные случаи, когда рабочая сила может мобилизоваться для обороны, но не уверена насчет своего места в политической системе на продолжительный срок»⁵⁴. Проще говоря, правительства, ориентированные на реформы, стоят перед выбором либо сотрудничества с оппозиционными партиями и союзами, как поступило испанское социалистическое правительство, либо уничтожения их, как поступило с союзами боливийское правительство Паза Эстенсоро (Paz Estenssoro).

Роль профсоюзов чрезвычайно важна по двум причинам. С одной стороны, они организуют людей, чьи запросы являются потенциальным источником требований повышения зарплаты. Если рабочие и служащие имеют на рынке некую силу, они могут использовать эту силу, чтобы добиваться повышения зарплаты.

А во время реформ требования повышения зарплаты — источник инерции инфляции; они снижают ход оздоровления и приводят к увеличению дифференциации среди разных слоев населения и профессий. Ограничение зарплаты является необходимым условием для успеха реформ. С другой стороны, федерации профсоюзов могут управлять поведением своих составных элементов.

Либо используя методы принуждения, данные государством, либо полагаясь на силу убеждения, руководство профсоюза может убедить рядовых членов подождать, пока реформы начнут давать плоды. У союзов есть то, что лучше всего обозначает испанский термин «*poder convocatorio*»: власть устанавливать дисциплину среди своих членов в общих интересах.

Чтобы действовать как партнер, профсоюзы должны представлять собой всеобъемлющие, централизованные организации и должны верить в добрую волю правительства. Такие организации должны быть всеобъемлющими: они должны объединять большие группы своих потенциальных избирателей. И они должны быть централизованными: они должны быть в состоянии контролировать поведение своих членов. И наконец, они должны доверять правительству, верить, что правительство будет справедливым при распределении издержек и выгод реформ и что оно будет компетентным при проведении реформ.

Это положение подтверждается не только обширными данными по развитым странам, где всеобъемлющие, централизованные профсоюзы готовы ограничить требования повышения зарплаты, когда социально-демократические партии находятся у власти, но и опытом некоторых стран, недавно вставших на путь демократии. В Испании после 1976 года социалистическое правительство выдвинуло программу производственной модернизации при условиях очень высокой безработицы — до последнего времени с согласия профсоюзов. В Польше «Солидарность» предложила удивительный мораторий, чтобы облегчить ход реформ, начатых посткоммунистическим правительством. В Бразилии «объединение, нацеленное на достижение результатов», было готово поступить так же, примечательным является то, что их генеральный секретарь был первым лидером профсоюза, ставшим министром труда⁵⁵.

Политические партии представляют более разнообразные интересы, и их воздействие потенциально шире. Они играют центральную роль в представле-

нии альтернатив и формировании отношения к определенному правительству, а также к самому проекту структурного преобразования. Однако у партий, по крайней мере у современных некоммунистических партий, нет той власти устанавливать дисциплину среди своих членов, которая есть у профсоюзов. Они могут отказаться выдвигать требования, которые они находят несвоевременными или неуместными, но перед ними стоит проблема конкуренции со стороны других партий и угроза, что общественные действия примут непарламентские формы.

В общем, чтобы проводить реформы, правительство должно или искать насколько возможно широкой поддержки у профсоюзов, оппозиционных партий и других централизованных организаций, или должно вести работу по ослаблению этих партий и пытаться сделать действия оппозиции неэффективными. Очевидно, что последний метод приводит к вопросу о демократии. Является ли правительство, прибегающее к осадному положению, чтобы противодействовать оппозиции реформ, демократическим? Более того, если правительство примет стратегию проведения реформ вопреки общественной оппозиции, то важной станет позиция вооруженных сил. Эта позиция в большой степени определяет, считается ли недемократическая альтернатива осуществимой либо теми, кто склонен проводить реформы вопреки демократически организованной оппозиции, либо группами, которые полны решимости защищать свои интересы любыми доступными способами вопреки демократически организованному прореформистскому большинству. Когда вооруженные силы независимы от гражданского контроля и являются политическим субъектом, различные группы гражданского общества занимают позицию в том, что Хантингтон (Huntington, 1968) назвал политикой преторианизма: методы вроде «если вы не смягчите свои требования, мы попросим вмешательства военных» или «если вы не согласитесь с нашими требованиями, мы создадим беспорядки, которые заставят военных вмешаться». Процесс политической борьбы, в котором присутствуют независимые

военные, создает постоянную возможность военного вмешательства.

В ответ на такой биполярный выбор новое демократическое правительство может проводить две противоположные политические стратегии контроля над экономическими конфликтами, делая различный акцент на экономическую логику и участие. Ориентированное на реформы правительство может оградить себя от общественных требований и проводить экономическую политику сверху. Или, пытаясь заручиться поддержкой для программ реформ, они могут попытаться добиться согласия, работая совместно с широким кругом партий, профсоюзов и других организаций. Следовательно, правительство стоит перед выбором, либо вовлечь широкий спектр политических сил в формирование реформ, ставя таким образом под угрозу свою устойчивость, либо попытаться расколоть всю оппозицию. Оказавшись перед такой дилеммой и сопротивлением, которые неизбежно вызываются социальными издержками реформ, правительство имеет свойство колебаться между технократическим политическим стилем, присущим рыночным реформам, и стилем, необходимым, чтобы добиться согласия, при котором от него требуется взаимодействие.

Рыночные экономические реформы являются приложениями технических экономических планов, основанных на теориях, разработанных в стенах североамериканских университетов, и часто навязываются правительствам международными кредитными организациями. Они основаны на модели экономической эффективности, являющейся высоко технической. Они включают в себя выбор, который нелегко объяснить обществу, и решения, которые не всегда имеют смысл для общественного мнения. Более того, они требуют некоторых мер, которые чаще всего имеют успех, если принимаются неожиданно⁵⁶.

С политической точки зрения реформы, таким образом, являются стратегией контроля сверху. Определенные меры реализуют идеи специалистов; они принимаются без консультации и иногда объявляют-

ся внезапно. Политика реформ не из тех, что возникает после широкого участия, консенсуса среди всех затронутых интересов, компромиссов. Как мы видели, у партий, стремящихся завершить структурные преобразования, есть стимул так манипулировать повесткой дня, чтобы подтолкнуть электорат к принятию радикальных реформ. А успех стратегии горькой пилюли зависит от ее первоначальной жесткости, от проведения самых радикальных мер как можно быстрее, от игнорирования особых интересов и всех требований безотлагательных действий. Каждое решительное правительство должно идти вперед, несмотря на громкие требования смягчить или снизить темп реформ. Так как проводящие реформы знают, что хорошо, и так как они хотят продвигаться как можно быстрее, политические конфликты кажутся просто тратой времени. Следовательно, рыночные реформы вводятся указами или пробиваются законодательством. Так, обеспокоенный, что Сейм можем оказаться неспособным принять одиннадцать важных документов экономического законодательства за 7 дней, чтобы уложиться в срок, данный МВФ, Валенса предложил, чтобы правительству дали власть управлять указами. В отчаянии, что его первоначальный план провалился, президент Аргентины Менем решил не созывать запланированную сессию конгресса, а управлять указами. Согласно Конагану, Маллоу и Аbugатасу (Conaghan, Malloy, Abugattas, 1990: 20—21), сила указа была широко использована при принятии программы реформ в Боливии, Эквадоре и Перу. Из 675 законов, принятых в Перу между 1980 и 1984 годами, 463 были исполненными. Эта потенциальная возможность заложена в самой концепции реформ⁵⁷.

В то же время реформам нужна политическая поддержка людей на выборах, профсоюзов и профессиональных ассоциаций на рабочих местах и, временами, оппозиционных партий в законодательстве. А так как за ними следуют издержки периода перехода, то реформы неизбежно вызывают сопротивление. Раздаются голоса о том, что социальные издержки чрезмерны и программу надо смягчить.

Другие указывают, что их положение несколько отличное, и к ним должно быть особое отношение. В этой ситуации правительства склонны добиться консенсуса, объяснить и оправдать свою программу, выслушать и найти компромисс. Они стремятся вовлечь оппозиционные партии, профсоюзы и ассоциации работодателей в создание экономической политики, надеясь, что это уменьшит противоречия и заставит экономических субъектов вести себя в соответствии с проведением, по крайней мере, основных линий программы реформ.

Социальные договоры, которых добиваются путем заключения сделок, обычно состоят из предоставления ограничения зарплаты профсоюзами в обмен на некоторые программы по улучшению благосостояния вместе с экономической политикой, контролирующей инфляцию и поощряющей инвестиции и предоставление рабочих мест⁵⁸. Как в Венесуэле после 1958 года, так и в Испании, первый из таких договоров устанавливал основы системы отношений между администрацией и рабочими промышленности, тогда как последующие соглашения пытались с различным успехом урегулировать особые плановые цифры по зарплате и рабочим местам⁵⁹. Однако существует несколько причин, по которым такие договоры скорее всего не достигнут успеха в большинстве недавно созданных демократических государств.

1) Социальные договоры всегда эксклюзивны; Шмиттер (Schmitter, 1984: 365) справедливо включает эту черту в определение договоров. Объединенные в профсоюзы рабочие представляют собой только один из общественных секторов в Латинской Америке (Grossi, dos Santos 1983: 143).

2) «Может ли профсоюзное движение, существующее в сфере производства, — задает риторический вопрос Лехнер (Lechner, 1985: 30), — представлять народное движение, созданное с учетом воспроизводства?» Профсоюзы примут участие в таких договорах только если они сильны: многочисленны, централизованы и политически влиятельны. В противном случае у них нет причин ожидать извлечения

выгоды в будущем при недостаточном использовании своей силы в настоящем. Однако наряду с тем, что работодатели могут быть благосклонно расположены к тому же немедленно пойти на уступки, они опасаются сильных профсоюзов и борются против предоставления им тех прав, которые могут быть использованы против них в будущем. У правительств тоже двойное отношение к профсоюзам: они хотят сотрудничать, чтобы контролировать зарплату, но не хотят, чтобы профсоюзы были достаточно сильны, чтобы диктовать экономическую политику.

3) Даже если бы профсоюзы в частном секторе были готовы принять участие в договоре, у профсоюзов государственного сектора экономики для этого нет стимула. В секторе прибыли профсоюзы ограничивают ограничение зарплат на занятость рабочих и инвестиций, но ни занятость, ни инвестиции в государственном секторе не зависят от размера зарплат работников. Следовательно, профсоюзы государственного сектора не сталкиваются ни с проблемой кнута в виде безработицы, ни с проблемой пряника, в виде инвестиций. Более того, реформы обычно включают в себя меры по снижению государственных затрат, что угрожает профсоюзам государственного сектора. Эти препятствия так велики, что чаще всего попытки заключения социального договора проваливаются. И даже если такие договоры подписываются с соблюдением всех церемоний, они соблюдаются редко.

Так как временное ухудшение материальных условий присуще любому процессу реформ, ни декреты, ни соглашения не помогут достичь мгновенного улучшения. Правительства убеждаются, что декреты вызывают оппозицию, и соглашения не приводят к тому, чего стремились этими декретами достичь.

Они обнаруживают, по словам бывшего заместителя министра Аргентины, что «требования участия противоречат требованиям компетентности»⁶⁰. И как только давление возрастает, правительства начинают колебаться *decretismo* и *pactismo* в поисках мирного разрешения противоречий. Так как мысль об урегулировании конфликтов путем соглашений заманчи-

ва, то они начинают заключать сделки, когда возрастает недовольство реформами; они возвращаются к технократическому стилю, когда заключенные в договоре компромиссы подвергают реформы опасности. Они обещают совещаться и шокируют возможных партнеров декретами⁶¹; они принимают декреты и надеются на консенсус. В результате оказывается, что правительству не хватает ясной концепции реформ и решительности для их проведения. Государство начинают считать главным источником экономической нестабильности⁶². Затем наступает время фокусников с еще одной волшебной формулой. Так как уверенность в ходе реформ падает, каждое новое правительство старается порвать с прошлым, делая то, чему люди еще не научились не доверять. Реформы вызывают привыкание, каждый раз нужна более сильная доза, чтобы смягчить накапливающееся отчаяние. Рыночные реформы могут быть основаны на разумной экономической науке, но они порождают политику шаманства.

Результатом такого стиля является подорванное доверие к представительным институтам. Когда кандидаты скрывают свою политическую программу во время избирательных кампаний или когда правительство ведет политику, диаметрально противоположную своим избирательным обещаниям, все они систематически учат население, что выборы не играют важной роли в формировании политики. Когда правительство извещает о многообещающей политике только декретом или проводя этот вопрос через законодательство без обсуждения, то учит партии, профсоюзы и другие представительные организации, что тем нет места в создании политики. Когда оно обращается к заключению сделок, чтобы организовать поддержку уже выбранной политики, то порождает недоверие и горечь.

Таким образом, демократия ослабляется. Политический процесс сводится к выборам, исполнительным декретам и спорадическим вспышкам протеста.

Правительство управляет декретами в авторитарном стиле, но зачастую без особых репрессий. Вся власть в государстве сконцентрирована у исполни-

тельной власти, которая тем не менее неэффективна при управлении экономикой. Люди регулярно получают возможность голосовать, но не выбирать.

Степень участия снижается. Политические партии, профсоюзы и другие представительные организации стоят перед альтернативой пассивного согласия или непарламентских действий. Эти результаты, возможно, не являются неизбежными. В самом деле, причина того, почему устанавливается вся эта схема реформ, когда они то идут, то стоят, в первую очередь в том, что демократический процесс не завершен. В стране с конституционными положениями, вынуждающими исполнительную власть искать официального одобрения политического курса до того, как ему следовать, с эффективными представительными институтами и всеобщим политическим участием, правительство не смогло бы идти по пути реформ независимо от поддержки, которой оно добилось. Реформам пришлось бы появиться в результате широкого обсуждения, шедшего через представительные институты и ратифицированного выборами. Испанское социалистическое правительство действовало таким образом и добилось успеха, руководя страной в период болезненной программы промышленной реконверсии, имея широкую поддержку (Maravall, 1990)⁶³. Но это, кажется, исключительный случай среди вновь созданных демократических государств.

Если демократическое государство ослаблено, то продолжение реформ может оказаться политически дестабилизирующим. В определенный момент появится альтернатива либо отказаться от реформ, либо совсем отказаться от представительных институтов. Появление соблазна авторитарного правления неизбежно. Громкие протесты, задержки, вызванные необходимостью соблюдения процедур, и кажущаяся иррациональность противоречий неминуемо вызывают нетерпение и нетерпимость среди сторонников реформ. Для них очевидно, что реформы необходимы и рациональны: сомнения, оппозиция, настаивание на соблюдении процедур кажутся признаками иррациональности. Технократия бросается на борьбу

с демократией, порождает желание продолжать реформы вопреки народному сопротивлению: подавить «гласность», чтобы продолжить «перестройку». Но, с другой стороны, по мере того как продолжаются лишения, уменьшается доверие, и правительство кажется все менее и менее компетентным, возникает соблазн защищать свои интересы любой ценой, даже ценой демократии.

Примечания

¹ Формулируя вопрос таким образом, я не подразумеваю, что они в действительности были бы доведены до конца при диктатуре. Реммер (Remmer, 1986) приводит убедительные доказательства того, что степень успеха соглашений о резервных кредитах МВФ хотя и не была очень высокой, но все же немного выше в демократических, чем авторитарных режимах в Латинской Америке между 1954 и 1984 годами. Хаггард (Haggard, 1986) обнаружил, что из 30 изученных им случаев осуществления программ по системе расширенного финансирования выплаты МВФ были прерваны или прекращены в связи с несоблюдением выполнения условий соглашений во всех демократических государствах, за исключением особого случая с Индией, а степень успеха среди рассмотренных им «слабых» авторитарных режимов не изменилась. В свою очередь Сталлингз и Кауфман (Stallings, Kaufman, 1989) в своем анализе 9 стран Латинской Америки обнаружили, что, хотя «установившиеся демократические государства» действовали столь же успешно, как и авторитарные режимы по установлению стабилизации, только последние достигли прогресса в отношении как стабилизации, так и структурного преобразования.

² В действительности, реформы предпринимаются во многих странах для того, чтобы выйти из затянувшегося экономического кризиса. Доход на душу населения снизился в течение 1980-х в большинстве латиноамериканских стран, а также в ряде восточноевропейских государств. Следовательно, кривая слева, показывающая статус-кво, может идти вниз; если оставить настоящую систему без изменений, то потребление будет снижаться без надежды на изменение в будущем. Тем не менее для того чтобы избежать продолжения ухудшения, все же необходимо пережить переходный период.

³ «Газета» (Gazeta), Варшава, 13 декабря 1989 года, стр. 6. Карлос Менем — президент Аргентины, избранный в 1989 году. Лешек Бальцерович был экономическим «царем» правительства Мазовецки в Польше.

⁴ Жители Восточной Европы могут всегда найти нечто ужасное, чтобы подкрепить свою точку зрения. Рассмотрим следующий отрывок: «У каждого есть ужасные истории о странах, в которых субсидированный бензин дешевле питьевой воды или в которых субсидированный хлеб настолько дешев, что им кормят свиней, или в которых телефонный разговор стоит 1 цент или около того потому, что кто-то забыл (или не осмелился) поднять цены, чтобы угнаться за инфляцией, или в странах, где субсидированный "сельскохозяйственный кредит" выдуман для того, чтобы купить поддержку влиятельных землевладельцев, быстро пускающих в оборот фонды для покупки государственных бумаг» (Williamson, 1990: 11). Только последний пример показывает, что эти рассказы — о Латинской Америке.

⁵ В последней статье Бальцерович (Balcerowicz, 1989: 46) заметил: «То, что предприятия являются главными лицами, оказавшимися в выигрыше от фискального распределения, отделяет экономические системы с централизованным планированием от рыночных». Он почти не знал о том, что в США дотации фирмам, включая расходы на налоги, были больше, чем дотации, затрачиваемые федеральным правительством на социальное обеспечение. В Польше дотации достигали 30% от основных затрат правительства, но большая часть этих дотаций затрачивалась на установление розничных цен. Я не знаю, сколько денег поступало в фирмы. Латиноамериканские страны субсидировали государственные фирмы, предоставляли субсидии и налоговые льготы на экспортные товары, а также поддерживали цены на сельскохозяйственные продукты.

⁶ Я. Корнай (Kornai, 1986: 1699) сообщает, что в Венгрии в 1975 году 3 крупнейших производителя обеспечивали более чем 2/3 выпуска продукции 508 из 637 промышленных товаров. Торговые сети были также сильно монополизированы: в Варшаве все продукты питания поставлялись двумя фирмами. В свою очередь, как мне сказали, если бы антимонопольные законопроекты, проводимые в США, были применены в Бразилии, это бы плохо отразилось на 30 крупнейших конгломератах.

⁷ В Аргентине в 1985 году правительство получило 3,1% от дохода путем введения подоходного налога по

сравнению с 13,3%, полученными от таможенных служб и тарифов (World Bank — Всемирный банк); список налогоплательщиков, включая фактических и номинальных, насчитывает 30 000 имен; и в результате сравнения списка сотни крупнейших фирм со списком сотни крупнейших налогоплательщиков не было выявлено ни одного общего имени (Lopez, 1990).

⁸ В Польше, однако, был самый маленький государственный сектор экономики по сравнению с другими восточноевропейскими странами, потому что большая часть земли находилась в частном владении. В промышленности выпуск продукции государственными фирмами составил около 40% в Латинской Америке, от 80 до 90% — в Восточной Европе. Примерно в 1980 году в Бразилии было 530 государственных фирм, в Мексике — 1155 (Schneider, 1990), и в Польше — около 8000.

⁹ Несмотря на то, что реформа проводилась в 2 этапа, в Польше курс цен (в процентном отношении от общей торговли) на средства производства, установленный правительством, возрос с 20% в 1982 г. до 29% в 1987 году; курс таких установленных цен на потребительские товары возрос с 35% до 45%; и цены, которые не были установлены, подверглись возросшему регулированию (Balcerowicz, 1989: 45).

¹⁰ В 1985 году из 9 основных предметов первой необходимости правительства Аргентины, Бразилии, Колумбии, Перу и Венесуэлы контролировали цены на все 9; правительство Мексики — на 5, а правительство Чили — ни на один предмет первой необходимости. Из 5 основных промышленных товаров, аргентинцы, бразильцы, колумбийцы, мексиканцы и перуанцы контролировали цены на все 5 товаров, венесуэльцы — на 3 товара и чилийцы — ни на один. Потолок на процентные ставки существовал во всех этих странах за исключением Венесуэлы (по Balassa et al., 1986: таблица 4.3).

¹¹ Я говорю «традиционные», потому что в последнее время Всемирный банк стал больше затрагивать вопросы распределения дохода и отсюда налогообложения и бедности. См. Development Report за 1989 год.

¹² Почему в системе, в которой цены регулируются государством и в которой осуществляется централизованный контроль над зарплатами рабочих, устанавливается такое неравновесие — отдельный вопрос. Я его не рассматриваю.

¹³ Интересно, почему при таких условиях не пустеют магазины. Они были почти пустыми, но не совсем. Я думаю, этому есть несколько объяснений: 1) полнейшая никчемность некоторых товаров — никому они не были нужны даже бесплатно; 2) ограничение бюджета — люди, получив распределение доходов, хранили деньги на тот случай, когда товары, которые они хотели приобрести, станут доступными («появятся», проще говоря); 3) издержки простаивания в очередях; 4) накопление денег на случай риска.

¹⁴ И некоторые, скажем, коммунальные услуги, регулируются административно с целью отражения действительных альтернативных издержек.

¹⁵ Будет интересно сравнить рыночные цены, которые появились в результате отмены регулирования цен государством, с ценами, устанавливаемыми государством, которые господствовали раньше. Я удивлен, насколько в действительности относительные цены были иррациональными.

¹⁶ В Польше в 1989 году субсидии достигали 31% от государственного бюджета, около 15% — от ВВП. В Советском Союзе только субсидии на мясо равняются стоимости месячной зарплаты.

¹⁷ Данные меры принять не просто. Оказалось, что в Польше группы давления, которые более энергично защищали свои интересы, были ассоциациями некоторых торговых кооперативов. Парламент принял закон, согласно которому такого рода ассоциации объявлялись незаконными, но они быстренько преобразовались в частными фирмы и продолжали функционировать как ни в чем не бывало. С другой стороны, конкуренция разъедает монополию: производители продают свой товар непосредственно потребителям часто, например, на улицах прямо перед входом в магазин.

¹⁸ В самом деле, правительство Мазовецкого в Польше, которое прямо-таки с религиозной страстью декларировало свою приверженность сбалансированному бюджету, столкнувшись с политическим давлением уже спустя 6 месяцев после того, как его программа реформ была приведена в действие, решило увеличить затраты на социальные нужды за счет увеличения дефицита бюджета.

¹⁹ В действительности выпуск продукции в Польше (по крайней мере выпуск продукции, который был объявлен официально) упал до 35% спустя 6 месяцев действия плана Бальцеровича.

²⁰ Некоторые авторы придали этому большое значение в Верноне в 1989 году.

²¹ Теоретически мотивированная классификация форм собственности, данная Хансманном (Hansmann, 1988) выделяет формы 1) принадлежащие инвестору, 2) принадлежащие потребителям, 3) принадлежащие рабочим и 4) не имеющие владельцев (некоммерческие). Он показывает, что в Соединенных Штатах сфера действия этих фирм сильно различается по секторам. Он открыто игнорирует государственную собственность.

²² Заметьте, что в каждой из государственных фирм руководство может быть назначено государством, или государство может делегировать это право собственности служащим.

²³ При возникновении трудностей определения кооператива см.: Elster и Moene, 1989.

²⁴ Мой двоюродный брат выращивал цыплят в Польше. Когда было отменено регулирование цен государством, корм стал слишком дорогим, и процентные ставки возросли. При принятии решений о том, что делать дальше, главным для него было снизить неопределенность; по его словам, «сегодня я знаю сумму затрат, но кто знает, какими будут цены выпускаемой продукции, когда я буду готов продавать?» Он решил заняться выращиванием огурцов, поскольку период созревания огурцов — самый короткий.

²⁵ Можно утверждать, что по Марксу революции являются наилучшими шагами в смысле Парето потому, что они происходят, когда производственные отношения замедляют развитие производительных сил до такой степени, что послереволюционная система высвобождает огромный производительный потенциал. Шумпетер считал, что переход к социализму будет лучшим по Парето потому, что он произойдет во время, когда не будет и речи о капиталистах, а лишь о служащих капитала, и при социализме эти управляющие будут также необходимы.

²⁶ Например, Хабермас (Habermas, 1975) возразил, и последние данные ситуации в Польше подтверждают, что люди могут быть более терпеливы к неравенству, вызванному рыночными отношениями, чем неравенством, вызванным решением администрации, когда эти решения рассматриваются как деспотические.

²⁷ Заметьте, что китайские рабочие выступали против того, что они называли коррупцией (благополучие, по-

рожденное бюрократией), и против наживы (благосостояние, порожденное рыночной экономикой).

²⁸ Кортес и Рубалькава (Cortes, Rubalcava, 1990) показали, что в то время как средний доход упал, в Мексике в результате проведения программы урегулирования 1982 года неравенство не увеличилось вопреки широко распространенному мнению.

²⁹ Лучшим примером радикальной реформы, проводимой до плана Балцеровича в Польше в 1989 году, была боливийская программа 1985 года.

Согласно одному из ее создателей (Cariaga, 1990: 43ff), она включала обложение топлива косвенным налогом; девальвацию валюты; увеличение цен, взыскиваемых государственными предприятиями до уровня цен, назначенных их международными партнерами; широкомасштабную налоговую реформу; отмену всех субсидий, включая субсидии на продукты питания, так же, как и тех, что существуют в виде низких цен и платы, взимаемых государственными компаниями; устранение всех видов незаконных дополнительных вознаграждений, выплачиваемых наличными и товарами; замораживание выплаты служащих всего государственного сектора; жесткую фискальную дисциплину; снижение тарифов к единой общей цене без каких бы то ни было исключений и год спустя прекращение угольных разработок.

³⁰ Одним из примеров постепенной реформы была программа Владислава Баки в Польше. Его планом было внедрение рынков и других централизованных механизмов в отношении средств производства, не затрагивая рынков конечных товаров. Только после того, как инвестирование было рационализировано и объем производства увеличился, на потребительском рынке было отменено регулирование цен. Поскольку предложение возрастало в то время как номинальные доходы по-прежнему контролировались, постепенное дерегулирование потребительских цен не могло привести к инфляции. Очевидная проблема этой стратегии заключается в том, что, даже если она постепенно становится эффективной, на ее осуществление уходит много времени. Более того, эта стратегия не защищена от полных перемен; доказательством могут послужить повторяющиеся ситуации, в которых восточноевропейские экономики были вновь централизованы после первых попыток введения финансовой автономии фирм.

³¹ Если стратегия постепенных изменений настолько медленно проводится, что ее совокупные социальные из-

держки выше, чем при стратегии радикальных изменений, тогда стратегия постепенных перемен никогда не будет выбрана, и проблема в целом сводится к выбору между радикальной проблемой и статус-кво.

³² Рассмотрим пример с числовыми данными. Возьмем исходный уровень потребления за 100 так, что $R(0)=G(0)=S(0)=100$. При системе радикальных изменений потребление движется по следующей траектории: 70, 50, 60, 70, 80, 90, 100 (конец перехода) 110, 120 ...+ 10 в течение каждого нового периода. При стратегии постепенных изменений траектория следующая: 95, 90, 85, 80, 75, 70, 80, 90, 100 (конец перехода), ...+10 в течение каждого нового периода. При статус-кво $S(t)=100$ для всех t . Общее потребление в течение первых десяти периодов равно $C(R)=850$, $C(G)=865$, $C(S)=1000$.

Социальные издержки составляют -180 для радикальной стратегии, -145 для постепенной стратегии и, по определению, 0 для статус-кво.

³³ Очевидно, что технократы и политики тоже хотят есть. Но они наверняка будут есть достаточно, даже если реформы вызовут огромные социальные издержки. Я говорю это, чтобы избежать парадокса, присущего моделям, типа моделей Даунса, в основе которых лежит достижение максимальной поддержки, в которых избиратели обеспокоены политическими результатами, а политики — нет.

³⁴ Не нужно исключать простых предпочтений времени. Я не принимаю их во внимание потому, что они не влияют на сравнительные результаты, если только у нас нет теории о том, каким образом они формируются.

³⁵ Есть несколько других причин, по которым люди могут предпочесть короткий период мучительной боли длительному периоду боли ноющей.

Предположение, на которое я в данном случае опираюсь, заключается в максимизировании сегодняшней ценности потребления в будущем, классические (по фон Нейману-Моргенштерну) положения. Альтернативные предположения рассматриваются ниже.

³⁶ Обозначение $X(t) > Y(t)$ означает, что в определенный промежуток времени t значению X отдается предпочтение над Y . Сейчас мы находимся в начале этапа $t=0$. Если идти по траектории, изображенной нами, а их можно придумать много, избиратели выберут радикальную стратегию вместо постепенной и статус-кво до тех пор, пока темпы обесценивания меньше чем 12% за определенный период; они предпочтут $G > R > S$ до тех пор, пока темпы

обесценивания будут меньше чем 12%, но не больше 16%; они отвергнут реформы, если они будут обесценивать будущее со скоростью больше, чем 18% за определенный период.

³⁷ В Польше подавляющее большинство населения (около 90%) поддерживало правительство Мазовецкого, несмотря на резкое ухудшение условий жизни в первые месяцы проведения новой экономической программы. Более того, от 60 до 70% респондентов заявили о своей готовности перенести издержки реформ (*Gazeta Wyborcze*, различные номера). В Бразилии 68% выразили свое доверие президенту Коллору, когда был объявлен его план (*Latin American Weekly Report*, WR-90-37, 27 сентября 1990 года, стр. 11). В Перу президент Фудзимори испытал резкое снижение поддержки, когда он предал своих сторонников, перейдя к стратегии «горькой пилюли», но министр экономики, руководивший программой урегулирования, пользовался доверием 58% респондентов (там же, WR-90-36, 20 сентября 1990 года, стр. 2). Данные по Испании показывают, что рабочие были готовы пожертвовать требованиями увеличения зарплаты специально, чтобы укрепить демократию. Более того, в то время как рабочие не были готовы смягчить требования по зарплате в обмен на прямую экономическую *quid pro quo* в форме трудоустройства или инвестиций, они были готовы их снизить в обмен на демократию в политической сфере.

³⁸ Нельсон сообщает на основе своего изучения пяти стран, что «только малое число экономических официальных лиц имеют соответствующую подготовку, чтобы охватить сложные и абстрактные экономические отношения и смысл альтернативных макроэкономических политических программ. Более того, аспекты традиционной стабилизации и программ урегулирования являются противоречащими интуиции» (см. также: Conaghan, 1983).

³⁹ Свидетельства, касающиеся программ Международного валютного фонда — МВФ (Haggard, 1986; Remmer, 1986), показывают, что уменьшение количественных расходов — практически, по занятости населения — является целью, которая реже всего достигается.

⁴⁰ В Польше 50,2% респондента поддерживали план Бальцеровича, когда этот план приняли в конце декабря 1989 года и 14,2% были против. К июню 1990 года 32% были за, 25% — против (*Gazeta Wyborcza*, различные номера). В Бразилии доверие Коллору снизилось с 68% в мае, когда его план был объявлен, до 60% в сентябре

(Latin American Weekly Report WR-90-37, 27 сентября 1990 года, стр. 11), в то время как позитивные оценки его плана остались почти стабильными — на уровне примерно 40% против 27% негативных оценок (Folha de S.Paulo, 15 сентября 1990 года). Снижение поддержки Алана Гарсиа в Перу, Рауля Альфонсина в Аргентине и плана Крузадо в Бразилии было намного более резким.

⁴¹ Кальво (Calvo, 1989: 228) заметил, что в целях эффективности заявления о политике должны быть простыми, но что простая политика не является правдоподобной в отношении многих проблем. «Некоторые заявления, — заключил он, — не правдоподобны просто потому, что они и в самом деле неправдоподобны».

⁴² Представьте, например, что вы страдаете от боли определенной силы. Вы знаете, что в определенное время вам предстоит операция, в результате которой вы или полностью вылечитесь или на год будете прикованы к постели: это события, имеющие ту же ожидаемую ценность, что и ваша боль.

⁴³ Я придерживаюсь подхода Нельсон и ее сотрудников (Nelson, 1990: 336), которые пытались объяснить «степень, до которой выполняются решения политики, вместо экономических результатов предпринятых мер». Причина, по которой я не решаюсь использовать термин «успех» в том, что случайные отношения между реформами и следованием экономики не являются недвусмысленными. Вильямсон (Williamson, 1990: 406) показывает, что среди 10 латиноамериканских стран, проводивших полные или частичные реформы, 4 развивались в 1988—1989 годах, а 6 находились в состоянии застоя или упадка; среди 11 стран, не проводивших реформы, или недавно начавших их, одна развивалась и 10 были в состоянии застоя или упадка. Существует некое соотношение, но оно не так важно. Рёмер (Roemer, 1986: 7) сообщает, что по отношению программ по резервным кредитам МВФ существует «только слабая взаимосвязь между осуществлением указаний МВФ и достижением желаемых экономических результатов». Дорнбуш (Dornbusch, 1990: 312) обеспокоен тем, что успешные программы по стабилизации в Мексике и Боливии не добились нового роста. Можно привести по крайней мере три причины, почему недвусмысленно реформы не улучшили деятельность экономики. Первая, существуют внешние факторы, например падение цен на экспортировавшиеся Боливией товары в 1986 году. Вторая, у некоторых реформ в качестве объявленных целей — результаты, требующие временного ухудшения положения

в экономике. Например, искоренение неэффективных фирм путем отказа в субсидиях создает безработицу. Третья, некоторые меры по проведению реформ могут быть плохо спланированы и могут иметь непредусмотренные последствия; смотри план Крузадо в Бразилии.

⁴⁴ Несколько программ реформ, направленных на децентрализацию социалистической экономики, были обращены вспять, когда проводящие их не знали, что делать, и последовал хаос. Нельсон (Nelson, 1990) перечисляет как случаи провала реформ программы Белаунде (Перу, январь 1983-го — март 1984 года), Каунды (Замбия, декабрь 1982-го — май 1987 года), Сарни (Бразилия, февраль 1986-го — январь 1987 года) и Гарсиа (Перу, середина 1985-го — середина 1987 года).

⁴⁵ Валенса начал свою президентскую избирательную кампанию в Польше в мае 1990 года с лозунга «Ускорение реформ», особенно приватизации.

⁴⁶ Примеров много. Типичной является ситуация, когда объявленная программа состоит из стабилизации и некоторых структурных реформ, особенно уменьшения общественной занятости, но осуществляется только часть, касающаяся стабилизации. В Польше обанкротившиеся фирмы должны были быть закрыты к 1 июля 1990 года, но у правительства не хватило смелости выполнить эту часть своей программы.

⁴⁷ Эти результаты основаны на данных графика 4.3 и содержащих числа примерах, удовлетворяющих эти положения. Эти примеры действуют при разумных промежутках времени потребления и широком спектре предпочтений времени. Но я не строил законченной модели.

⁴⁸ Интересный случай «сожжения мостов» согласно плану Коллора. Заморозив почти все активы, правительство убедилось, что оно не сможет покрыть дефицит, заняв средства на местном рынке.

⁴⁹ Предполагая, что не будет чистых убытков. В действительности около 2% национального дохода хватило бы, чтобы поднять благосостояние граждан выше уровня бедности. (См.: Cardoso, Dantas, 1990: 148).

⁵⁰ Маравалл (Maravall, 1981: 33) задал испанским рабочим такой же вопрос в 1977 году, 62% ответили утвердительно.

⁵¹ (Fohla de S.Paulo, 24 сентября 1989 года, стр. В-8). Я благодарен Хосе Альваро Мойзесу за то, что он обратил мое внимание на этот опрос.

⁵² Эта гипотеза предполагает важный методологический пункт: оценка успеха реформ, охватывающая различные группы или слои, может ввести в заблуждение. Отметим противоречия в Чили. В 1980 году взгляды резко разделились: экономика развивалась, инфляция понизилась, но был высок уровень безработицы, катастрофически снизилась зарплата и существенно уменьшилось потребление общества. К 1982—1983 годам положение в стране превратилось в абсолютное бедствие; экономика страдала от сильнейшего спада, какого не было с 1930-х годов. К 1986 году рост экономики шел медленно, но уровень жизни 40% беднейшего населения был ниже, чем в 1973 году, доход на душу населения был не намного выше, чем в 1971 году; существовал государственный дефицит, частные инвестиции были отрицательными и т.д. В 1989 году экономика росла быстрыми темпами, консенсус был всеобщим, включая политиков-демократов, унаследовавших авторитарные реформы, что необычайно обнадеживало.

⁵³ Такое понятие об институционном времени дал Норберт Лехнер.

⁵⁴ Лучшим примером союзов, которые не являются ни достаточно сильными, ни достаточно большими, опять же могут быть союзы в Аргентине. В то время, как я пишу эти строки, Федерация союзов Аргентины (CGT) призвала к регулированию цен на все основные потребительские товары, к введению валютного контроля, к недопущению планов правительства по приватизации, к отказу от планов упразднить общественное управление, к значительному увеличению зарплат (Latin American Weekly Report, WR-90-11, 22 марта 1990 года).

⁵⁵ Антонио Роджеро Магри вышел из состава бразильского профсоюзного движения, когда, будучи президентом Электрикал Уоркерз, делал заявления вроде: «Все, что мы, рабочие, хотим — это инвестиций фирм, чтобы развивалась экономика. Нет лучшей гарантии рабочих мест, чем экономическое развитие» (Journal da Tarde, Sao-Paulo, 27 июля 1987 года, стр. 12).

⁵⁶ Если все знают, что цена определенного товара не будет больше регулироваться, его раскупят прежде, чем будут предприняты меры; если все знают, что зарплата и цены будут заморожены в определенный день, их будут поднимать как можно выше до тех пор, пока этот день не наступит; если все знают, что сбережения будут заморожены, то деньги будут сняты со счетов банков.

⁵⁷ Один североамериканский советник польского правительства заметил недавно на конференции: «Теперь от поляков зависит, удастся ли программа. С экономической точки зрения программа разумна. Она может быть подорвана только людьми, поддавшимися на популистские призывы». Эхом ему вторит Брехт: «Не будет ли для правительства проще распустить Народ и избрать другой?»

⁵⁸ Экономическая логика и политические предпосылки таких договоров обсуждаются Лехнером (Lechner, 1985) и Пшеворским (Przeworski, 1987b). Обзоры опыта различных стран включают работы (Cordova, 1985), (Pappalardo, 1985) и (dos Santos, 1987).

⁵⁹ Полезное описательное сравнение опыта Венесуэлы и Испании по заключению социальных договоров дал Кордова (Cordova, 1985). По Испании см. (Garcia, 1984), (Gonzalez, 1985) и (Perez-Diaz, 1986). Венесуэлу, я считаю, надо рассматривать как отдельный случай из-за дохода от ренты, получаемого ею за нефть. Карл (Karl, 1987) и Мак-Кой (McCoу, 1987) предлагают противоположный анализ социальных договоров в Венесуэле, но с моей точки зрения, первый — преувеличивает, а второй — недооценивает роль нефти.

⁶⁰ Хуан Карлос Торпе сказал это на семинаре «Transição política: necessidades e limites da negociacao» в университете Сан-Пауло в июне 1987 года (см.: Guilhon Albuquerque and Durham, 1987).

⁶¹ Расоте Bresser был объявлен накануне встречи, предназначенной для выяснения возможности социального договора, в результате личного давления президента Сарни.

⁶² О недовольстве непостоянством политики правительства смотри речи как представителей ассоциаций работодателей, так и лидеров профсоюзов на семинаре по вопросам социальных договоров в Сан-Пауло (Guilhon, Albuquerque, Durham, 1987).

⁶³ Заметьте, что, когда коммунистическая партия Италии в 1976 году решила поддержать политику жесткой экономии, предложенную правительством, один миллион рабочих прошел в вечерней школе курс экономики, разъясняющий необходимость такой строгой экономии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Посылкой своеобразного восточноевропейского силлогизма является суждение: «Если бы не "система", то мы были бы похожи на Запад». Однако множество стран, которые никогда не знали коммунизма, так, увы, и остались частью Юга; половина человечества проживает в капиталистических странах, которые нищенствуют и управляются то одними, то другими группами, принадлежащими сфере организованной преступности. Как заметил один крупный бразильский бизнесмен, «наши деловые люди полагают, что коммунизм провалился; они забывают, что капитализм также потерпел чудовищное поражение»¹. Нищета, неравенство, неэффективная экономика, репрессии и засилье иностранцев — каждодневные реалии миллиардов людей для которых Запад остается Севером.

Какая гарантия тогда существует для того, чтобы силлогизм был завершенным, для того, чтобы верить в то, что раз «система» в наличии, то Восточная Европа встанет на путь «демократии, рынка и европейского образа жизни», на путь, которым шествует Запад? Это тот самый вопрос, на который мы стремились ответить в этой книге.

Заключение по своему жанру не должно отличаться осторожностью выражений или недоговоренностью. Позвольте мне подвести итоги анализа, проведенного в книге, а в завершение порассуждать о будущем Восточной Европы.

Для того чтобы демократические институты были прочными и стабильными нужно, чтобы они в то же время отвечали интересам всех основных политических сил и обеспечивали заметные экономический рост. Однако институты, которые возникли в процессе начавшегося перехода к демократии, в значительной мере случайны и неупорядочены; они воз-

ники в результате вполне понятного стремления разрешить какие-то фундаментальные конфликты в обществе или отсрочить их обострение. Политические силы, которые ощущают себя проигравшей стороной в условиях новых социальных институтов, вновь и вновь будут оспаривать их законность и целесообразность. И до тех пор, пока армия будет оставаться вне гражданского контроля, «военный вопрос» будет постоянным источником нестабильности демократических институтов.

Более того, далеко не все антиавторитарные движения являются демократическими. Некоторые движения встали под демократические знамена только для того, чтобы покончить с их авторитарными противниками и союзниками последних в борьбе с отжившим режимом. Как только возникли демократические институты, они стараются монополизировать право представлять «национальный интерес», подавить противоположную точку зрения и искоренить все потенциальные разногласия.

Продолжительность существования новых демократических государств между тем зависит не только от системы социальных институтов и идеологий, которые проповедаются основными политическими силами, а во многом и от их экономических достижений. Глубокие экономические реформы могут быть развернуты, только если имеется надежда, что падение уровня жизни в нарождающихся демократиях когда-нибудь прекратится и постепенно жизнь улучшится.

Тем не менее реформа экономики подобна прыжку в омут: она стимулирована отчаянием и надеждой, а не реальным расчетом. По политическим соображениям часто стратегия реформ выбирается такой, которая не учитывает в полной мере социальную цену, которая должна быть за них уплачена. Так, стратегия «горькой пилюли» сочетает в себе шаги в сторону рынка и трансформацию собственности. И даже если подобные реформы поначалу получают всеобщую поддержку, то по мере продвижения реформ вперед и ухудшения жизни их поддержка заметно уменьшается. Инфляция может разго-

ратся вновь и вновь ввиду давления тех или иных обстоятельств и социальных групп. Трудно переносима и безработица, даже если она и временна. Растущее материальное неравенство вызывает подозрение, что реформы выгодны только некоторым социальным группам и служат их обогащению. Сталкиваясь с политическим противодействием, правительства скорее всего будут колебаться между технократическим политическим стилем управления, свойственного рыночным реформам, и уступками, необходимыми для сохранения хоть какого-то согласия. Правительства отказываются от проведения каких-то важных реформ или откладывают их на неопределенный срок. И каждый раз первоначальная уверенность в успехе реформ тает. В конце концов колебания в действиях не вполне безупречных с точки зрения финансовой дисциплины правительств становятся политически дестабилизирующими общество.

Искушений авторитаризмом тогда уже не избежать. Хор несогласных голосов, промедление времени, вызванное процедурной необходимостью, непонятность и какая-то иррациональность политических конфликтов неизбежно ведут к нетерпению и нетерпимости сторонников реформ. С другой же стороны, материальные лишения, технократический стиль политических решений, неэффективность представительских институтов — все это подтачивает массовую поддержку демократии.

Что анализ позволяет предположить относительно будущего Восточной Европы? Я вижу два исхода: либо политическое развитие Восточной Европы будет аналогичным развитию стран, вступивших на путь демократии ранее, либо экономические преобразования приведут к результатам, которые далеки от первоначальных ожиданий.

Главный фактор, внушающий надежду, что Восточной Европе удастся избежать участи нищенского капитализма и что она нагонит Европу, — географический. Это основная посылка восточноевропейского силлогизма: «Существует только одна Европа», имеется только одна европейская цивилизация, частью которой всегда считались и народы на востоке

континента, и только временно они были отрезаны от Европы железным занавесом, опущенным в результате советского влияния. Единственно, что требуется, так это то, чтобы Болгария, Польша и Словения нашли свое достойное место в европейском семействе наций.

География, однако, является единственной подпоркой надежды, что восточноевропейские страны проследуют по пути демократии и процветания. В Европе ныне нет места недемократической политике; демократические институты являются необходимым условием, позволяющим какой-либо стране присоединиться к европейскому сообществу. Тем не менее местоположение вовсе не являлось гарантией инвестиций. По крайней мере до сих пор. И в то же время я не вижу причин, почему будущее Чехословакии, Венгрии или Румынии должно быть отличным от будущего Аргентины, Бразилии или Чили.

Жители Восточной Европы склонны относиться к Латинской Америке с оттенком превосходства. Через океан они видят страны, в которых нередки военные перевороты, где господствуют земельные олигархии, популистские движения, где много джунглей и пляжей. Все это экзотично, возможно, привлекательно для туристов, но уж никак не цивилизованно. Они забывают о своих «родных» военных переворотах, о своих земельных олигархиях, о своих популистах, националистах и ксенофобах. Например, я знаю польские деревни, в которых Габриэль Гарсиа Маркес чувствовал бы себя как дома; мне слышится звук танго, милого польскому уху; я ощущаю пристальные взгляды сотен тысяч людей, ждущих, когда я паду ниц перед изображением святой Марии, Пресвятой Девы из Ченстоховы и Небесной Царицы Сантьяго дель Естэро. А смогли бы Вы представить западноевропейский парламент, который, откладывая несколько важнейших экономических законов, бурно и долго будет обсуждать, стоит ли помещать крест на корону орла на польском гербе?

Забудем на секунду о географии и на место Аргентины поставим Польшу, на месту Уругвая — Венгрию. И вы увидите слабые государства, аморфные

политические партии, которые не способны объединиться для борьбы за места в представительных органах, по-прежнему монополизированные экономики, закрытые для иностранных производителей и неумело управляемые, сельское хозяйство, неспособное прокормить собственное население, разбухший до нельзя бюрократический аппарат, социальные службы, которые влачат жалкое существование и крайне примитивны. Стоит ли говорить, что при таких условиях правительства могут уступать давлению крупных компаний, популистским движениям с сомнительным отношением к демократии, армии, подчеркивающей свое недовольство, церковным иерархам и организациям, балансирующим между опасностью авторитаризма и социальной справедливостью, националистическим движениям, склонным к ксенофобии?

Ничто из сказанного вовсе не предполагает, что будущее Восточной Европы гарантировано, а Латинской Америки мрачно. Конечно, дороги к материальному благополучию и демократии не перекрыты: Испании, Португалии и Греции успешно удалось вырваться из нищеты и избежать возврата авторитаризма. Пожалуй, Южная Корея, Тайвань и Таиланд тоже имеют определенные перспективы. Такие случаи редки, но они возможны. В то же время перспективы многих стран на различных континентах не столь радужны: Чили пришлось проводить экономические реформы в условиях авторитаризма, экономика Бразилии может вот-вот пойти на спад. Чехословакия почти не имеет иностранных долгов, хотя у Венгрии этот долг громаден. Уругвай, кажется, удалось разрешить проблему армии, тогда как Аргентина продолжает жить под дамокловым мечом возможности военного путча. Венгрия имеет развитую многопартийную систему и крепкие законодательные органы, а в Румынии нет ни того, ни другого. Географии все же недостаточно, чтобы обеспечить экономический рост и светлое политическое будущее.

Неприкрытые факты свидетельствуют о том, что восточноевропейские государства стремятся к капи-

тализму и что они бедны. Это те же самые условия, которые характерны для множества народов по всей планете, также мечтающих о процветании и демократии. Следовательно, резонно заключить, что все они столкнутся с обычными для капитализма в бедных странах проблемами экономики, политики и культуры. Восток стал Югом.

Примечание

¹ Интервью вице-президента Ассоциации работодателей Сан-Пауло Р.Н.Йеху (Veja, 1989, p. 5).

Литература

Abalkin, Leonid (Абалкин Л.). 1988. Политико-экономические основы радикальной реформы хозяйственного механизма // *Советская экономическая реформа: поиски и решения*. М., Наука. С. 38—54.

Abreu, Dilip. 1988. On the Theory of Infinitely Repeated Games with Discounting // *Econometrica* 56: 383—396.

Agabengyan, Abel G. (Аганбегян А.) 1988. Economic Reforms // *Perestroika*. 1989. Abel G. Agabengyan, ed. New York, Scribner 73—109.

Andrade, Regis de Castro. 1980. Política social e normalizaçao institucional no Brasil // *America latina: Novas estrategias de dominagao*. Luis Maira, ed. Petropolis. Editora Vozes pp. 87—114.

Arrow, Kenneth J. 1951. Social Choice and Individual Values. New York, Wiley; 1964. The Role of Securities in the Optimal Allocation of Risk Bearing // *Review of Economic Studies* 9: 91—96; 1971. «Political and Economic Evaluation of Social Effects and Externalities // *Frontiers of Quantitative Economics*. M.D. Intrilligator, ed. Amsterdam, North-Holland.

Ash, Timothy Garton. 1990. The Uses of Adversity: Essays on the Fare of Central Europe. New York, Random House.

Asselain, Jean-Charles. 1984. Planning and Profits in a Socialist Economy. Oxford, Blackwell Publisher.

Auerbach, Paul, Meghnad Desai, and Ali Shamsavari. 1988. The Transition from Actually Existing Capitalism // *New Left Review* 170: 61—80.

Aumann, Robert. 1987. Correlated Equilibrium as an Expression of Bayesian Rationality // *Econometrica* 55: 1—18.

Aumann, Robert J., and Kurz, Mordecai. 1977. Power and Taxes // *Econometrica* 45: 1137—1161.

Axelrod, Robert. 1984. The Evolution of Cooperation. New York, Basic; 1986. An Evolutionary Approach to Norms // *American Political Science Review* 80: 1095—1113.

Baka, Wladyslaw. 1986. *Czas reformy*. Warsaw, Ksiazka i Wiedza.

Balassa, Bela, Gerardo M. Bueno, Pedro-Pablo Kuczynski, and Mario Henrique Simonsen. 1986. *Hacia una renovacion del crecimiento economico en America latina*. Mexico City: El Colegio de Mexico.

Balcerowicz, Leszek. 1989. Polish Economic Reform, 1981—1988 // *Economic Reforms in the Europenn Centrally Planned Economies*, Economic Commission for Europe. Economic Studies, № 1. New York, United Nations: 42—52.

Bauer, Thomas. 1989. The Unclearing Market // *Alternatives to Capitalism*, Jan Elster and Karl Ove Moene, eds. Cambridge, Cambridge University Press: 71—83.

Beck, Nathaniel. 1978. Social Choice and Economic Growth // *Public Choice* 33: 33—48.

Becker, Gary S. 1976. Comment [on Peltzman] // *Journal of Law and Economics* 19: 245—248.

Bence, Gyorgy. 1990. Political Justice in Post-Communist Societies: The Case of Hungary. Manuscript. Eptvos Lorand University of Budapest.

Benhabib, Jeff, and Radner, Roy. 1988. Joint Exploitation of a Productive Asset: A Game-Theoretic Approach. Manuscript. New York University and A.T. &T.

Bergson, Abram. 1984. Income Inequality under Soviet Socialism // *Journal of Economic Literature* 22: 105—116.

Bideleux, Robert. 1985. *Communism and Development*. London, Methuen.

Bobbio, Norberto. 1989. *Democracy and Dictatorship*. Minneapolis, University of Minnesota Press.

Bogdanowicz-Bindert, Christine A. 1983. Portugal, Turkey, and Peru: Three Successful Stabilization Programs under the Auspices of the IMF // *World Development* 11: 65—70.

Bowles, Samuel. 1985. The Production Process in a Competitive Economy // *American Economic Review* 75: 16—37.

Bowles, Samuel, and Herbert Gintis. 1986. *Democracy and Capitalism: Property, Community, and the Contradictions of Modern Social Thought*. New York, Basic.

Braybrooke, David. 1976. The Insoluble Problem of the Social Conflict // *Dialogue* 15: 3—37.

Brennan, Geoffrey, and Lomasky, Loren E. 1989. Introduction // *Politics and Process*, Geoffrey Brennan and Loren E. Lomasky, eds. Cambridge, Cambridge University Press: 1—11

Bresser Pereira, Luiz Carlos. 1978. O colapso de uma aliança de classes. São Paulo, Editora Brasiliense; 1984. Development and Crisis in Brazil, 1930—1983. Boulder, Colo.: Westview. Bruno, Michael, and Jeffrey Sachs; 1985. Economics of Worldwide Stagflation. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.

Bruszt, Laszlo. 1988. «Without Us but for Us?» Political Orientation in Hungary in the Period of Late Paternalism // *Social Research* 55: 43—77; 1989. The Dilemmas of Economic Transition in Hungary // *Sudost Europa* 38: 716—729.

Buchanan, Allen. 1985. Ethics, Efficiency, and the Market. Totowa, N.J., Rowman and Allanhead.

Buchanan, James, and Tullock Gordon. 1962. The Calculus of Consent. Ann Arbor, University of Michigan Press.

Burawoy, Michael. 1979. Manufacturing Consent: Changes in the Labor Process under Monopoly Capitalism. Chicago, University of Chicago Press.

Butenko, Anatoli (Бутенко А.) 1988. Современный социализм: актуальные теоретические проблемы. М., Наука.

Calvo, Guillermo A. 1989. Incredible Reforms // *Debt, Stabilization and Development: Essays in Memory of Carlos Diaz-Alejandro*, Guillermo Calvo, Ronald Findley, Pentti Kouri, and Jorge Braga de Macedo, eds. London, Blackwell Publisher: 217—234.

Campbell, Donald E. 1987. Resource Allocation Mechanisms. Cambridge, Cambridge University Press.

Cardoso, Eliana, and Daniel Dantas. 1990. Brazil // *Latin American Adjustment: How Much Has Happened*. John Williamson, ed. Washington, D.C., Institute for International Economic: 129—154.

Cardoso, Fernando Henrique. 1972. O modelo político brasileiro. São Paulo, Difel; 1979. Authoritarianism at the Crossroads: The Brazilian Case. Wilson Center, Washington, D.C., Latin American Program Working Paper, № 93; 1983. O papel dos empresários no processo de transição: O caso brasileiro // *Dados* 26: 9—27.

Cariaga, Zuan L. 1990. Bolivia // *Latin American Adjustment: How Much Has Happened?* John Williamson, ed.

Washington, D.C., Institute for International Economics: 41—54.

Carr, Raymond, and Fusi Aizpurua Zuan Pablo. 1979. Spain: Dictatorship to Democracy. London, Allen and Unwin.

Carrillo, Santiago. 1974. *Demain l'Espagne*. Paris, Seuil.

Casper, Gerhard. 1989. Changing Patterns of Constitutionalism: 18th to 20th Century // Manuscript. University of Chicago.

Castroiadis, Cornelius. 1979. *Le contenu du socialisme*. Paris, Editions du Seuil.

Cohen, G. A. 1978. *Karl Marx's Theory of History: A Defense*. Princeton, N.J.: Princeton University Press.

Cohen, Joshua. 1989. The Economic Basis of Deliberative Democracy // *Social Philosophy and Policy* 2: 25—51.

Coleman, Jules. 1989. Rationality and the Justification of Democracy // *In Politics and Process*, Geoffrey Brennan and Loren E. Lomasky, eds. Cambridge, Cambridge University Press: 194—221.

Collard, David. 1978. *Altruism and Economy: A Study in Non-Selfish Economics*. Oxford, Oxford University Press.

Comisso, Ellen. 1988. Market Failures and Market Socialism: Economic Problems of the Transition // *Eastern European Politics and Societies* 2: 433-465; 1989. Crisis in Socialism or Crisis of Socialism? A Review Essay // *World Politics* (forthcoming).

Conaghan, Catherine M. 1983. *Industrialists and the Reformist Interregnum: Dominant Class Political Behavior and Ideology in Ecuador, 1972—1979*. Ph.D. dissertation. Yale University.

Conaghan, Catherine M., James M. Malloy, and Luis A. Abugattas. 1990. Business and the «Boys»: The Politics of Neoliberalism in the Central Andes // *Latin American Research Review* 25: 3—29.

Cordova, Efen. 1985. *Pactos sonais; Experiencia internacional, tipologia e modclos*. Brasilia: Instituto Brasileiro de Relacoes do Trabalho.

Cortes, Fernando, and Rosa Maria Rubalcava. 1990. *Algunas consecuencias sociales del ajuste: Mexico post 82*. Manuscript, El Colegio de Mexico.

Coser, Lewis. 1959. *The Functions of Social Conflict*. New York, Free Press.

Covre, Maria de Lourdes M. 1986. A cidadania que nao temos. Sao Paulo: Editora Brasiliense.

Cui, Zhiyuan. 1990. Marx, Theories of the Firm and the Socialist preform. M.A. thesis, University of Chicago.

Cumings, Bruce. 1989. The Abortive Abertura: South Korea in the Light of Latin American Experience // *New Left Review* 173: 5—33.

Dahl, Robert A. 1971. Polyarchy: Participation and Opposition. New Haven, Conn., Yale University Press; 1985. A Preface to Economic Democracy. Berkeley and Los Angeles, University of California Press; 1990. Transitions to Democracy // Manuscript. Yale University.

Delich, Francisco. 1984. Estado, sociedad y fuerzas armadas en la transicion argentina // *Transicion a la democracia*. Augusto Varas, ed. Santiago, Asociati6n Chilena de Investigaciones para la Paz.

de Pablo, Juan Carlos. 1990. Argentina // *Latin American Adjustment: How Much Has Happened?* John Williamson, ed. Washington, D.C.: Institute for International Economics: 111—129.

Diaz-Alejandro, Carlos. 1981. Southern Cone Stabilization Plans // *Economic Stabilization in Developing Countries*. William R. Cline and Sidney Weintraub, eds. Washington, D.C., Brookings Institution.

Diniz, Eli. 1986. The Political Transition in Brazil: A Reappraisal of the Dynamics of the Political Opening // *Studies in Comparative International Development* 21: 63—73.

Dmowski, Roman. 1989. Mysli nowocznego polaka (1903). 8th ed. Warsaw, Wydawnictwo Grunwald.

Dobb, Maurice. 1969. Welfare Economics and the Economics of Socialism: Towards a Commonsense Critique. Cambridge, Cambridge University Press.

Domaranczyk, Zbigniew. 1990. 100 dni Mazowieckiego. Warsaw, Wydawnictwo Andrzej Bonarski.

Dornbusch, Rudiger. 1990. Comment // *Latin American Adjustment: How Much Has Happened?* John Williamson, ed. Washington, D.C., Institute for International Economics: 312—327.

dos Santos, Mario R. 1987. Concertacion politica-social y democratizacion. Buenos Aires, CLACSO.

Dunn, John. 1984. The Politics of Socialism: An Essay in Political Theory. Cambridge, Cambridge University Press.

Edgeworth, Francis Y. 1881. *Mathematical Physics*. London, C. Kegan Paul.

Elson, Diane. 1988. Socialization of the Market // *New Left Review* 172: 3—44.

Elster, Jon. 1975. Optimism and Pessimism in the Discussion of the Standard of Living during the Industrial Revolution in Britain. Paper presented at the 14th International Congress of Historical Sciences, San Francisco; 1984. *Ulysses and the Sirens: Studies in Rationality and Irrationality*. Rev., ed. Cambridge, Cambridge University Press; 1986. *Self-Realization in Work and Politics: The Marxian Conception of Good Life* // *Social Philosophy and Policy* 3: 97—126; 1989. *Solomonic Judgements*. Elster, Jon, and Karl Ove Moene, eds. Cambridge, Cambridge University Press; 1989. Introduction // *Alternatives to Capitalism*, Jon Elster and Karl Ove Moene, eds. Cambridge, Cambridge University Press: 1—38.

Elster, Jon, and Slagstad Rune, eds. 1988. *Constitutionalism and Democracy*. Cambridge, Cambridge University Press.

Farrand, M., 1966. *The Records of the Federal Convention*. 4 vols. New Haven, Conn., Yale University Press.

Fischer, Franklin M. 1989. Adjustment Process and Stability // *General Equilibrium*, John Eatwell, Murray Milgate, and Peter Newman, eds. New York, Norton: 36—43.

Fontana, Andres. 1984. Fuerzas armadas, partidos politicos y transición a la democracia en la Argentina // *Transición a la democracia*. Augusto Varas, ed. Santiago, Asociaci6n Chilena de Investigaciones para la Paz; 1987. La política militar del gobierno constitucional argentino // *Ensayos sobre la transición democrática en la Argentina*, Jose Nun and Juan Carlos Portantiero, eds. Buenos Aires: Puntosur Editores: 375—418.

Fudenberg, Drew, and Maskin, Eric. 1986. The Folk Theorem in Repeated Games with Discounting or with Incomplete Information // *Econometrica* 54: 533—554.

Garcia, Manuel Alonso. 1984. En Torno a una política de relaciones laborales // *Espana: Un presente para el futuro*, vol. 2: Las instituciones. Madrid: Instituto de Estudios Economicos.

Gauthier, David. 1986. *Morals by Agreement*. Oxford, Oxford University Press.

Geddes, Barbara. 1990. Democratic Institutions as Bargains among Self-Interested Politicians. Paper presented at annual meeting of the American Political Science Association, San Francisco. September.

Golbery do Couto e Silva. 1981. Conjuntura politica nacional: O poder executivo e Geopolitica no Brasil. Rio de Janeiro, Livraria Jose Olimpio.

Gonzalez, Fernando Suarez. 1985. El Marco institucional de la relaciones laborales // *Papeles de Economia Espanola* 22: 265—81.

Grossi, Maria, and Mario R. dos Santos. 1983. La concertacion social: Una perspectiva sobre instrumentos de regulacion economico-social en procesos de democratización // *Critica y Utopia* 9: 127—148.

Guilhon Albuquerque, Jose A., and Eunice Ribeiro Durham, eds. 1987. Transigdo politica: Necessidades e limites da Negociacao. Sao Paulo: Universidade de Sao Paulo.

Habermas, Jurgen. 1975. Legitimation Crises. Boston, Beacon.

Haggard, Stephan. 1986. The Politics of Adjustment: Lessons from the IMF's Extended Fund Facility // *The Politics of International Debt*, Miles Kahler, ed. Ithaca, N.Y., Cornell University Press: 157—186.

Haggard, Stephan and Robert Kaufman. 1989. The Politics of Stabilization and Structural Adjustment // *Developing Country Debt and the World Economy*, Jeffrey D. Sachs, ed. Chicago, University of Chicago Press: 263—274.

Hahn, F.H. 1989. Auctioneer // *General Equilibrium*. John Eatwell, Murray Mitigate, and Peter Newman, eds. New York: Norton: 62—S.

Hankiss, Elemer. 1989. East European Alternatives: Are There Any? Budapest, Institute of Sociology, Hungarian Academy of Sciences.

Hansmann, Henry. 1988 Ownership of the Firm // *Journal of Law, Economics, and Organization* 4: 267—304.

Hardin, Russell. 1987. Why a Constitution? Manuscript. University of Chicago.

Hardin, Russell, Stephen Holmes, and Adam Przeworsky. 1988. The Constitution of Democracy. Manuscript. University of Chicago.

Hayward, J. E. S. 1983. *Governing France: The One and Indivisible Republic*. 2d ed. London, Weidenfeld and Nicolson.

Herrero de Minon, Miguel. 1979. Les sources etrangeres de la Constitution // *Pouvoirs* 8: 97—109.

Hicks, Alexander. 1988. Social Democratic Corporatism and Economic Growth // *Journal of Politics* 50: 677—704.

Hirschman, Albert O. 1985. Against Parsimony: Three Ways of Complicating Some Categories of Economic Discourse // *Economics and Philosophy* 1: 7—21; 1986. On Democracy in Latin America // *New York Review of Books*, 10 April.

Holmstrom, Bengt. 1982. Moral Hazard and Incentives in Teams // *Bell Journal of Economics* 13: 324—340.

Huntington, Samuel P. 1968. *Political Order in Changing Societies*. New Haven, Conn., Yale University Press.

Hurwicz, Leomd. 1973. The Design of Resource Allocation Mechanisms // *American Economic Review* 63: 1—30.

Kalyvas, Stathis N. 1989. The Politics of Nationalization and Privatization in Great Britain, 1973—1983. Manuscript. University of Chicago.

Karl, Terry Lynn. 1987. Petroleum and Political Pacts: The Transition to Democracy in Venezuela // *Latin American Research Review* 22: 63—94.

Kavka, Gregory S. 1986. *Hobbesian Moral and Political Theory*. Princeton, N.J., Princeton University Press.

Kirzner, Israel M. 1988. Some Ethical Implications for Capitalism of the Socialist Calculation Debate // *Social Philosophy and Policy* 6: 165—183.

Kishlansky, Mare. 1986. *Parliamentary Selection*. Cambridge, Cambridge University Press.

Knight, Jack. 1990. *Institutions and Distribution*. Manuscript. Washington University, St. Louis.

Kolarska-Bobinska, Lena. 1988. Social Interests, Egalitarian Attitudes, and the Change of Economic Interests // *Social Research* 55: III—39; 1989. Poczucie niesprawiedliwosci, konfliktu i preferowany lad w gospodarce // *Polacy* 58, Warsaw, CPBP: 81—159.

Kornai, Janos. 1986. The Hungarian Reform Process: Visions, Hopes and Reality // *Journal of Economic Literature* 24: 1687—1737.

Kreps, David M., and Evan L. Porteus. 1978. Temporal Resolution of Uncertainty and Dynamic Choice Theory // *Econometrica* 46: 185—200; 1979a. Temporal von Neumann—Morgenstern and Induced Preferences // *Journal of Economic Theory* 20: 81—109; 1979b. Dynamic Choice Theory and Dynamic Programming // *Econometrica* 47: 91—100.

Kuron, Jacek. 1990. Wiara i Wina: Do i od komunizmu. Warsaw: Niezależna Oficyna Wydawnicza.

Lamounier, Bolivar. 1979. Notes on the Study of Re-Democratization. Wilson Center, Washington, D.C., Latin American Program Working Paper, № 58.

Lancaster, Kevin. 1973. The Dynamic Inefficiency of Capitalism // *Journal of Political Economy* 81: 108—109.

Lane, Frederic C. 1979. Profits from Power: Readings in Protection Rent and Violence Controlling Enterprises. Albany, State University of New York Press.

Lange, Peter, and Geoffrey Garrett. 1985. The Politics of Growth: Strategic Interaction and Economic Performance in the Advanced Industrial Democracies, 1974—1980 // *Journal of Politics* 47: 792—827.

Latin American Weekly Report. Published by Latin American Newsletters, London.

Lavoie, Daniel. 1985. Rivalry and Central Planning: The Socialist Calculation Debate Revisited. Cambridge, Cambridge University Press.

Lechner, Norbert. 1985. Pacto social nos processos de democratizaçao: A experiencia latino-americana // *Novos Estudos* 13: 29—44; 1986. Responde la democracia a la busqueda de la certidumbre? // *Zona Abierta* 39—40: 69—94.

Leijonhufvud, Axel. 1986. Capitalism and the Factory System // *Economics as a Process*. Richard N. Langlois, ed. Cambridge, Cambridge University Press.

Lenin, V. I. 1959. Against Revisionism. Moscow, Progress Publishers.

Levhari, D., and L. J. Mirman. 1980. The Great Fish-War: An Example Using the Cournot—Nash Solution // *Bell Journal of Economics* 11: 322—324.

Lewis, David. 1969. Conventions: A Philosophical Study. Cambridge, Mass., Harvard University Press.

Linz, Juan. 1984. Democracy: Presidential or Parliamentary. Does It Make a Difference? Manuscript, Yale

University; 1990. Transitions to Democracy // *Washington Quarterly*, Summer: 143—164.

Lipset, Seymour Martin. 1960. Political Man. Garden City, N.Y., Doubleday.

Lipset, Seymour Martin, and Rokkan, Stein. 1967. Party Systems and Voter Alignments: Cross-national Perspectives. New York, Free Press.

Littlechild, Stephen C. 1986. Three Types of Market Processes // *Economics as a Process*. Richard N. Langlois, ed. Cambridge, Cambridge University Press.

Loewenstein, George. 1987. Anticipation and the Valuation of Delayed Consumption // *Economic Journal* 97: 666—694.

Lopez, Juan. 1990. Political Determinants of Private Investment in Argentina: Field Work Impressions. Manuscript. University of Chicago.

Lopez-Pintor, Rafael. 1980. Transition toward Democracy in Spain: Opinion Mood and Elite Behavior. Wilson Center, Washington, D.C., Latin American Program Working Paper.

Lucas, Robert E., Jr. 1988. On the Mechanics of Economic Development // *Journal of Monetary Economics* 22: 3—42.

Luxemburg, Rosa. 1970. Reform or Revolution. New York, Pathfinder.

McCoy, Jennifer. 1987. State, Labor, and the Democratic Class Compromise in Venezuela. Paper presented at meeting of the Southeastern Conference on Latin American Studies, Merida, Mexico.

McKelvey, Richard D. 1976. Intransitivities in Multidimensional Voting Models and Some Implications for Agenda Control // *Journal of Economic Theory* 12: 472—82.

Maddison, Angus. 1989. The World Economy in the 20th Century. Paris, OECD.

Mandel, Ernest. 1986. A Critique of Market Socialism // *New Left Review* 159: 5—38, 1988. The Myth of Market Socialism // *New Left Review* 169: 108—121.

Manin, Bernard. 1987. On Legitimacy and Political Deliberation // *Political Theory* 15: 338—368.

Maravall, Jose Maria. 1981. La politica de la transicion, 1975—1980. Madrid, Taurus; 1990. Economic Reforms in

New Democracies: The Southern European Experience. University of Chicago, ESST Working Papers, № 2.

Marx, Karl. 1952. The Class Struggle in France, 1848 to 1850. Moscow, Progress Publishers; 1967. Capital. 3 vols. New York, International Publishers.

Matthews, Mervyn. 1986. Poverty in the Soviet Union. Cambridge, Cambridge University Press.

Mellor, John W., and Bruce F. Johnston. 1984. The World Food Equation: Interrelations among Development, Employment and Rod Consumption // *Journal of Economic Literature* 22: 531—574.

Migranyan, A. M. (Мигранян А.) 1988. Переход тоталитарно-авторитарных режимов к демократии // *Политические реформы в странах социализма*. Под ред. Е.А.Амбарцумова, И.М.Клямкина. М., АН СССР.

Miliband Ralph. 1975. Parliamentary Socialism: A Study in the Politics of Labour. 2nd ed. London, Merlin Press.

Moatti, Gerard. 1989. Les jeunes deviennent capitalistes // *L'Expansion*, 18 May.

Moene, Karl Ove. 1989. Strong Unions or Worker Control? // *Alternatives to Capitalism*. Jon Elster and Karl Ove Moene, eds. Cambridge, Cambridge University Press: 83—98.

Moises, Jose Alvaro. 1986. Sociedade civil, cultura politica e democracia: Descaminhos da transicao politica // *A cidadania que nao temos*, Maria de Lourdes M. Covre, ed. Sao Paulo, Edit ra Brasiliense: 119—151.

Montesquieu. 1905. Extraits de l'Esprit des lois et des oeuvres diverses. Camille Jullian, ed. Paris: Librairie Hachette.

Moore, Barrington, Jr. 1965. Social Origins of Dictatorship and Democracy. Boston, Beacon.

Moulin, Herve. 1986. Game Theory for the Social Sciences. 2d ed. New York, New York University Press.

Murilo de Carvalho, Jose. 1987. Militares e civis: Um debate alem da contituinte. Paper presented at the Eleventh Annual Meeting of ANPOCS, Aguas de Sao Pedro.

Nelson, Joan M. 1984. The Politics of Stabilization // *Adjustment Crisis in the Third World*. R. E. Feinberg and V. Kallab, eds. New Brunswick, N.J., Transaction Books.

Nelson, Joan M., 1990. Economic Crisis and Policy Choice: The Politics of Adjust ment in the Third World. Princeton, N.J., Princeton University Press.

Newbery, David, and Joseph Stiglitz. 1981. *The Theory of Commodity Price Stabilization*. Oxford, Oxford University Press.

Nove, Alec. 1983. *The Economics of Feasible Socialism*. London, Allen and Unwin; 1987. *Markets and Socialism* // *New Left Review* 161: 98–104.

O'Donnell, Guillermo. 1978a. Reflections on the Patterns of Change in the Bureaucratic-Authoritarian State // *Latin American Research Review* 13: 3–38; 1978b. State and Alliances in Argentina, 1956–1976 // *Journal of Development Studies* 15: 3–33; 1979. Notas para el estudio de procesos de democratización a partir del estado burocratico-autoritario // *Estudios CEDES* 5; 1989. Argentina, de nuevo. Manuscript. CEBRAP, Sao Paulo.

O'Donnell, Guillermo, and Philippe C. Schmitter. 1986. *Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies*. Baltimore, Johns Hopkins University Press.

Offe, Claus. 1985. *Disorganized Capitalism*. Cambridge, Mass., MIT Press.

Olson, Mancur, Jr. 1965. *The Logic of Collective Action*. Cambridge, Mass., Harvard University Press.

O'Neill, John. 1989. Markets, Socialism, and Information: A Reformulation of a Marxian Objection to the Market // *Social Philosophy and Policy* 6: 200–211.

Organization for Economic Cooperation and Development. 1990. *Transition from the Command to Market Economy*. Summary of a meeting held at the Vienna Institute for Comparative Economic Studies. Paris: OECD.

Ostrowski, Krzysztof. 1989. The Decline of Power and Its Effects on Democratization: The Case of the Polish United Workers Party // *Eastern Europe and Democracy The Case of Poland*. New York, Institute for East-West Security Studies: 15–28.

Ostrowski, Krzysztof, and Adam Przeworski. 1965. Trade Unions and Economic Planning in Poland // *Polish Roundtable* 1.

Pappalardo, Adriano. 1985. *Il governo del salario nelle democrazie industriali*, Milan, Franco Agnelli.

Pareto, Vilfredo. 1927. *Manuel d'economie politique*. 2d ed. Paris, Giard.

Perez-Diaz, Victor. 1986. Economic Policies and Social Pacts in Spain during the Transition // *Political Stability and Neocorporatism*. Ija Scholten, ed. Beverly Hills, Calif. Sage.

Petrakov, Nikolai, and Yassine Evgeni (Петраков Н., Ясин Е.). 1988. Экономические методы в плановом централизованном управлении // *Советская экономическая реформа: поиски и решения*. М., Наука. С. 54—86.

Pigou, A. C. 1932. *The Economics of Welfare*. 4th ed. London, Macmillan.

Pizzorno, Allesandro. 1978. Political Exchange and Collective Identity in Industrial Conflicts // *The resurgence of Class Conflicts in Western Europe since 1968*. Colin Crouch and Allesandro Pizzorno, eds. London, Macmillan.

Porozumienia Okraglego Stolu. 1989. Warsaw: NSSZ Solidarnosc.

Przeworski, Adam. 1982. «The Man of Iron» and Men of Power in Poland // *PS* 15: 18—31; 1985. Capitalism and Social Democracy. Cambridge, Cambridge University Press; 1986a. The Feasibility of Universal Grants under Democratic Capitalism // *Theory and Society* 15: 695—709; 1986b. Marxism and Rational Choice // *Politics and Society* 14: 379—409; 1986c. Some Problems in the Study of the Transition to Democracy // *Transition from Authoritarian Rule*, vol. 1. Guillermo O'Donnell and Philippe C. Schmitter, eds. Baltimore: Johns Hopkins University Press; 1987a. Democracy as a Contingent Outcome of Conflicts // *Constitutionalism and Democracy*. Jon Elster and Rune Slagstad, eds. Cambridge, Cambridge University Press; 1987b. Capitalismo, democracia, pactos // *Transigao politica: Necessidades e limites da negociacao*. Jose A. Guilhon Albuquerque and Eunice Ribeiro Durham, eds. Sao Paulo: Universidade de Sao Paulo; 1990. *The State and the Economy under Capitalism*. Chur: Harwood Academic Publishers. I

Przeworski, Adam, and Sprague, John D. 1986. *Paper Stones: A History of Electoral Socialism*. Chicago, University of Chicago Press.

Przeworski, Adam, and Wallerstein, Michael. 1982. The Structure of Class Conflicts under Democratic Capitalism // *American Political Science Review* 76: 215—238; 1988. Structural Dependence of the State on Capital // *American Political Science Review* 82: 11—31.

Putterman, Louis. 1986. On Some Recent Explanations of Why Capital Hires Labor // *The Economic Nature of the Firm*. Louis Putterman. ed. Cambridge, Cambridge University Press: 312—328.

Rainwater, Lee, Barbara Torrey, and Timothy Smeeding. 1989. Poverty and Low incomes: International Evidence from Household income Surveys. Manuscript.

Rasmusen, Eric. 1989. Games and Information. An Introduction to Game Theory. Oxford, Blackwell Publisher.

Remmer, Karen I. 1986. The Politics of Economic Stabilization // *Comparative Politics* 19: 1—24.

Riker, William H. 1962. The Theory of Political Coalitions. New Haven, Conn., Yale University Press; 1982. Liberalism against Populism: A Confrontation between the Theory of Democracy and the Theory of Social Choice. San Francisco, Freeman.

Roemer, John. 1989a. Public Ownership and Private Property Externalities // *Alternatives to Capitalism*. Jon Elster and Karl Ove Moene, eds. Cambridge, Cambridge University Press: 159—179; 1989b. Decentralization, Duplicity, and Minimal Equity. Manuscript. University of California at Davis.

Roland, Gerard. 1989. Complexity, Bounded Rationality and Equilibrium: The Soviet-Type Case. Manuscript. Université Libre de Bruxelles.

Rolicki, Janusz. 1990. Edward Gierek: Przerwana dekada. Warsaw, Wydawnictwo FAKT.

Rousseau, Jean-Jacques. 1986. Considerations on the Government of Poland // *Rousseau. Political Writings. Selections*. Frederick Watkins, trans. and ed. Madison, University of Wisconsin Press.

Rubinstein, Ariel. 1988. Comments on the Interpretation of Game Theory. Paper delivered as the Walras-Bowley Lecture at meeting of the North American Econometric Society, June.

Rustow, Dankwart A. 1955. The Politics of Compromise: A Study of Parties and Cabinet Governments in Sweden. Princeton, N.J., Princeton University Press; 1970. Transitions to Democracy: Toward a Dynamic Model // *Comparative Politics* 2: 337—363.

Saguir, Julio. 1990. On the Origins of the Argentine Constitution. Manuscript. Department of Political Science, University of Chicago.

Sartre, Jean-Paul. 1960. Critique de la raison dialectique. Paris, Gallimard.

Saunders, Peter, and Friedrich Klau. 1985. The Role of the Public Sector: Causes and Consequences. OECD Economic Studies 4. Paris, OECD.

Schmitt, Carl. 1988. The Crisis of Parliamentary Democracy (1923). The 1st English ed. Cambridge, Mass., MIT Press.

Schmitter, Philippe C. 1974. Still the Century of Corporatism // *Review of Politics* 36: 85—131; 1984. Patti e transizioni. Messi non-democratici a fini democratici? // *Rivista Italiana di Scienza Politica* 14: 363—382.

Schneider, Ben Ross. 1990. The Politics of Privatization in Brazil and Mexico: Variations on a Statist Theme. Conference Paper, № 23, Columbia University.

Schotter, Andrew. 1981. The Economic Theory of Social Institutions. Cambridge, Cambridge University Press; 1986. The Evolution of Rules // *Economics as a Process*. Richard N. Langlois, ed. Cambridge, Cambridge University Press: 17—34

Schumpeter, Joseph A. 1950. Capitalism, Socialism and Democracy. The 3d ed. New York, Harper Bros.

Shapiro, Daniel. 1989. Reviving the Socialist Calculation Debate: A Defense of Hayek against Lange // *Social Philosophy and Policy* 6: 139—160.

Shapiro, Helen, and Lance Taylor. 1989. The State and Industrial Strategy. Manuscript. MIT.

Smith, William C. 1987. The Political Transition in Brazil: From Authoritarian Liberalization and Elite Conciliation to Democratization // *Comparing New Democracies*. Enrique A. Baylora, ed. Boulder, Colo., Westview.

Sola, Lourdes. 1990. The Politics of Heterodox Shock in Brazil: Tecnicos, Politicians, Democracy. Manuscript. University of Sao Paulo.

Stallings, Barbara, and Robert Kaufman. 1989. Debt and Democracy in the 1980s: The Latin American Experience // *Debt and Democracy in Latin America*. Barbara Stallings and Robert Kaufman, eds. Boulder, Colo., Westview: 201—223.

Staniszksis, Jadwiga. 1984. Poland's Self-Limiting Revolution. Princeton. N.J., Princeton University Press.

Stanton, Kimberly A. 1990. The Chilean Constitution of 1925. Manuscript. Department of Political Science, University of Chicago.

Stepan, Alfred. 1978. The State and Society: Peru in Comparative Perspective. Princeton, N.J., Princeton University Press.

Stigler, George. 1972. Economic Competition and Political Competition // *Public Choice* 13: 91–106.

Sugden, Robert. 1986. The Economics of Rights, Cooperation and Welfare. New York, Blackwell Publisher.

Szelenyi, Ivan. 1989. Eastern Europe in an Epoch of Transition: Toward a Socialist Mixed Economy? // *Remaking the Economic Institutions of Socialism: China and Eastern Europe*. David Stark and Victor Nee, eds. Stanford, Calif., Stanford University Press.

Tarkowski, Jacek. 1989. Old and New Patterns of Corruption in Poland and the USSR // *Telos* 80: 51–63.

Taylor, Michael. 1976. Anarchy and Cooperation. New York, Wiley.

Theil, Henri. 1976. Econometrics. New York, Wiley.

Thoma, Richard. 1988. On the Ideology of Parliamentarism Appendix to Carl Schmitt // *The Crisis of Parliamentary Democracy* (1923). Cambridge, Mass., MIT Press.

Tollison, Robert D. 1982. Rent Seeking: A Survey // *Kyklos* 35: 575–602.

Toranska, Teresa. 1985. *Oni*. London, Aneks.

Ullman-Margalit, Edna. 1977. The Emergence of Norms. Oxford, Oxford University Press.

van der Veen, Robert, and Philippe van Parij. 1986. A Capitalist Road to Communism // *Theory and Society* 15: 635–657.

Verney, Douglas. 1959. Parliamentary Reform in Sweden. 1866–1921. London, Oxford University Press.

Vernon, Raymond. 1988. The Promise of Privatisation: A Challenge for U.S. Policy. New York, Council on Foreign Relations.

Verou, Pablo Lucas. 1976. Criticayuridica-polica de la reforma Smirez. Madrid, Editorial Tecnos.

Vickers, Douglas. 1987. Money Capital in the Theory of the Firm. Cambridge, Cambridge University Press.

Walicki, Andrzej. 1990. From Stalinism to Post-Communist Pluralism. Manuscript. Notre Dame University.

Walras, L. 1874. Elements d'economie politique pure. Pans Guillaumin.

Ward, Benjamin. 1957. The Firm in Illyria: Market Syndicalism // *American Economic Review* 48: 566—589.

Weber, Max. 1968. Economy and Society. 3 vols. G.Roth and C.Wittich, eds. New York.

Weffort, Francisco. 1989. Incertezas de transiqao na America latina // *Lua nova* 16: 5—47.

Weil, Philippe. 1990. Nonexpected Utility in Macroeconomics // *Quarterly Journal of Economics* 104: 29—42.

Wiatr, Jerzy J. 1983. *Polska szansa*. Krakow: Wydawnictwo Literackie; 1989. Nie sposob zatrzymac lawiny // *Zdanie* 11—12: 2—14.

Wilk, Marian. 1988. Czfowiek i Stal. Warsaw, PIW.

Williamson, John. 1990. Latin American Adjustment: How Much Has Happened. Washington, D.C., Institute for International Economics.

Wnuk-Lipinski, Edmund. 1989. Nierownsci, depriwacje i przywileje jako podloze konfliktu spolecznego // *Polacy* 88, Warsaw, CBPB: 18—80.

Wood, Gordon S. 1969. The Creation of the American Republic, 1776—1787. Chapel Hill, University of North Carolina Press.

Zaleski, Edward. 1984. La planification stalinienne: Croissance et fluctuations economiques en URSS, 1933—1953. Paris, Economica.

Zalyguine, Sergeuei. 1987. Le «projet du siecle»: Detournement des fleuves, detournement de la science par la bureaucratie // *Les Temps Moderns* 42: 171 —192.

Zaslavskaya, Tatyana I. (Заславская Т.) 1988. Friends or Foes? Social Forces Working for and against Perestroika // *Perestroika*. Abel G. Agabegyan, ed. 1989, New York, Scribner. Zaslavsky, Victor: 255—280; 1987—1988. Three Years of Perestroyika // *Telos* 74: 31—42.

Оглавление

Катехизис реформ	5
Введение	10
Пролог: крушение коммунизма	16
Г л а в а 1. ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО	
Демократическое государство	28
Как добиваются результатов в демократическом государстве?	33
Демократическое государство, рациональность и согласие	33
Сравнение взглядов на согласие	39
Демократическое государство как равновесие	47
Институциональное устройство	58
Переходы к демократии	62
Приложение	65
Примечания	76
Г л а в а 2. ПЕРЕХОДЫ К ДЕМОКРАТИИ	
Введение	91
Либерализация	95
Демократизация	107
Введение	107
Высвобождение	109
Конституирование	122
Соперничество	132
Выводы	137
Приложение. Методы изучения переходов	139
Примечания	144
Г л а в а 3. КАПИТАЛИЗМ И СОЦИАЛИЗМ	
Введение	162
Методологические предпосылки	163
Эндогенные предпочтения	164

Проекты и действительность	165
Классовые основы предпочтений	167
Капитализм и социализм	168
Проекты	168
Осуществимость	177
Действительность	183
Что возможно реформировать?	186
Реформирование социализма	187
Рыночный социализм	189
Социал-демократия	195
Могли бы мы накормить каждого?	198
Примечания	201

Г л а в а 4. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ

Введение	216
Издержки реформ переходного периода	219
Условия и стратегии	220
Совокупные последствия	230
Неэффективность распределения ресурсов	245
Последствия распределения	248
Заключение	251
Политическая динамика реформ: модель	251
Выбор стратегий	252
Динамика народной поддержки	258
Динамика реформ	262
Результаты распределения доходов	265
Выводы	271
Политические последствия экономических реформ	273
Примечания	283
Заключение	295
Примечания	300
Литература	301

А.Пшеворский
ДЕМОКРАТИЯ И РЫНОК
Политические и экономические реформы
в Восточной Европе и Латинской Америке.

Художественное оформление *А.Сорокин*
Компьютерная верстка *В.Юрченко*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 12.09.2000.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 16,8. Уч.-изд. л. 18,1. Доп. тираж 1000 экз.
Заказ № 550

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)

129256, Москва, ул. В.Пика, д. 4, корп. 2. Тел. 181-01-71
Тел./Факс 181-34-57 (отдел реализации).

Отпечатано в соответствии с качеством предоставленного оригинал-макета
в ППП «Типография «Наука». 121099, Москва, Шубинский пер., 6